

Г. ЭМАР

Г. ЭМАР

Scan Kreyder - 30.12.2017 - STERLITAMAK

Γ.ΘΜΑΡ

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1994

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

том восемнадцатый

Король золотых приисков

Мексиканские ночи

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1994

ББК 84.4 Фр.
Э54

Иллюстрации А. КАПНИНСКОГО

Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭПРОР»

Эмар Г.
Э54 Собрание сочинений: В 25 т. Т. 18: Король золотых
приисков; Мексиканские ночи: Романы / Перевод с
фр. — М.: ТЕРРА, 1994. — 352 с.

ISBN 5-85255-401-4 (т. 18)
ISBN 5-85255-092-2

Э 4703010100-039 Подписное
А30(03)-94

ББК 84.4 Фр.

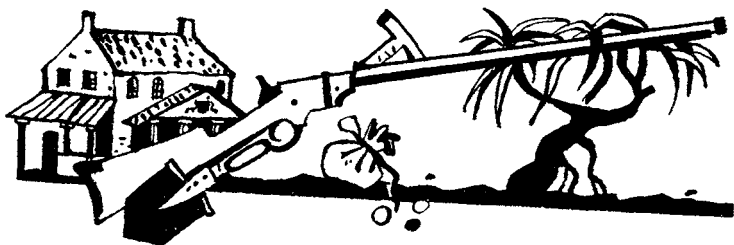
ISBN 5-85255-401-4 (т. 18)
ISBN 5-85255-092-2

© Издательский центр
«ТЕРРА», 1994

Король золотых приисков

ГЛАВА I

Гостеприимство в пустыне

Часу в восьмом вечера 14 августа 1855 года, когда из перелеска неожиданно появились два всадника на отличных мустангах, на левом берегу Гумбольдт-ривер прогремел выстрел.

Судя по дороге, которой ехали всадники, они направились к Утаху, миновав Карсонскую долину.

Одеты всадники были по-европейски: охотничьи куртки, перетянутые широкими кожаными поясами, за поясами — два револьвера, топорик, патронташ и длинный нож, так называемый бычий язык, перешедший по наследству от Старого Света. На левом боку — кавалерийская сабля.

Штаны из оленьей кожи плотно облевали их мощные крепкие ноги, мягкие сапоги с громадными шпорами доходили до самых колен.

Мексиканские широкополые шляпы, украшенные золотым шнуром, спасали их от дневного зноя и ночной сырости.

У каждого всадника было также по кентуккийской винтовке. К седлу прикреплен аркан.

Вооруженные таким образом молодые люди, рослые и сильные, могли бы смело вступить в борьбу с пятнадцатью бродягами, с некоторых пор грабившими эту местность.

Старшему из путешественников было на вид лет тридцать, второму — немного меньше.

Обоих отмечала мужская красота в сочетании с редким умом. Лица их выражали твердость и в то же время беспредельную доброту. Загорелые, бородатые, они тем не

менее отличались от простых охотников и переселенцев, то и дело встречавшихся в пустыне, ибо принадлежали к так называемому высшему обществу.

Молодые люди были французами.

Того, что постарше, звали Фрэнсис де Вердьер, точнее, он сам себя так называл.

В Америке это принято. Там можно придумать себе не только имя, но и титул.

Второго путешественника звали Гастон Дюфальга.

Вердьера чаще всего называли доктором, а Дюфальга капитаном. Хотя оснований для этого не было никаких.

Репутация у молодых людей была не самая лучшая.

Они прибыли в Сан-Франциско почти одновременно, довольно долго прожили там, совершенно случайно познакомились в одном доме, узнали друг в друге французов и подружились.

Как-то Дюльфага предложил Вердьеру съездить в Утах на Соленое озеро в столицу мормонов, и тот сразу же согласился.

Приготовления заняли не много времени, и уже через две недели молодые люди отправились в путь, взяв в проводники канадца-охотника.

В тот вечер, когда мы их встретили после заката на берегу Гумбольдт-ривер, они находились в пути уже семнадцать дней.

Проводника с ними не было.

Он указал им дорогу и на некоторое время оставил одних.

Вдруг Дюфальга придержал лошадь, привстал в стремених и с опаской огляделся.

Не увидев ничего особенного, он обернулся к своему спутнику, ехавшему позади и наслаждавшемуся превосходной сигарой.

— Ну что, доктор?

— Ничего, — ответил тот, окутанный клубами дыма, из-за чего невозможно было рассмотреть выражение его лица.

— Любезный Френсис, что-то не видно на дороге ни пеших, ни конных.

— Это и хорошо, и плохо, мой добрый Гастон.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что я хочу сказать? — отозвался Френсис, стряхивая мизинцем пепел с сигары. — Я хочу сказать, что, ес-

ли встретится друг, это хорошо, а если встретится враг — плохо.

— Вы говорите, доктор, как пьяный оракул.

— Ничуть ни бывало, капитан, я знаю, что говорю. Вы ничего не видите, потому что нечего больше видеть.

— А было что?

— Было, но мы опоздали. Занавес опущен. Подождем, пока его снова поднимут.

— Еще загадка.

— О, любезный Гастон! Вы просто смешны!

— Хотел бы я знать, почему.

— Потому что легкомысленны.

— А где доказательства?

— Доказательства есть неопровержимые. Вы не рассердитесь, если я их вам представлю?

— Говорите, — улыбаясь, ответил Дюфальга. — В пустыне не до обид.

— Это правда?

— Правда. Но я рассчитаюсь с вами, когда мы вернемся в цивилизованный мир.

— Теперь я вижу, что вы говорите правду!

— Говорите! Говорите же!

— Если бы вы хоть минуту поразмышляли, то не спрашивали бы, что именно мы не успели увидеть.

— Значит, вы, Френсис, размышляете?

— Иногда, от нечего делать, любезный Гастон.

— И каковы результаты, позвольте узнать?

— Два дня назад мы заметили впереди по обе стороны дороги следы индейцев.

— Прекрасно. Дальше!

— В конце леса двойной след шел метров на сто и вдруг оборвался.

— Совершенно верно. Что же это, по-вашему, значит?

— Это значит, что краснокожие устроили засаду и в любую минуту могут расправиться с нами.

— Пожалуй, вы правы! Но где именно засада? Вокруг голая степь, ни деревца, ни оврага, ни пригорка. Это было бы безумием с их стороны. А они люди благоразумные.

— Плохо вы их знаете, любезный друг! Они найдут, где укрыться.

— Это невозможно!

— Я тоже так думаю, но, поверьте, они все могут,

— Я готов согласиться, если вам так угодно.

— Благодарю тысячу раз, не хотите ли сигару?

— С удовольствием!

Доктор достал прехорошенькую сигарочницу из гуаяк-вильской соломы, открыл и протянул другу.

— Пожалуйста!

Капитан взял сигару, закурил и спросил:

— Как же нам быть?

— Надо остановиться. Здесь место открытое: вокруг все просматривается, и врагу трудно будет напасть на нас.

— Вы правы. При нас нет багажа, а ночи холодные. К тому же я смертельно голоден.

— Я тоже. Но другого выхода нет. Да и лошадям надо дать отдых.

— По крайней мере, проводник нас догонит.

— Да, — засмеялся доктор, — если не отправился назад в Сан-Франциско.

— Неужели он способен на такую подлость?

— А почему бы и нет? Весьма выгодное для него дельце.

— Допустим, проводник наш — канадец.

— Ну и что? Вы им верите?

— Верю всем, кто честен.

— Все это предрассудки, дорогой друг. Своего рода иллюзии.

Путешественники спешили, расседлали лошадей, привязали к воткнутому в землю колу, расстелили одеяла и рассыпали на них маис. Лошади принялись усердно есть.

Пока капитан собирал для костра сухие ветки, листья и бизоновый навоз, доктор приготовил оружие.

Вскоре запылал костер. Друзья сели и закурили сигары, поскольку есть было нечего.

— Скучная пища! — заметил капитан, выпустив облако дыма.

— Счастье — понятие относительное, — ответил доктор со смехом, — и наше нынешнее положение — тому доказательство. Утолить голод нам нечем, зато можно заглушить его табаком.

— Куда все-таки подевался наш проводник?

— Говорю же я вам: улетел назад в Сан-Франциско. Недаром он носит прозвище Желтая птица.

— Я такого не допускаю.

— Напрасно.

— Наш проводник — человек честный и за все золото Нового Света не совершит такого поступка.

— Дорогой друг! У соотечественников Санчо-Пансо на каждое слово есть поговорка. Особенно они любят одну, которую я вам советую принять к сведению.

— Что же это за поговорка?

— Самое правильное — всегда и во всем сомневаться. Что вы на это скажете?

— Никогда не слышал ничего более нелепого. Желтая птица не может...

Его прервал прогремевший поблизости выстрел. И сразу же в свете луны с воинственными криками показалось человек двадцать.

Друзья мигом вскочили, схватили ружья и, став друг к другу спиной, решили драться не на жизнь, а на смерть.

Раздался еще один выстрел.

— Это Желтая птица, — сказал капитан, — я узнал звук винтовки.

— Я тоже, — откликнулся доктор, — хорошо, что мы не накрыли стол, все равно не успели бы поесть.

— Видите, он не вернулся в Сан-Франциско, — заметил капитан.

— Наверное, сбился с дороги, — пошутил доктор, — но не будем отвлекаться, негодяи приближаются...

Индейцы ползли, как настоящие змеи.

— Прицелились? — спросил капитан.

— Прицелился, а вы?

— И я прицелился.

— Стреляем?

Два выстрела грянули одновременно.

С неприятельской стороны донеслись вопли, и индейцы ринулись мстить за товарищей.

Друзья отстреливались из револьверов.

Схватка была короткая, но ужасная.

Когда патроны кончились, друзья пустили в ход приклады. Вдруг индейцы стали разбегаться.

Человек, похожий на демона, верхом на коне ворвался в самую гущу нападающих, стреляя обеими руками из двух пистолетов.

— Ну-ка, ударим дружно! — ликуя, крикнул капитан.

— Кого ударим? — хладнокровно отозвался доктор.

И в самом деле ударять было некого. Краснокожих и след простыл.

— Вовремя вы поспели, Желтая птица! — вскричал капитан, дружески пожимая руку охотника.

— Я сразу все понял, когда услышал стрельбу, — как ни в чем не бывало ответил канадец.

— Мы не надеялись вас снова увидеть, — вырвалось у капитана.

— Почему? — удивился канадец.

— Не знаю, право, — смутился капитан, — доктор думал, вы сбились с дороги, да мало ли что? Ведь компаса у вас нет!

— Я сбился с дороги? — вскричал охотник со смехом. — Вы шутите. Не может быть, капитан, чтобы доктор такое подумал!

— Конечно, он шутит. Кстати, привели лошака?

— Он-то, проклятый, меня и задержал: пока я рассматривал следы бродяг на дороге, он сбросил вьюки и дал тягу.

— Следы индейцев, — поправил доктор.

— Бродяг, сударь, — повторил охотник, — неужели вы думаете, что на вас напали одни краснокожие?

— Судя по одежде, это были индейцы!

— Ошибаетесь, сударь, — возразил канадец, покачав головой, — одежда ничего не значит, вы скоро убедитесь в этом. Но хватит спорить! Давайте устроимся на ночь. Да и поесть вам надо.

— Мы просто умираем с голоду, — ответил, смеясь, капитан. — Перестрелка нас окончательно вымотала.

— Тогда к делу!

С лошака быстро сняли поклажу, поставили палатки, стали варить на костре еду, и вскоре приступили к ужину с завидным аппетитом, разыгравшемся за полсуток голодания.

Только они поели, как со стороны реки донесся легкий шум. Все трое насторожились, французы потянулись к оружию, лежавшему рядом.

Желтая птица знаком их остановил и зашептал:

— Не надо стрелять. Там всего один человек! Дадим ему приблизиться.

— А если это шпион? — возразил доктор.

— Должно быть, шпион и есть, — уверенно ответил канадец.

— А что делать шпиону в пустыне? — изумился капитан.

— Что делать? — рассмеялся охотник. — Пустыня буквально кишит шпионами. Просто вы их не видите!

— Докажите мне это, — сказал капитан, — и я признаю

справедливость взгляда нашего друга доктора на... на индейцев.

Желтая птица улыбнулся.

— Я правду вам говорю. Вы ни от кого не скрыли, что отправляетесь в Утах. Верно?

— Ну и что?

— А ведь можно предположить, что у вас есть тайная цель?

Путешественникам нечего было возразить.

— И тут каждый стал принимать свои меры. Американцы следят за вами, чтобы помешать примкнуть к мормонам, мормоны подозревают в вас тайных агентов Соединенных Штатов, рудокопы опасаются, как бы вы не занялись разработкой богатой россыпи, известной вам одним, индейцы ищут случая ограбить вас. Теперь вы поняли, сколько глаз и ушей за вами шпионит?

— Понял, — прошептал капитан.

— Мы на нейтральной земле, она в сущности не принадлежит никому, но все заявляют на нее свои права. А вы оказались в центре этих интриг. Один раз на вас уже напали, готовьтесь к следующим нападениям. С вами будут бороться хитростью и силой. Отвечайте тем же, иначе погибнете!

— Вы преувеличиваете опасность, — заметил доктор.

— Вы полагаете? — многозначительно произнес охотник.

— У каждого свое мнение. Быть может, оба мы ошибаемся. Поживем — увидим.

— Возможно, — холодно ответил канадец, — как бы то ни было, вот и наш гость. Принимайте его, как вам будет угодно. Желаю доброй ночи.

Канадец закутался в одеяло, растянулся на земле и закрыл глаза с твердым намерением ни во что не вмешиваться. Вердьер ранил его самолюбие.

Доктор презрительно передернул плечами и устремил взгляд на пришельца. Тот стоял уже шагах в десяти от бивака. Высокого роста, смуглое лицо с резкими чертами и выражением доброты и лукавства. Глаза черные, пронзительные, словно две молнии. Волосы тоже черные, до плеч, длинная борода, густая и жесткая. Одежда — помесь костюма индейца и степного охотника. Вокруг головы — полоска кожи гремучей змеи.

Пришелец постоял, опершись скрещенными руками о дуло ружья, затем дважды поклонился путешественни-

кам, приложив правую руку к груди, а затем вытянув ее вперед.

— Я услышал выстрелы, — сказал гость, — и увидел пламя костра и подумал, не нуждаются ли чужеземцы в сильной руке и храбром сердце? Поэтому поспешил на помощь.

— Благодарю, — сухо ответил капитан, — мы не нуждаемся ни в чьей помощи. Нам достаточно собственных рук, как вы могли убедиться.

— Однако, — вмешался доктор, — в гостеприимстве мы никому не отказываем. Посидите с нами. Если голодны — ешьте, если мучает жажда — пейте, если озябли — грейтесь у костра.

Незнакомец сделал несколько шагов вперед и сказал:

— Кто исполняет долг гостеприимства, тот идет праведным путем. Гость, приглашенный к очагу, священен. Вам, надеюсь, это известно?

— Известно, не бойтесь, подойдите поближе, кем бы вы ни были, другом или врагом.

— От гостеприимства я не отказываюсь, хотя не голоден и меня не мучает жажда. — Гость сел, положил рядом ружье, вынул из-за пояса индейскую трубку, набил и стал молча курить.

Непродолжительные переговоры велись на английском, которым незнакомец владел в совершенстве, хотя говорил с легким акцентом.

— На вас напали? — спросил он немного погодя.

— Да, — ответил капитан, — краснокожие надеялись застать нас врасплох.

— Это были не одни краснокожие.

— Откуда вы знаете? — удивился капитан.

— Не все ли равно, откуда. Знаю, и все.

— Кто же вы?

— Такой же путник, как и вы.

— Друг или враг?

— Ни то, ни другое. Пока я ваш гость.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что позднее буду, вероятно, либо тем, либо другим.

— Кем бы вы ни были, — вскричал капитан, смеясь, — вы по крайней мере откровенны! Это мне по душе, ей-богу! Тайна, которой вы себя окружаете, заворачивает. Продолжайте. Беседа с вами доставляет мне истинное удовольствие.

— Напрасно вы шутите, я говорю вполне серьезно.

— Сохрани бог! И не думаю шутить. Я до смерти люблю все таинственное. К тому же, мне кажется, вы меня знаете, и это возбуждает мое любопытство. Вы действительно меня знаете?

— Я знаю и вас, и вашего спутника, доктора.

— Благодарю вас. Мы никогда не считали себя знаменитостями. Ни я, ни мой друг.

— Позволю себе заметить, что не назвал доктора вашим другом, только спутником. А это далеко не одно и то же, — сказал не без иронии незнакомец.

Доктор нахмурил брови.

— Хватит болтать, — заявил он. — Вы злоупотребляете нашим гостеприимством. Разве мы плохо приняли вас? В чем же дело?

— Пожалуй, я лучше уйду, — сказал гость, вставая. — Я уже согрелся.

— Как вам угодно, — резко ответил доктор.

— Надеюсь, мы еще увидимся, — произнес капитан насмешливо. — Вы не прощаетесь с нами.

— Я тоже надеюсь, — с иронией ответил незнакомец.

— Доброго вам пути!

— А вам доброй ночи! — многозначительно сказал незнакомец и, слегка наклонив голову, удалился с надменным видом.

— Клянусь богом! Провести меня не удастся, — вскричал капитан, обернувшись в ту сторону, где спал проводник.

— Что вы собираетесь делать? — спросил с беспокойством, непонятым его другу, доктор.

— Узнать, кто этот негодяй. Добрых полчаса он насмехался над нами, — ответил капитан и дернул одеяло, в которое закутался проводник. Но тот куда-то исчез.

Капитан вскрикнул от изумления, в тот же момент грянул выстрел и раздался душераздирающий вопль.

— Что это? — в один голос вскричали друзья, схвативши оружие.

— Ничего особенного, — раздался почти рядом насмешливый голос проводника. — Я пристрелил вонючую гадину.

Деревня, которой суждено было стать городом

Гумбольдт-ривер берет начало в Сьерра-Неваде, течет по территории Утаха, через сто миль образуется в озеро, а затем исчезает в песках.

Окруженная со всех сторон холмами, она не может проложить себе дорогу и либо уходит в песок, либо испаряется.

Редко можно встретить реку с такими прихотливыми извилами и живописными берегами.

Вода в ней то мутная, словно мыльная, то чистая до прозрачности. Берега то голы и бесплодны, то зелены от множества деревьев, которые смотрятся в воду, как в зеркало. Над рекой, шумно хлопая крыльями, летают стаи зимородков.

Мускусные крысы бороздят русло реки.

В небольшой долине на расстоянии ружейного выстрела от левого берега Гумбольдт-ривер, милях в десяти от бивака наших путешественников находилась деревня, которой в будущем суждено было превратиться в цветущий город.

Отправляющиеся к Соленому озеру или в Калифорнию не могли ее миновать.

В 1855 году там жило всего человек двадцать разных национальностей: французы, англичане, немцы, испанцы, североамериканцы, поляки. Несмотря на видимость дружбы, они перемывали друг другу косточки.

Надо сказать, что деревню населяли не самые лучшие представители вышеупомянутых наций. Напротив. В основном это были разбойники, объединившиеся, чтобы

грабить путников и делить награбленное. Дележ, разумеется, не обходился без драки.

Самым большим в деревне был дом в два этажа с двумя трубами и множеством окон, со створчатой дверью и обнесенным частоколом, ухоженным садом. Над домом реял флаг Соединенных Штатов.

На почтительном расстоянии от дома были разбросаны хижины, не менее пятнадцати. Еще сто — на самом берегу реки. В них жило племя индейцев шоонес или змеи, известных грабителей в тех местах. Они были в тесной дружбе с жителями деревни.

Белые и краснокожие воры объединились, чтобы грабить караваны и убивать путешественников.

Было около восьми вечера; большая зала, служившая то храмом, то музыкальным салоном описанного нами дома, была сегодня похожа на кабак. Там в беспорядке стояли столы и скамейки. За столами, где в подсвечниках стояли свечи, пьянствовали бродяги в каких-то немыслимых лохмотьях. Они играли в азартную игру и как безумные кричали.

Слуги со жбанами в руках обносили бродяг вином. Всем распоряжался хозяин дома — толстяк с веселым лицом и насмешливой улыбкой, одетый во все черное.

У двери, в неосвещенном углу, сидел за отдельным столом человек в мексиканской одежде, богатой и очень изящной. Он сидел уже больше часа, но не притрагивался к вину, только курил, с отвращением глядя на кутивших бродяг.

На вид ему было лет двадцать семь—двадцать восемь. Тонкие черты лица, высокий лоб, широкие скулы, блестящие черные глаза, нос с горбинкой, чувственный рот с великолепными зубами, закрученные кверху густые усы. Роста он был небольшого, сложен на редкость гармонично, нарочито развязная поза не могла скрыть изящества и благородства его манер. На столе, рядом с американской винтовкой, лежала широкополая шляпа.

Бледное лицо его с мрачным выражением было из тех, что привлекают к себе внимание и надолго запоминаются.

Толстяк-хозяин то и дело проходил мимо него с недовольным видом, но заговорить не осмеливался.

Хозяин, видимо, досадовал в душе, что посетитель занял стол, но ничего не заказывает, однако недовольства

своего вслух не высказывал, вероятно, имея на то веские основания. Остальные, судя по всему, вообще не замечали этого необычного человека, который курил папиросу за папиросой и сидел неподвижно.

Снаружи донесся стук копыт.

Человек вздрогнул, слегка наклонил голову и прислушался. Вскоре в дом вошел мужчина, огляделся и направился к столику мексиканца. Точнее, того, кто выдавал себя за мексиканца.

Хозяин подбежал к нему с подобострастным видом.

— Что прикажете подать?

Не успел новый посетитель и рта раскрыть, как мексиканец отшвырнул папиросу и, бросив взгляд на трактирщика, сказал:

— Ничего.

Толстяк покраснел от злости, не смея возразить, и с поклоном удалился, дав себе слово отомстить, как только подвернется удобный случай.

Оба посетителя, и новый и старый, так и сидели за пустым столом. Новый был тоже в богатом мексиканском наряде, но изрядно измятом и грязном. Он был постарше первого посетителя и выглядел таким же отважным.

— Надо остерегаться длинных ушей хозяина, — сказал первый посетитель.

— Если почтенный мистер Строг подойдет слишком близко, — засмеялся второй, искоса глянув на трактирщика, — можно укоротить его на несколько дюймов.

Хозяин, то и дело сновавший мимо них, словно по волшебству, остановился возле игроков и бросил на стол монету, сделав вид, будто тоже играет.

Хозяину не повезло, и он, считая виновниками своей неудачи мексиканцев, решил, наконец, сердито на них посмотреть. Но те лишь рассмеялись, заметив его гневный взгляд.

— Давай говорить по-басски, — сказал один из мексиканцев, — тогда нас никто не поймет.

— Как хочешь, — ответил другой.

— Ты прямо оттуда? — спросил первый на чистом наречии Пиренеев.

— Прямо оттуда, — последовал ответ на том же наречии.

— Ты поздно приехал.

— И так лошадь чуть не загнал.

- Я давно тебя жду.
- Бедное животное тут не при чем. За два с половиной часа я проскакал более десяти миль.
- Ну, что нового?
- Пока ничего.
- Ничего?
- Нет!
- Может быть, они заодно? Объяснения не было?
- Не было. Они в самых лучших отношениях.
- Значит, Желтая птица еще ничего не сказал?
- Видимо, так.
- Уж не предал ли он меня? — вскричал первый мексиканец, и глаза его сверкнули гневом.
- Нет. Он нам предан... Впрочем, ты знаешь его не хуже меня. Желтая птица никогда никого не предавал.
- Да, это верно. Но почему он бездействует? Ума не приложу!
- Еще не представился случай.
- Пусть сделает так, чтобы представился. С его опытом и отвагой это не очень уж трудно.
- Я сказал ему это.
- Так ты говорил с ним?
- Да, говорил.
- Ну и что?
- Он скажет завтра, что бы ни случилось.
- Наконец-то!
- Это еще не все.
- Пронюхали наши планы?
- Гм! Ты так думаешь, Пьер? — с живостью спросил первый мексиканец.
- Я видел.
- Объясни, что ты имеешь в виду?
- Мормоны попытались застать их врасплох на закате.
- Тысяча чертей! — вскричал второй мексиканец, стукнув по столу кулаком.
- Успокойся, Луи. Желтая птица был начеку. Их прогнали.
- Но завтра они попытаются снова напасть.
- Вполне вероятно.
- Что же делать?
- Идти на риск и решительно действовать.
- Мы имеем дело с сильным противником. Удастся ли добиться успеха?

— Иначе они придут сюда, и тогда все полетит к чертям!

— Это верно.

— Хочешь послушать моего совета?

— Конечно! Говори скорее. Я готов на любой риск, только бы он был на пользу дела.

— Нельзя больше ждать. Этот дьявол Фрэнсис хитер, как лиса. Если он пронюхает что-либо, все погибло; с ним надо кончать.

— Проклятие! Ведь до сих пор все шло как по маслу. Бедняга Гастон! Я поклялся возвратить ему невесту.

— И возвратим.

— Как? Ведь мы даже не знаем, где она! Есть отчего заложить душу черту!

Пьер наклонился к уху приятеля и зашептал:

— Я знаю, где она.

— Ты? — вскричал Луи.

— Да, я.

— Послушай, Пьер, я спас тебя, ты меня любишь и не станешь обманывать. Я полностью тебе доверяю. Мы ввязались в страшную борьбу и от ее исхода зависит вся моя жизнь. Гастон мне дороже брата, его семья столько сделала для моей семьи. Перед смертью его отец просил моего о нем заботиться. Когда накануне свадьбы невеста Гастона исчезла, он дважды пытался наложить на себя руки. Я удержал его, поклявшись не позднее чем через шесть месяцев вернуть ему возлюбленную Жанну; либо я сдержу обещание, либо всажу себе пулю в лоб. Прошло уже пять месяцев, у меня остался всего один. Чего только я ни делал, чтобы раскрыть гнусную интригу, жертвой которой стали бедные молодые люди. Сто раз я находил нить этой интриги и столько же раз ее терял. Всего и не расскажешь. И вот я выбился из сил и пал духом. Одна надежда на тебя! Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал.

Они пожали друг другу руки.

— Только скажи мне, Луи, прежде чем я открою тебе то, что ты так жаждешь знать. Как удалось этому подлецу Фрэнсису похитить несчастную девушку? С какой целью он это сделал? Он любит ее?

— Любит? — вскричал Луи с гневом. — Не любит и никогда не любил! У Фрэнсиса одна страсть — золото. Жанна обладает громадным состоянием. Вердьер стремится любы-

ми средствами заполучить его. Он женился бы и на дурнушке, будь она богата. Или вообще не женился, если бы смог просто так завладеть ее состоянием.

— Ну и хитрец!

— План его был дьявольски прост.

— Ну-ка, расскажи. Это любопытно! — вскричал Пьер, приготовившись слушать.

— Он не мог заставить Жанну полюбить себя, не мог жениться на ней во Франции и вообще в Европе.

— Конечно, в так называемых цивилизованных странах для заключения брака необходимо согласие обеих сторон. Продолжай!

— Только в одной стране он мог совершить столь преступное действие.

— В Утахе?

— Да, Фрэнсис стал мормоном. Вступил в секту Святых последнего дня и обязался выплатить своим новым братьям миллион в день свадьбы с несчастной девушкой.

— А святые мужи, разумеется, обязались оказывать ему всякую помощь и содействие.

— Что и сделали.

— Во Франции? — спросил Пьер с нескрываемым изумлением.

— Во Франции. Мормоны там многочисленнее, чем ты думаешь. В них силен дух прозелитизма. Миллион — сумма немалая. И они принялись за дело.

— Значит, девушку похитили в Париже?

— В самом Париже. Затем отвезли в Гавр. Непонятно, почему она не позвала на помощь? К каким средствам они прибегли, чтобы ее запугать? Они отправили ее на одном из своих кораблей в Америку.

— И никто не узнал об этом?

— Никто. Даже родственники.

— А Вердьер?

— Чтобы не вызвать подозрений, он какое-то время оставался в Париже.

— Подлец!

— Впрочем, он ничем не рисковал.

— Почему же?

— Ни Гастон, ни родные Жанны его не знали.

— И он считал себя в безопасности?

— Разумеется. А в один прекрасный день он объявил, что отправляется в Чили.

- Ловко разыграно!
- В Чили он действительно поехал, но потом перебрался в Сан-Франциско.
- И там имел наглость подружиться с Гастоном?
- Ты угадал.
- Но дружба эта все же его стесняет.
- Он и намерен порвать ее при первом удобном случае.
- Он способен на все.
- Разумеется.
- Если так, мой добрый Луи, твой друг Гастон угодил, как говорится, прямо в волчью пасть.
- Это я ему посоветовал.
- Но над твоим другом, можно сказать, занесен нож.
- За негодем зорко следят.
- А! Понимаю... Желтая птица?
- Луи кивнул, и Пьер продолжал:
- И все же план мошенника в главном уязвим.
- В чем же именно?
- Допустим, его ждет удача.
- Ты имеешь в виду заключение брака?
- Ну да. Только вряд ли родственники Жанны дадут себя обобрать так же легко, как дали похитить девушку.
- Фрэнсис предвидел все.
- Все? Однако...
- Жанна де Меркер сирота. А дальние родственники едва ее знают и заботятся о ней не больше, чем о внешнем снеге.
- Но ведь есть опекун, черт возьми! Должен быть! — возразил Пьер.
- Да, опекун есть.
- Ага! Вот видишь!
- Но опекун согласится на все. А Жанна в какой-то мере от него зависит.
- Быть не может! — возразил Пьер, оторопев.
- За сто тысяч экю он согласится на все что угодно. Понял теперь?
- Как не понять, черт возьми! Злодей все предусмотрел. Этот Вердьер ловкач, что и говорить!
- Во всяком случае, своего не упустит.
- Столько коварства в одном человеке, если можно назвать человеком такое чудовище.
- Увы, Пьер! Он человек не дурной и, к несчастью, не

единственный в своем роде. Разорившись и потеряв всякую надежду честным путем вернуть состояние и положение в обществе, он решил действовать как разбойник, и останется в выигрыше. Ни мораль, ни нравственность для него не существуют. К тому же говорят, что цель оправдывает средства. Наша задача теперь подложить им мину, прежде чем они появятся здесь, где собрались их сообщники.

— О! Это очень важно и также трудно!

— Я ведь сказал тебе, что надо делать!

— Дай мне подумать, я лучше тебя знаю Америку, где живу уже десять лет. В этих краях, любезный друг, рассчитывать надо только на случай, ей-богу! Именно случай я и призываю к нам на помощь. Он один может принести нам успех.

— Да услышит тебя Бог, друг мой! Шла бы речь о поисках золотой или серебряной руды, я был бы уверен в твоём успехе, ты самый удачливый из золотоискателей. При твоём появлении золото само выходит на поверхность земли и ослепляет людей своим блеском. Но сейчас речь не о золоте.

— Терпение, Луи! — возразил Пьер, скрывая улыбку. — Может быть, сила, которую мне приписывают, и на сей раз поможет. Во всяком случае, не повредит.

Молодые люди замолчали, глубоко задумавшись.

Тем временем крики и хохот становились все громче. Проигрывали все, вплоть до сапог. Пили прямо из бутылок. Пыряли друг друга ножом прямо в лицо.

Этот дом еще не видел подобного оживления.

Хозяин весело потирал руки в предвкушении барышей. Вдруг Пьер стукнул себя кулаком по лбу, затем по столу и крикнул:

— Мистер Строг!

— К вашим услугам, господа, — не замедлил откликнуться толстяк и с заискивающей улыбкой поспешил к гостям.

Золотой ключ

Пьер улыбнулся и, положив руку хозяину на плечо, спросил с самым любезным видом:

— Вы любите всякие деньги, мистер Строг?

— О! — воскликнул американец, и губы его растянулись в улыбке.

— Но предпочитаете золото?

— Еще бы!

— Надеюсь, вы меня знаете?

— Имею честь, ваша милость.

— Ладно, тогда перейдем к делу.

— Я готов.

— Сколько вам дать, чтобы вы продали своего лучшего друга?

— Что прикажете? — вскричал озадаченный толстяк.

— Разве вы не слышали, что я сказал?

— Слышал.

— Так отвечайте же.

— В том-то и дело, — сказал трактирщик, почесывая лоб, — что я не могу вам ответить.

— Почему?

— У меня нет лучшего друга.

— Ну и хитрец же вы! — вскричал Пьер, смеясь. — Но представьте, что у вас есть такой друг. Сколько бы вы потребовали за предательство?

— Дружба — дело святое, ваша милость, — важно ответил трактирщик. — Поэтому предательство дорого стоит.

— Сколько же?

— Ну, хотя бы тысячу долларов, — залебезил хозяин.

— Так мало, любезный?

— Я честный трактирщик, — горячо возразил мистер Строг.

— Еще бы, черт побери. Ну так вот что я вам скажу: за пять минут вы можете получить не тысячу, а две тысячи долларов.

— Две тысячи! — вскричал трактирщик, побагровев от радости. — Что же я должен сделать, почтенный сеньор? Если только это в моих силах, я готов.

— Я уже сказал — предать лучшего друга, а поскольку у вас такого нет, того, кто вам доверился.

— О! Это уже сложнее!

— Почему же?

— Потому что дела надо делать честно, — заявил он и тут же добавил: — Конечно, насколько это возможно.

— Последние ваши слова обнадеживают. Итак, вы решились?

— Если бы...

— Вы мне прямо скажите: да или нет! В моем кошельке две тысячи долларов мексиканскими унциями. Я плачу наличными.

— На сей счет я спокоен, ваша милость.

— Что же вас удерживает? Вы в чем-то сомневаетесь?

— Надеюсь, вы не опорочите мое доброе имя, — произнес хозяин. — Ведь мне надо кормить семью.

— За кого вы меня принимаете, мистер Строг? — оскорбленно вскричал мексиканец. — Слово чести! Вы останетесь вне подозрений. Можете на меня положиться.

— Значит, я могу, я должен...

— Принять наше предложение.

— Да, сеньор.

— Итак, три дня назад к вам привезли двух женщин.

Трактирщик побледнел и невольно попятился назад. На лице его был написан ужас.

— Ну? — Пьер буквально сверлил его взглядом.

— Это верно, сеньор, — ответил хозяин дрогнувшим голосом, — но ваше дело, полагаю, их не касается.

— Ошибаетесь. Именно их и касается. Точнее, одной из них.

— Вы, вероятно, не знаете, кто привез этих женщин, — дрожа от страха произнес трактирщик.

— Очень хорошо знаю, мистер Строг, только это меня не пугает. Я должен видеть их. Слышите?

— Боже мой! Если это откроется...

— Все останется в тайне. Не беспокойтесь. Только предупреждаю, чтобы никаких подвохов. Иначе распрощаетесь с жизнью. Вы меня знаете!

— Но если...

— Я же сказал, распрощаетесь с жизнью!

— Допустим, я откажусь, что тогда?

— Что? Что вы сказали? Повторите-ка! — вскричал Пьер, взявшись за кинжал, висевший у пояса.

— Я пошутил, сеньор.

— Вот и прекрасно, почтеннейший. Не советую вам отказываться и влиять не советую. Вбейте себе это в голову, мистер Строг.

— Не дай бог вам обмануть меня даже ради хорошенькой женщины.

— Я понял вас, ваша милость!

— Я рад, что поняли. Итак, решено. Две тысячи долларов или смерть, даже самое высокое покровительство не спасло бы вас от моей мести. Напоследок скажу: делаете все как полагается — получите не две тысячи, а десять тысяч долларов. Целое состояние. Поняли?

— О да! — вскричал трактирщик, и глаза его слезно сверкнули.

— Значит, договорились. А теперь скажите, где эти женщины в данный момент?

— В моей собственной комнате.

— С ними никого нет?

— Моя жена, мистрис Строг. Развлекает их, как умеет.

— Где окно вашей комнаты?

— Третье справа от этой двери.

— Отлично.

Пьер достал из-за пояса кошелек и высыпал на стол пригоршню золотых монет.

— Вот задаток. Считайте, если хотите. Но лучше суньте их сразу в карман.

Мистер Строг привычным движением помощника банкомета сгреб деньги и спрятал.

— Теперь я рассчитываю только на вас, — сказал Пьер.

— Не извольте беспокоиться. Вы платите, не считая, а я умею ценить щедрость. Не подведу вас.

— С этой минуты мы с вами связаны, как лезвие с рукояткой.

— Хочу еще раз выразить надежду, что вы, сеньор, не

потребуете от меня ничего такого, что могло бы повредить мне как хозяину заведения и добропорядочному семьянину?

— Вот теперь я слышу речь, достойную гражданина великой республики. И нынешней, и будущей.

— Это еще неизвестно, — возразил мистер Строг, который не прочь был потолковать о политике. Но Пьер сухо сказал:

— Довольно разговоров. Ваши глаза и уши принадлежат мне. Запомните это и займитесь своими делами.

Хозяин отвесил низкий поклон и, пятась, удалился.

Когда мексиканцы остались одни, Луи, все время молчавший во время разговора, сказал:

— Признаться, Пьер, не понимаю, что ты затеваешь. Зачем тебе понадобился трактирщик? Что за женщин привезли в этот кабак?

— А ты любопытен! — вскричал Пьер, посмеиваясь.

— Ошибаешься... Я просто нетерпелив и хочу продолжать поиски. Не успокоюсь, пока не найду невесту Гастона.

— Уж не упрек ли это?

— Нет, не упрек, любезный Пьер. Только я хочу напомнить тебе данное обещание.

— О, молодость! Молодость! Ты и самонадеянна, и опрометчива, не способна рассуждать здраво, — тихо произнес Пьер.

— Я не понимаю, зачем отклоняться от намеченного пути? Ради какой таинственной цели?

— Не тревожься, друг. Верь мне! Вот все, чего я требую. Отбрось всякие опасения, следуй за мной. Если мы не достигнем цели, можешь поступить со мной как с презреннейшим из врагов, забыв нашу прежнюю дружбу.

— Ладно, пойду за тобой.

— Закрыв глаза?

— Что поделаешь!

— Вот теперь я узнаю моего Луи! Пойдем же.

Они вышли из зала, где посетители мистера Строга по-прежнему веселились, никем не замеченные.

Женщины

Вам следует знать, что дом, где безраздельно властвовал достопочтенный и толстый мистер Строг и извлекал из него немалую выгоду, носил громкое название: гостиница «Вашингтон», что свидетельствовало о честолюбии его хозяина. Название это было запечатлено на черной доске с золотыми буквами, висевшей над входом, ее можно было увидеть задолго до приближения к дому.

Весь нижний этаж занимали меблированные комнаты, разделенные легкими перегородками. Мистер Строг сдавал их за весьма высокую плату переселенцам и путешественникам, попадавшим сюда волею случая или несчастного рока. Для себя и семьи мистер Строг оставил всего две комнаты, зато самые лучшие и удобные.

Одна комната, не очень просторная, оклеенная желтыми, в крупных цветах обоями, служила гостиной и конторой, смотря по надобности. Круглый раздвижной стол красного дерева, четыре стула и кресло-качалка — вот и вся мебель. Когда же в дом привезли двух женщин, в эту комнату перенесли кровать мистера Строга и его половины.

Вторая комната — спальня, не отличалась от первой ни мебелью, ни обоями, только там был еще камин, большой шкаф, туалетный столик и на стенах несколько безвкусных пестрых картинок, а также портретов.

У камина висели дагерротипы мистера Строга, его жены и сына, страстного золотоискателя, находившегося в то время в Сан-Франциско.

В комнате сидели три женщины.

Одну из них вряд ли представлялось возможным при-

числить к прекрасному полу, разумеется, если не считать того, что она была в юбке. Речь идет о мистрис Лау Строг.

Супруга трактирщика, женщина лет сорока, обладала мерзкой наружностью, какой могла похвастать разве что горилла.

Багровое лицо, непомерная полнота, огромные красные руки, похожие на валеки, ноги ничего, кроме отвращения не внушали.

Одета была мистрис Лау Строг во все черное, завитые волосы, желтые, как буквы на вывеске и обои в комнатах, опускались на плечи. Она сидела на низенькой скамеечке у ярко пылавшего камина, спасавшего от страшной сырости. Рядом на столике стояла в подсвечнике свеча, тоже желтая. Оставалось лишь пожалеть мистера Строга.

Интересно, почему здесь все было желтое? Неужели супруги питали пристрастие к этому не самому лучшему цвету?

На столе, кроме свечки, стояли чайник, чашка, сахарница и бутылка рома.

В том, что эта достойнейшая особа пила чай со сливками и с ромом или один ром, не было ничего удивительного. Но она к тому же еще и курила!

И какого, вы думаете, цвета была трубка? Желтого. И наконечник на коротком чубуке — тоже желтый. Из янтаря.

Мистер Строг был благодушен и прощал ей эту слабость. Даже снабжал табаком.

Мистрис Строг вынимала изо рта трубку лишь для того, чтобы глотнуть чая с немалой дозой рома, при этом она сплевывала прямо в огонь, а затем снова принималась дымить как паровоз. И вокруг ее головы образовалось серое облако. Напротив хозяйки сидели две девушки лет девятнадцати-двадцати и вели разговор. Их необыкновенная красота лишь подчеркивала безобразие мистрис Строг. Одна из них, Жанна де Меркер, была блондинкой с темными задумчивыми глазами и аристократической внешностью. Выражение грусти и кротости во взгляде придавало ее лицу еще большее очарование.

Подруга, жгучая брюнетка, была хороша по-своему. Нежность и грациозность креолки сочетались в ней с истине мужской смелостью.

Одеты были девушки скромно, без украшений. Шелко-

вые мантильи, застегнутые до самого ворота, подчеркивали их изящество.

Девушки щебетали словно две птички друг другу на ухо, и мистрис Струг, как ни старалась, не слышала ни слова, что приводило ее в отчаяние. Но если бы даже она расслышала, все равно ничего не поняла бы, потому что не имела понятия о французском языке.

Мистрис Лау Струг мало того, что была болтлива, так еще и зла. Вынужденное молчание приводило ее в ярость. Куря и попивая чай с ромом, она придумывала, как бы отомстить гостям. И, наконец, придумала. Мистрис Струг вынула изо рта трубку и, поглядев на девушек как кошка на мышь, сказала хриплым голосом:

— Мисс Жанна, ангелочек мой, почему вы отказываетесь выпить со мной чашку чая? Превосходного китайского чая, прямо из Пекина?

— Не сомневаюсь, что чай у вас превосходный, — вежливо ответила девушка, — но я не люблю чай. Он вреден мне.

— А вы, мисс Лизбет, — обратилась женщина ко второй девушке. — Тоже не хотите чаю?

— За все сокровища мира не проглотила бы и наперстка, — решительно заявила девушка, — меня тошнит от чая. Я предпочитаю липовый цвет.

— Напрасно, мои дорогие крошки, — возразила женщина слащавым голосом.

— Ну почему напрасно, — воскликнула Лизбет. — Не думаю, чтобы чай был так уж полезен для здоровья. Можно прекрасно обойтись и без него.

— Смотря где, моя красавица. У вас на родине чай мало кто пьет. А здесь дело другое. Здесь без чая никто не обходится. Ни богатые, ни бедные.

— А нам-то что за дело, — промолвила девушка. — Мы, слава Богу, не американки и не имеем ни малейшего желания становиться ими.

Женщина покачала головой и, набивая трубку, произнесла:

— Кто знает, не станете ли вы американками. И очень скоро. Для этого надо только выйти замуж за американца.

— Но мы не собираемся этого делать. Мы француженки и до конца жизни останемся ими, наперекор всем янки Нового Света.

— Вы очаровательная маленькая чертовка, мисс Лизбет,

ваша дерзость мне по душе, — сказала мистрис Строг, раскуривая трубку. — Но, к несчастью, никто вас не станет спрашивать. — Мистрис Строг злорадно ухмыльнулась, отчего по телу девушек пробежал холодок.

— Не разговаривай с ней, Лизбет. Разве ты не видишь, что этой женщине доставляет удовольствие мучить нас? — обратилась Жанна к не в меру пылкой подруге.

— Что вы сказали, мисс Жанна? — спросила женщина, ни слова не понимавшая по-французски.

— Я сказала, что мы не верим ни единому вашему слову. Так что избавьте нас, пожалуйста, от ваших гнусных разговоров. Достаточно того, что мы терпим ваше присутствие.

— Слышали, мистрис Лау Строг? — рассмеялась Лизбет прямо в лицо хозяйке. — Или прикажете повторить то, что сказала вам Жанна?

— Слышала, не глухая, — ответила мистрис Строг, окутанная облаком дыма. — Но я не сержусь, мои крошки, вы сами не знаете, что говорите. Известно ли вам хотя бы, где вы находитесь?

— В Америке. Нетрудно догадаться, — Лизбет обвела презрительным взглядом комнату.

— Но Америка велика, говорят, в несколько раз больше Европы, сама я там не была и не знаю. Так вот, известно ли вам, в какой именно части Америки вы находитесь?

— Скорее всего, в Соединенных Штатах.

Мистрис Строг так расхохоталась, что едва не выронила изо рта трубку.

— Ошибаетесь, крошки мои! Здесь не Соединенные Штаты.

— Шутите, — Жанна пожала плечами.

— От злости совсем завралась, — добавила Лизбет, смеясь.

Задетая за живое, мегера ответила:

— Я не шучу, мои голубки. И не вру. Я вовсе не злая. Я говорю чистую правду. Никто вам теперь не поможет. Тот, кто похитил вас, привез сюда, выхаживал, пока вы болели, никого не боится. Зовите на помощь, кричите, требуйте правосудия — никто не откликнется. Никто не спасет вас. Мне вас жаль, милые крошки!

— Я не понимаю вас, да и понимать не хочу, — с достоинством ответила Жанна. — И оставим этот разговор. Он нам неприятен!

— Неприятен? — мистрис Лау Строг выпустила дым прямо в лицо Жанне и рассмеялась.

— Старая колдунья! — пробормотала Лизбет, а Жанна продолжала:

— Мы попали в руки людей без чести и совести, но до сих пор они относились к нам с величайшей почтительностью.

— Товар не хотят портить, — буркнула мистрис Лау Строг.

Лизбет расслышала эти слова и пришла в ужас, догадываясь о страшной истине.

— Советую вам, мистрис Строг, последовать примеру наших похитителей, — сказала между тем Жанна, — и избавить нас от оскорблений. Они лишь унижают вас в наших глазах.

Грубое ругательство вырвалось у мегеры.

Жанна пропустила его мимо ушей и отвернулась. Зато Лизбет, стоявшая в этот момент за спиной мистрис Строг, отомстила за подругу. Она вырвала у нее изо рта трубку и вышвырнула в окно.

Мегера

Слова Жанны и дерзкий поступок Лизбет привели в ярость супругу мистера Строга.

С минуту она сидела неподвижно, выпучив глаза, в состоянии, близком к обмороку. Девушки в страхе прижались друг к другу.

— Напрасно ты это сделала, Лизбет, — шепнула Жанна.

— Возможно. Но ты посмотри на эту ведьму, и у тебя пропадет охота меня ругать. — Лизбет громко расхохоталась.

От ее смеха мистрис Строг пришла в себя и, сдерживая гнев, удалилась.

Не прошло и нескольких минут, как она вернулась с трубкой в зубах, ехидно взглянула на девушек и принялась еще яростнее дымить.

Жанна молча терпела, а Лизбет стала кашлять, к великому удовольствию мистрис Строг, которая думала: «Ничего, долго она не выдержит, запросит пощады. Но пусть гром грянет над гостиницей «Вашингтон», если я не превращу этих чертовок в два копченых окорока».

Но радость ее оказалась непродолжительной.

Лизбет достала из кармана мешочек изящной работы, вынула листок бумаги и щепотку турецкого табаку и тонкими пальчиками с завидной ловкостью свернула папиросу.

Это было ударом для мистрис Лау Строг.

Девушка лишь притворялась, что ее душит кашель и принялась курить, как заправский курильщик.

Окончательно же сразило коварную трактирщицу то, что Лизбет даже не удостоила ее взглядом.

В общем, мистрис Строг потерпела полное поражение и с видом жертвы замурлыкала песню.

Лизбет стала ей подтягивать и подтолкнула локтем Жанну, чтобы та присоединилась к ним.

Жанна слушала с грустной улыбкой, но петь не собиралась, завидуя неистощимой веселости Лизбет.

Вдруг Лизбет смолкла.

Мистрис Лау Строг с любезностью, на какую только была способна, спросила, не желает ли Лизбет научиться этой американской песне.

Девушка поблагодарила, но отказалась.

— Вы все еще сердитесь на меня, — сказала мегера. — Я могла бы пожаловаться на вас, мисс Лизбет, но не стала этого делать. Я вас простила.

Жанна изумленно посмотрела на мистрис Строг, не догадываясь, что та лукавит и при первом же удобном случае отомстит за свое поражение, ибо считала теперь девушек своими заклятыми врагами.

Лизбет не очень-то верила мистрис Строг, но тоже почувствовала в глубине души укор совести.

Может быть, они опрометчиво судили об этой женщине по одной только внешности.

Девушки переглянулись и поняли друг друга.

Надо было повиниться и попросить у нее прощения. Ведь до сих пор у них не было повода на нее жаловаться.

Лизбет перестала курить, подошла к мегере и ласково сказала:

— Простите, мистрис Строг!

— Что простить?

— Мои... мои шалости.

— Я их и не заметила.

— О! Не говорите так! Я думаю, что вы все еще сердитесь на меня.

— Памяти у меня нет, — сказала мегера, — вот и забываю. И свои провинности... и чужие.

— Тогда поцелуйте меня!

Лизбет была так мила в своем раскаянии, что самый строгий судья простил бы ей даже настоящее преступление.

Мистрис Строг приблизила свои толстые губы к прелестной головке Лизбет и с трудом сдержалась, чтобы не укусить девушку.

— Ну? — Лизбет тряхнула черными локонами. — Я жду!

— Жди, чертова кукла! — пробормотала мегера, но, спохватившись, сказала:

— Я не смею.

— Ну что вы!

Пришлось мистрис Лау Строг покориться.

— Теперь Жанну.

Мир, наконец, был заключен, и мистрис Строг спросила:

— Что я могу сделать для вас?

— Дать нам свободу, это единственное, чего мы жаждем, — ответила Лизбет, украдкой взглянув на подругу.

— Это не в моих силах, — ответила мегера.

— Тогда скажите нам, любезная мистрис Строг, где мы находимся и в чьи руки имели счастье или несчастье попасть.

— Сознайть, мисс Лизбет, слишком много вопросов вы задаете. Хотя любопытство ваше вполне понятно.

— Готовы сознаться, только ответьте нам. Мы будем вам так благодарны!

Жанна тоже стала просить мистрис Строг все рассказать.

Поломавшись, мистрис Строг наконец согласилась.

— А почему бы в самом деле, — вскричала она, — мне не исполнить вашей просьбы! Рано или поздно вы все равно должны все узнать.

— Говорите же! — воскликнула Лизбет, надеясь, что хозяйка им поможет и примет их сторону.

— Ваши похитители не собираются вечно держать вас взаперти.

— Ручаюсь вам, это продлится недолго! — заявила Лизбет.

Жанна грустно покачала головой, сознавая всю безнадежность их положения. В этой чужой стране некому было их защитить.

Какие еще испытания пошлет им судьба?

Будущее представлялось ей мрачным.

Лизбет между тем обратилась к мистрис Строг:

— Вы можете нам сказать все, мы не проболтаемся.

— О! Милые крошки! Это в ваших же интересах! — заявила мегера. — Готовьтесь выслушать пренеприятную весть. Мне жаль вас, но сделать я ничего не могу. Итак, вы находитесь на земле, номинально принадлежащей Соединенным Штатам, а на самом деле — индейцам шошонез или змеи.

— Но мы видели здесь американцев, — возразила Жанна.

— Здесь их много, — сказала мистрис Строг. — Через нашу деревню лежит путь, по которому переселенцы направляются в Калифорнию...

— Разве нас везут в Калифорнию? — перебила ее Жанна.

— Или в Утах, — ответила мегера.

— Утах! А что это за край? — спросила Лизбет.

— Это край, в который вас отвезут.

— Зачем? — в ужасе вскричали девушки.

— Разве вы никогда не слышали об Утахе и Соленом озере?

— Никогда.

Мистрис Строг недобро улыбнулась.

— А о мормонах тоже не слыхали? — уже не сдерживая злобы, спросила она.

— Слышали, что есть такие безумцы на свете, но какое же отношение они имеют...

— Самое прямое, мои милые. Мормоны живут в Утахе на берегу Соленого озера. Их могущество распространяется и на наш край. Мой муж, мистер Джон Строг, святой последнего дня, и глаза мои наконец увидели истину. Я сподобилась стать достойной мормонкой, — произнесла она с благоговением, сделавшим бы честь служанке Тартюфа.

Это открытие вызвало у девушек ужас и отвращение. Оно оскорбило их благородные чувства и веру.

— Если вероотступничество вам по душе, тем хуже для вас, но мы-то здесь при чем? — спросила Лизбет.

— Ваши похитители вас продали мормонам. Дня через два они приедут за вами и увезут в Дезерет, прелестный город, вот увидите, — мегера упивалась своей местью.

— Ах! Боже мой! — вскричали девушки и заплакали навзрыд, закрыв лицо руками.

— Напрасно вы так убиваетесь, — заметила мистрис Строг. — Не вы первые, не вы последние. Сколько тут перебивало молодых девиц. С тех пор как я поселилась в этом доме! Они рыдали, ломали руки, рвали на себе волосы, клялись скорее умереть, чем выйти за мормона. Но девичьи слезы как вешний дождичек. Прошел — и сразу все высохло. Мормоны знают, как заставить жену любить себя, уж вы не сомневайтесь!

— Ни за что! Лучше смерть! Лучше самые жестокие пытки!

— Все так говорят, а через неделю смотришь — по другому запели.

— Замолчите, ради Бога! Не заставляйте нас краснеть от стыда!

— Жаль мне все же вас, — сказала мегера, выпив залпом стакан рома. — Завтра к нам пожалует преподобный отец. Поистине святой человек! Надеюсь, он вас уговорит. Он принадлежит к священному ордену Мельхиседена, одного из наиболее почитаемых наших святых; у него восемь настоящих жен, еще семнадцать духовных. Они боготворят его и вполне счастливы.

— Мистрис Строг, уже поздно, — сказала Лизбет. — Мы устали и хотим отдохнуть. Не угодно ли вам нас покинуть?

Мистрис Строг побагровела от злости.

— Уже спать! — заорала она. — Ведь только девятый час!

— Это неважно, говорю вам, что мы устали и вообще ваше присутствие нам в тягость. Поймите же!

— Ну, ну! Не сердитесь, — примирительно произнесла мистрис Строг, вставая, беря бутылку с ромом и чайник, — я ухожу. Да пошлет вам Бог добрую ночь! — открывая дверь, мегера добавила:

— Не убивайтесь, не такие уж страшные мормоны, как о них говорят. Вы будете счастливы.

Очень довольная, мегера вышла, посмеиваясь.

Лизбет сразу бросилась запираť дверь, крикнув ей вслед:

— Больше ты сюда не войдешь, гадина! — в ответ раздался хохот за дверью.

Оставшись одни, девушки обнялись и заплакали. Спасения нет — они погибли!

Робость — не лучшее качество женщины

С минуту Жанна и Лизбет предавались горю, хотя не полностью отдавали себе отчет в том, что их ждет. Лизбет решила разделить участь подруги.

Жанна по наивности полагала, что за нее просто хотят получить выкуп. Но сказанное хозяйкой гостиницы лишило девушек всякой надежды. Они поняли, что речь идет не о выкупе.

Их продали. И теперь Лизбет вместе с Жанной будет отдана мормонам. Хотя в планы похитителей это не входило.

Лизбет представить себе не могла, что какой-нибудь краснокожий или мормон может овладеть ею насильно и, выплакавшись, принялась утешать впадающую в отчаяние подругу.

— Не плачь, милая, — шептала Лизбет. — Еще не все потеряно. Поверь мне! И не плачь!

Но Жанна была безутешна.

— Боже мой! Боже мой! — восклицала она сквозь рыдания. — Мы погибли! Спасения нет.

— Ты поверила мистрис Строг? Но она могла и солгать!

— Нет! Эта презренная женщина сказала правду, мне сердце подсказывает. Неоткуда ждать помощи!

— Неблагодарная! Почему же неоткуда? Ведь рядом с тобой я!

— Но что ты можешь сделать, дорогая? И Бог, которому ты так горячо молишься! — У Жанны отлегло от сердца, и она с некоторой надеждой спросила:

— Услышит ли он мои мольбы?

— Он не оставит нас в беде. Мы этого не заслужили. Только не надо падать духом.

— Хотелось бы верить твоим словам, — сказала Жанна. — Но что можем сделать мы, слабые девушки, одни, в пустыне, среди врагов, которые задумали нас погубить?

— Мы многое можем сделать, — возразила Лизбет, — если не будем бояться смерти. Смерть наше последнее пристанище.

— Давай же бросимся в ее объятия!

— А ты подумала о тех, кому дорога?

— Кому дорога? — печально повторила Жанна. --- Увы! Был человек, любивший меня, но он наверняка возненавидел меня, заподозрив в измене.

— Гастон не возненавидел тебя, я уверена. Не мог возненавидеть. Кто знает, в один прекрасный день...

Лизбет осеклась, чтобы не тешить подругу напрасной надеждой. Но Жанна догадалась, о чем хотела сказать Лизбет, и с живостью спросила:

— Ты что-нибудь знаешь о нем?

— Ничего не знаю.

— Так я и подумала! Он далеко и не подозревает, как я страдаю.

— Мы молоды, — продолжала Лизбет. — Мы сильны и богаты.

— Богаты? — удивилась Жанна. — Но я ничего не захватила с собой. Ни одной драгоценности. Не успела.

— У меня с собой золото. А что мое — то твое.

— Дорогая сестра!

— Как приятно мне это слышать, бесценный мой друг... клянусь, либо мы вместе погибнем, либо я спасу тебя.

— Чем смогу я отплатить за твою доброту?

— Хватит сентиментальностей! Мы и так слишком много слез пролили. Надо действовать и спасать свою честь, чего бы это ни стоило. Ты готова?

— Конечно!

— Ничего хуже смерти с нами случиться не может!

— По крайней мере, умрем без позора, не предадим нашу святую веру!

— Да будет так! — торжественно произнесла Лизбет. — Знаешь, вместе с решимостью у меня появилась надежда. Поверь, мы с честью выйдем из борьбы. Не одни же тигры и разбойники живут на этой проклятой земле!

— Допустим! Но кто вступится за нас, несчастных девушек, чужих и неизвестных?

— Кто-нибудь, быть может, и вступится. Не надо терять надежды. Главное — не унывать и рассчитывать на собственные силы.

— Откуда они у нас?

— Ты не права. К тому же вполне возможно, что очень скоро мы встретим преданные сердца, готовые ради нас на любой риск.

— Все равно, без денег ничего сделать нельзя.

— Но у меня есть золото. Я же сказала тебе!

— Ну и что?

— Золото и отвага в этой варварской стране — достаточно, чтобы совершить невозможное. Слушайся меня, и не пройдет и часа, как мы выйдем из этого гнусного вертепа.

— Я готова на все, даже пройти по раскаленным угольям. Можешь на меня положиться, Лизбет! В нашем роду было много отважных женщин. Они доказали это на деле.

— Решено, сестра!

Девушки обнялись. Глаза их сверкали, бледные щеки покрылись румянцем.

— Теперь, — сказала Лизбет, — посмотрим, чем мы располагаем.

— У меня есть кинжал! — вскричала Жанна.

— А у меня револьвер. Я потихоньку взяла его, не возбуждая подозрений похитителей. Еще есть порох и пули. А ты говоришь, откуда у нас силы? Не удастся бежать, убьем либо себя, либо наших врагов.

— Только бы вырваться из этой ямы!

— Кстати, у меня при себе двадцать унций... На первое время этого более чем достаточно.

— Разумеется.

— Надо раздобыть мужскую одежду. В платьях да юбках нас сразу поймают. Еще нужны лошади и състные припасы.

— Где же мы все это достанем? — Жанна снова впала в уныние.

Каждая новая трудность ее пугала, хотя она старалась не отставать от своей энергичной подруги.

Лизбет, как могла, утешала Жанну, словно ребенка. Она перерыла в комнате все ящики и шкафы, но ничего не нашла и сказала:

— Видимо, придется купить все необходимое.

— Если бы только это было возможно, — произнесла Жанна печально.

— Не беспокойся, — ответила Лизбет. — Все раздобудем. — И плутовски улыбнулась.

— Просто удивительно, что мы до сих пор ничего не нашли.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего... слушай и смотри. Настал час.

— Какой час?

— Спасения и свободы. Я ничего тебе не говорила, чтобы не волновать. И чтобы злая колдунья по твоим глазам ничего не заподозрила.

— Боже великий! Что это значит? — прошептала Жанна.

— Ничего не бойся и позволь мне действовать!

В эту минуту скрипнул ставень и послышался легкий треск. Точно град бил по стеклам. Кто-то бросил пригоршню песка в затворенное окно, с которого Лизбет не спускала глаз.

В наступившей тишине слышно было, как бьются сердца девушек.

Жанна судорожно сжала руку подруги. Трижды повторился сигнал.

Лизбет отворила окно. Жанна едва не упала в обморок.

— Крепись, милая, — обратилась к ней Лизбет. — Мы спасены.

Она выглянула в окно. В слабом свете неполной луны неподвижно стояли два человека в плащах.

— Кто там? — Едва слышно спросила Лизбет.

— Луи! — ответил один также тихо.

— Шиллер?

— Да.

— Настал час?

— Да.

Девушка с трудом сдержала готовый вырваться крик радости.

— Мы спасены, Жанна!

Жанна шептала молитву.

Лизбет тихим голосом, утонувшим в шуме вечернего ветра, произнесла:

— Лизбет Тюльер ждет своего жениха.

— Надейтесь! — последовал ответ.

Желтая птица гонится за двумя зайцами

А теперь вернемся к нашим старым знакомым: Фрэнсису де Вердьеру и Гастону Дюфальга.

Итак, их потревожил выстрел проводника.

Пока они разговаривали с незнакомцем, охотник решил пойти на разведку и вскоре вернулся.

— Что случилось? — спросил доктор, поспешив охотнику навстречу.

— Ничего особенного, — пожав плечами, ответил охотник. — Я напал на след ночного бродяги и подстрелил ему крыло.

— Надеюсь, вы не убили его? — с беспокойством спросил доктор.

— Поклясться не могу. Темно, ничего не видно. Во всяком случае, в ближайшее время он нас не потревожит.

— Тем лучше, ну его ко всем чертям, — сказал капитан. — Вокруг все спокойно?

— Спокойно. Шпионы предупреждены и не двинутся с места. Ручаюсь. Так что можно поспать. Я не прочь, но на всякий случай не плохо бы по очереди дежурить. Мало ли что может случиться в пустыне. Впрочем, поступайте как вам угодно.

— Это верно, — согласился доктор. — Осторожность никогда не мешает. Если хотите, я подежурю до полуночи, потом кто-нибудь покараулит до четырех, последний — до рассвета.

— Я вторым подежурю, если не возражаете, — сказал охотник. — Капитан пусть дежурит последним. Согласны?

— Разумеется.

— Стало быть, решено. Доброй ночи, господа!

Желтая птица снова закутался в одеяло и вскоре громко захрапел.

Молодые люди еще побеседовали, покурили, потом капитан лег спать, и на биваке воцарилась тишина.

Один доктор бодорствовал. Примерно с час сидел у костра, подперев голову рукой и о чем-то размышляя, после чего принялся ходить взад-вперед, время от времени бросая взгляд на спящих.

Охотник, продолжая храпеть, открыл глаза и не спустил их с доктора.

Вдруг где-то совсем близко зашипела змея.

Доктор вздрогнул и остановился. Шипение повторилось, но совсем тихо, почти неслышно.

Удостоверившись, что его спутники спят, доктор скрылся в кустарнике.

Охотник вскочил на ноги и с торжествующей улыбкой на лице кинулся следом за доктором. Тот шел быстро, не оборачиваясь, видно спешил на встречу. Ему и в голову не приходило, что за ним следят. Поэтому он не соблюдал особой осторожности, только старался не производить шума.

Так достиг доктор Гумбольдт-ривер. Берега в этом месте были крутые, поросшие густым кустарником. Отличное место для тайной встречи.

На берегу сидел человек. Тот самый, что два часа назад приходил к биваку.

— Я думал, вы не придете, — сказал он доктору. — Заждался.

— Напрасно упрескаете меня, любезный Густон. Путь от бивака сюда неблизкий. Надо было поближе подойти.

— Чтобы меня убил ваш проклятый канадец! Он и так ранил меня. А стрелял наугад! — Густон показал перевязанное тряпкой плечо. Тряпка вся намочла от крови. — Этот негодяй хитер, как мускусная крыса! От него не спрячешься.

— Вы думаете, он стрелял именно в вас?

— Именно в меня! Но он дорог за это заплатит. Попади он ниже, убил бы наповал. А ведь он стрелял в темноте.

— Поверьте, мне очень жаль, что так случилось, Густон.

— Что теперь жалеть. Рана легкая, слава Богу, не сто-

ит говорить о ней. А вас я должен предупредить. Не доверяйте Желтой птице. Негодяй с вами ходит.

— Вы что-то узнали?

— Ничего не узнал. Он так ловок, что не выдаст себя. Но предчувствие меня никогда не обманывало.

— Попробую наблюдать за ним и, если что-то замечу, пристрелю как собаку!

— И правильно сделаете. А теперь поговорим о наших делах.

— Да, и, пожалуйста, побыстрее. Мне нельзя долго задерживаться. Они могут проснуться.

— Слушайте же меня. Бригам Юнг расположен к вам и сделает все, что в его силах, как обещал. Но действовать в открытую он не решается. Соединенные Штаты опять грозят нам войной. Так что у начальника и без того дел хватает. Главное — не применять насилия. Вот когда девушек перевезут в Дезерет, дело другое. Там начальник все возьмет на себя. А пока вмешиваться не хочет.

— Он так хвалился своим могуществом, а его-то у него маловато, — недовольно заметил доктор.

— Ошибаетесь, любезный! Скрытое могущество еще сильнее.

— В таком случае все в порядке!

— В вашем распоряжении десять данитов, в том числе я. Они готовы выполнить любой ваш приказ, касающийся, разумеется, данного дела. Оказывать вам помощь в случае надобности велено также старостам всех поселений. Мистер Джон Строг в любую минуту готов отправить девиц в Фильмор.

— Разве девушки уже у Джона Строга? Вы уверены в этом?

— Видел их собственными глазами, — заявил Густон, оскорбленный недоверием доктора.

— Все как-будто идет хорошо.

— Вы довольны?

— Разумеется.

— Вот и прекрасно! Что вы теперь намерены делать?

— Еще не знаю. Главное, чтобы девушек увезли к тому времени, когда я со своими спутниками прибуду к мистру Строгу.

— Допустим, их отправят, что дальше?

— Кажется, все.

— А ваш спутник?

— Я не решаюсь от него избавиться, бедняга вообразил меня своим другом.

— В таком важном деле нельзя колебаться. Вы можете проиграть. Если все откроется, он вас не пощадит.

— Мне не хотелось бы пролить кровь.

— Тогда я это возьму на себя. Мы похитим его, и все.

— Только смотрите, чтобы ни единый волос не упал с его головы! Обещаете?

— Обещаю. Не пойму только, почему вы так беспокоитесь?

— Он такой добрый и такой доверчивый! Хватит и того, что я отнял у него невесту. В иные минуты я чувствую угрызения совести.

— Но если при похищении он станет сопротивляться и завяжется драка?

— Ваше право обороняться.

— Я все понял, — рассмеялся Густон. — Вы умываете руки.

— Только не забывайте своего обещания!

— Кстати, Бригам Юнг нуждается в деньгах. Вы обяжете его, если...

— Вот письмо. Передайте ему, — перебил Густона доктор, доставая из кармана конверт. Густон схватил его и сказал:

— Стало быть, все как договорились?

— Когда мы снова увидимся и где именно?

— У Джона Строга, чем скорее, тем лучше. Время — деньги.

— Хорошо. Где остальные даниты?

— В трех милях отсюда, расположились на крутом берегу реки.

— Вам надо быть с ними. Они могут понадобиться.

— Не беспокойтесь!

— Вам нынче не повезло, мой бедный друг.

— Все ваш чертов проводник... но я рассчитаюсь с ним.

Пусть лучше не попадается в руки данитов.

— Почему же?

— Его все ненавидят. Напрасно вы взяли его в проводники. Это из-за него на вас напали шошоны.

— Но мы с капитаном их проучили, — рассмеялся доктор. — Впрочем, не подоспей Желтая птица, нам, пожалуй, пришлось бы туго. Он просто молодец!

— О! В храбрости ему не откажешь! И в ловкости то-

же. Но он тверд как скала. Сам не запросит пощады и врага не помилует. Закон пустыни для него свят. Попадись он мне, я с ним быстро разделаюсь!

— Дело ваше, только пусть прежде доведет нас до места, — прибавил доктор и улыбнулся.

— Согласен. Он все равно не ускользнет от меня. Краснокожие готовы его растерзать!

— За что?

— Им здорово досталось в схватке с вами.

— Сами виноваты. Мы не нападали на них.

— Разумеется. Но для них это не имеет значения. Главное, что они пострадали. Пять человек убиты и восемь ранены.

— А ведь это дело рук Желтой птицы.

— Шошонесы жаждут мести.

— Вы разве видите с ними?

— Конечно!

— Подогревайте их «нежные» чувства к охотнику. Это может нам пригодиться.

— Постараюсь.

— Вам больше нечего мне сказать?

— Нечего, доктор.

— Тогда мне пора. Поздно уже. С этим проклятым проводником надо вечно быть начеку. Вдруг он проснется? Придется как-то объяснять причину моего ухода. А врать я не люблю. Это бесполезно.

— Послушайте моего совета и следите за ним.

— Не буду спускать с него глаз. До свидания.

— До скорого свидания!

Они обменялись рукопожатием, и доктор пошел назад к биваку.

— У меня еще достаточно времени, — сказал вслух данит, оставшись один. — Посплю немного, это придаст мне силы.

Но не успел он опомниться, как кто-то придавил ему грудь коленом так, что он не мог двинуться с места.

— Ты проспишь дольше, чем рассчитывал, подлец, — насмешливо шепнул Желтая птица.

Данит задрожал, он понял, что погиб, и тут же подумал, что сам поступил бы точно так же.

— Славно сыграно, — сказал данит.

— В таких делах ты мастак, — посмеиваясь, ответил охотник.

— Ты на смерть меня осудил?
— На смерть.
— Могу я выкупить свою жизнь?
— Нет!
— Так убивай, но я буду отомщен.
— Может быть. Ты готов? — спросил охотник с убийственным хладнокровием.
— Готов, — ответил данит.
— Так умри же! — вскричал канадец, вонзив в грудь даниту нож по самую рукоятку.
— Будь ты проклят!.. — произнес данит. Это были его последние слова.
— Одним меньше. Теперь их девять осталось, — пробормотал охотник. — Вы поклялись уничтожить меня! Что ж, посмотрим, кто кого!
Он взял все бумаги, что были у данита, завернул тело в плащ вместе с несколькими увесистыми камнями, крепко-накрепко связал веревкой и осторожно, без шума спустил в реку.
— Ступай ко всем чертям, — веселовскричал охотник, — и оставайся навсегда в преисподней!
Когда доктор вернулся к биваку, капитан и охотник крепко спали.
«Все обошлось», — подумал доктор, присаживаясь к костру и закуривая сигару.
Минуту спустя он взглянул на канадца.
«Густон ошибается. Пожалуй, охотник не так хитер, как он думает. Но осторожность никогда не мешает. Надо за ним последить».
В полночь, согласно уговору, доктор разбудил канадца.
— Уже пора? — спросил тот, зевая.
— Вы, кажется, хорошо спали.
— Признаться, да. Я очень устал.
— Верю, день был трудным для всех.
— Для меня особенно.
— Это верно. Знаете, что я подумал? Нам не надо торопиться.
— Мне, безусловно, не надо.
— Вы нами довольны?
— Доволен. Платите хорошо, обхождение вежливое, только и остается желать, чтобы путешествие длилось вечно.
— А вы, оказывается, неприхотливы, — рассмеялся доктор.

— Мы идем к Соленому озеру?

— Да. Но проведем там не больше недели. Мормоны, говорят, не жалуют чужестранцев.

— Тем более сейчас, когда им грозит война с Соединенными Штатами. В каждом путешественнике они подозревают шпиона.

— Черт возьми! Я не думал об этом. Не изменить ли маршрут? С мормонами шутки плохи. Того и гляди начнут линчевать.

— Все это верно, но люди они честные.

— Надо переговорить с Дюфальга.

— Вот вы сейчас сказали, что нам не надо торопиться. А почему? — спросил простодушно канадец.

— Потому что хорошо бы здесь поохотиться. Места холмистые и красивые, и дичи наверняка в изобилии. Может, задержимся на денек? Дадим лошадям отдохнуть?

— Я не стал бы лезть со своими советами, но раз вы спрашиваете, скажу откровенно: вы поступаете опрометчиво, — ответил Желтая птица, озадачив доктора.

— Опрометчиво? — удивился доктор.

— Ну да! Место здесь открытое и в случае нападения защищаться будет трудно.

— Не всякий же день бывают нападения!

— Кто знает. Мы во владениях воинственных племен, а они белых ненавидят.

— Мы хорошо вооружены и вполне можем выдержать натиск, что уже доказали на деле.

— Поступайте, как знаете. Мне все равно.

— Итак, решено, мы остаемся.

— Моим долгом было предупредить вас.

— Что вы и сделали. Во всяком случае, упрекать вас никто не будет. Счастливого вам дежурства!

— А вам хорошего сна, доктор!

Вердьер растянулся на земле и тотчас уснул. На заре капитан открыл глаза.

— Уже светло! Почему же ты меня не разбудил? — вскочив, спросил он Желтую птицу.

— Мне жалко было вас будить. Вы так сладко спали, сударь, — ответил охотник.

— Спасибо вам, любезный друг, но вы совсем не спали.

— Не беда. Днем выплусь! Ведь мы остаемся.

— Остаемся? — вскричал капитан. — Почему?

— Доктор сказал, что не надо спешить. Надо дать лошадям отдохнуть, а заодно и поохотиться.

— Что же. Мысль славная!

— Вам нравится?

— Вы, я смотрю, в духе сегодня...

— Правда, сам не знаю, с чего бы это.

— Мне надо вам кое-что сказать!

— Говорите, любезный друг.

— Не теперь, с вашего позволения. Нас может услышать доктор, если проснется!

Дюфальга удивленно взглянул на канадца.

— Верно вам говорю, капитан, — ответил тот, подмигнув.

— Как вам будет угодно.

— Поговорим, когда доктор отправится на охоту.

— Согласен!

— Главное, чтобы доктор не догадался.

— Так это тайна? — улыбаясь, спросил молодой человек. — И что, важная?

— Да, капитан, очень важная, особенно для вас, — ответил канадец тоном, заставившим капитана насторожиться.

— А теперь я пойду поить лошадей. Не забывайте, что я вам ничего не говорил и разбудил в четыре часа.

— К чему такие предосторожности?

— Узнаете. Наберитесь терпения.

Охотник ушел, а Дюфальга, сильно взволнованный, сел у костра и стал размышлять. «Что значат слова охотника? Что за тайну хочет он сообщить?»

Напрасно ломал голову капитан.

Тем временем охотник привел лошадей с водопоя, и доктор проснулся от топота копыт.

Он пожелал капитану доброго утра и спросил, как дежурилось.

— Прекрасно! — ответил Гастон. — Пора отправляться однако.

— Вы очень спешите? — осведомился доктор, потягиваясь.

— Почему вы спрашиваете?

— Просто мне хотелось бы здесь остаться на денек, если, конечно, вы не против.

— Охотно останусь, милейший Фрэнсис, тем более, что здесь нам удалось победить краснокожих. Сейчас

пойду и подстрелю парочку птиц к завтраку, чтобы вы не сомневались в моем желании остаться.

— Вы прекрасный спутник! Идите же, а потом я пойду, позабочусь об обеде. Возвращайтесь скорее.

— Вот и прекрасно! Задайте лошадям корм, — обратился капитан к Желкой птице, — и начинайте готовить завтрак.

— Счастливой охоты, — сказал Вердьер.

— Постараюсь вернуться с добычей, любезный доктор! Молодой человек взял ружье и, широко шагая, ушел.

Доктор лег и притворился спящим, чтобы избежать всяких разговоров с охотником.

Желтая птица принялся готовить завтрак.

Капитан вернулся только к девяти часам. Принес двух тетеревов и зайца. Это было больше чем достаточно к завтраку.

Доктор тем временем занялся своими путевыми заметками.

Спустя полчаса все трое весело завтракали, как самые лучшие друзья.

Но каждый думал о своем.

Доктор о том, как избавиться от обоих спутников, капитан о тайне, которую ему собирался открыть проводник. Оба старались ничем не выдать себя.

Желтая птица, несмотря на внешнее спокойствие и предупредительность, горел нетерпением разоблачить доктора.

Везде, где есть люди, бушуют страсти и процветает коварство. И в городах, и в пустыне.

И доктор, и проводник поступали коварно. Только у доктора была цель постыдная, низкая, а у охотника — благородная.

Любовь побеждает месть

Как и было условлено, только спала жара, часов около трех пополудни, доктор взял ружье и отправился поохотиться, сказав, что вернется часам к пяти, не раньше. Капитан лег отдохнуть, а проводник сделал вид, будто возится с конской сбруей. Но едва доктор скрылся из виду, охотник поспешил за ним. Он хотел убедиться, что доктор на сей раз не хитрил, он и в самом деле отправился на охоту. И проводник очень быстро вернулся. Он подошел к палатке, где отдыхал капитан. Едва завидев проводника, Гастон спросил:

— Теперь мы одни?

— Совершенно одни, капитан, — ответил проводник со свойственной ему насмешливой улыбкой. — Доктор пошел охотиться. Слышите выстрел? Видно, придет с добычей. Сказал, что раньше пяти не вернется, так что два часа у нас есть.

— Я слушаю вас, любезный. Можете рассчитывать на мою помощь, если она вам понадобится.

Охотник покачал головой.

— Благодарю, капитан, но к делу, о котором я собираюсь вам рассказать, я не причастен. Речь пойдет только о вас.

— Обо мне? — вскричал молодой человек.

— Да, капитан, о вас!

— Ничего не понимаю.

— Но я и хочу все объяснить. Чтобы вы не оставались в неведении.

Он достал из кармана бумаги, взятые ночью у убитого им данита, и протянул капитану.

— Прежде всего, потрудитесь взглянуть на эти бумаги.

Потом я вам расскажу, как они попали ко мне.

— Что это? — спросил капитан, машинально беря бумаги.

— Прочтите, — ответил охотник.

Воцарилось молчание.

Пока капитан просматривал бумаги, охотник стоял в своей обычной позе, опираясь на дуло винтовки, и ждал.

Наконец капитан все прочел и вопросительно посмотрел на проводника.

— Значит, человек, которого я считал своим другом, предатель?

— Вы еще сомневаетесь в этом? — охотник пожал плечами.

— Пока сомневаюсь. Ибо не вижу ни причины, ни цели предательства.

— Именно пока, — возразил охотник. — Со временем увидите.

— Возможно. Мы познакомились с доктором в Сан-Франциско совершенно случайно. И подружились, что совершенно естественно для соотечественников, встретившихся в чужом краю, имеющих к тому же одинаковое социальное положение и вкусы. Общих интересов у нас нет, мы ничего не знаем о делах друг друга. С какой же стати он станет вредить мне?

— Дело в том, — произнес охотник, — что доктор давно и хорошо осведомлен обо всем, что касается вас.

— Ошибаетесь, приятель, до встречи в Сан-Франциско я понятия о нем не имел.

— Выслушайте меня, сударь, — сказал канадец с улыбкой, — мне велено предупредить вас о грозящей опасности, и я давно сделал бы это, если бы друг ваш, — охотник сделал ударение на последних словах, — не следил за мной.

— Вы изумляете меня все больше и больше. То, что вы говорите, для меня настоящая шарада. Объясните же, Бога ради, в чем дело.

— Не знаю, капитан, почему мои слова вы воспринимаете как шараду, дело не такое уж сложное, а за достоверность каждой его подробности я ручаюсь.

— Прежде всего, хочу сказать, что полностью вам доверяю, несмотря на недоброжелательность к вам доктора и считаю вас человеком порядочным.

— Благодарю, сударь. Вскоре вы сможете убедиться, что не ошиблись во мне. Когда вы решили отправиться в

страну мормонов и стали искать проводника, человек, которому я многим обязан, приказал мне предложить вам свои услуги. Надеюсь, вы не забыли, что я готов был на любые условия.

— Кто же этот человек, о котором вы говорите?

— Ваш лучший друг, капитан, только мне пока запрещено называть его имя.

— Что это еще за таинственный друг, да еще в такой стране, где я никого не знаю!

— Вы не знаете, зато вас многие знают, доказательства я вам приведу неопровержимые в нескольких словах, потому что времени терять нельзя. Вашу невесту похитили. В отчаянии вы едва не покончили с собой. Вас удержал друг, который поклялся найти вашу невесту и разоблачить похитителей. Так это или не так, капитан?

Молодой человек вскочил, весь дрожа, побледнел и смотрел на охотника безумным невидящим взглядом.

— Да, все это правда, — прошептал капитан точно во сне. — Я проехал всю Францию в поисках моей возлюбленной, потом бросился в Америку — все напрасно. Продолжать борьбу с неизвестностью — просто безумие. Зачем вы разбредили рану в моей душе? Зачем напомнили о моем бессилии? Кто вы? Друг или посланец тех, кто вверг меня в пучину страданий? Но очнь скоро я доставлю радость моим врагам, покончив счеты с жизнью.

— Нет, капитан, вы поклялись не делать этого и свое слово сдержите. Я сказал все откровенно, чтобы впредь не возникало между нами недоразумений. Вы должны полностью доверять мне. Не настолько я подлый, чтобы забавы ради беречь вашу рану. Да, я растравил вашу душу, зато влил в нее целительный бальзам надежды.

— Надежды? — вскричал Гастон, вне себя от волнения. — Да кто же вы?

— Я бедный невежественный охотник! Но у меня есть сердце, я честен, а главное — предан вам душой.

— Я верю вам, должен верить, — ответил молодой человек, с чувством благодарности протягивая канадцу руку. — Но я сбит с толку и ничего не понимаю. Скажите, откуда вам известна моя история?

— Пусть тот, кто послал меня к вам, сам все расскажет, когда придет срок. Это ему будет приятно. А я дал клятву не раскрывать его имени. И не нарушу ее.

— Хорошо, не буду настаивать, — приуныв, сказал мо-

лодой человек. — Но тогда назовите мне хотя бы имя врага, и я буду признателен вам до конца жизни.

— Это легко исполнить, капитан, — ответил охотник.

— Так кто же он?

— Фрэнсис де Вердьер.

— Фрэнсис де Вердьер? — в ужасе вскричал капитан. — Не может этого быть!

— Но именно он похитил вашу невесту Жанну де Меркер. Он один виновник всех ваших страданий!

— Какая гнусность. Но, видимо, это так. Признаться, человек этот внушал мне безотчетное отвращение, сколько ни силился я обманывать самого себя. Он ненавидит меня! Дайте же мне скорее доказательства его коварства.

— Разве того, что у вас в руках, недостаточно? Эти бумаги, капитан, я взял у убитого мною данита, сообщника доктора.

— Наконец-то у меня открылись глаза! — воскликнул Гастон. — Наконец-то я знаю подлеца, который меня обманул! Я должен ему отомстить, если даже это будет стоить мне жизни!

— Седлайте скорее лошадей! — приказал он.

Желтая птица молча повиновался.

Лошади были оседланы мигом, и капитан вскочил в седло.

Охотник последовал его примеру.

— Куда мы едем? — спросил он.

— Куда мы едем? — словно эхо повторил капитан и тут же добавил:

— Я должен убить подлеца, который отнял у меня счастье.

Канадец взял Гастона за руку.

— Это вы всегда успеете, капитан, — сказал он. — Его час еще не пробил. У вас есть более важное дело.

— Я хочу отомстить... другой цели у меня нет!

— Ручаюсь, капитан, ваша месть — впредь! Но вы не должны поступать, как безумец! Быть может, ваш враг на чеку, или же за кустами шпионы, которые следят за каждым вашим движением.

— Мне все равно! — вскричал Гастон, вырывая руку, которую держал охотник. — Только убить его!

— Вы и в самом деле обезумели! Надо наказать доктора, когда он будет в вашей власти, сделать его таким же несчастным, каким он хотел сделать вас.

— Вы правы. Но как этого достичь?

— Слушайтесь моих советов, и я ручаюсь вам за успех. Охотник спешился, навьючил на лошака свои вещи и багаж капитана.

— Что вы делаете? — спросил капитан.

— Как видите, готовлюсь к отъезду.

— Нет, — сказал Гастон, — я не поеду, я дождусь этого негодяя и, клянусь Богом!.. Он...

— Когда он вернется, мы будем уже далеко, — смеясь, перебил капитана охотник. — Вот все и готово, — добавил он, садясь на лошадь и не выпуская из рук повод лошакa.

— Повторяю вам, ничто не заставит меня уехать отсюда!

— Вы не измените своего решения? — спокойно спросил Желтая птица.

— Не изменю!

— Но пока мы теряем здесь время, вы можете навсегда потерять вашу невесту! Впрочем, я не настаиваю, капитан. Вы можете поступать как вам угодно.

— Что вы хотите сказать? — вскричал молодой человек. — Что я потеряю?

— Что ваша невеста не более как в десяти милях отсюда, зовет вас на помощь, а вы не желаете ехать!

— Я не желаю ехать? Жанна так близко, а я не хочу ее спасти? Едем же, только быстрее! Чтобы не опоздать!

— Не опоздаем, если вы будете повиноваться мне.

— Клянусь! — вскричал Гастон, обезумев от радости.

Они помчались во весь опор и вскоре скрылись в зарослях.

На биваке никого не осталось.

Долой маску! Я объявляю ему войну!

Тем временем, ничего не подозревая, Вердьер углубился в лес.

Он охотился без всякого увлечения, поглощенный своими честолюбивыми планами, и не замечал птиц, пролетающих у самых его ног и прямо над головой.

Доктор и представить себе не мог, что произошло на биваке. Он был уверен в своих сообщниках и мысли не допускал о возможном провале. Тем более, что постоянно находился в обществе Гастона, следил за каждым его словом, за каждым движением, ни днем ни ночью не спуская с него глаз. В общем, он был уверен в полном неведении капитана, ставшего жертвой его интриг.

Смущал доктора только Желтая птица, он был, как говорится, единственным облачком на его небосклоне. Из головы не шли предостережения данита.

В то же время Желтая птица не давал ни малейшего повода для подозрений, казалось, он ко всему равнодушен, кроме своих обязанностей, и доктор, при всей своей хитрости, позволил себя провести, перестал строго следить за проводником.

Итак, доктор спокойно охотился, когда вдруг услышал громкий топот приближавшихся лошадей.

— Черт возьми! — пробормотал Вердьер, подумав, что это индейцы-грабители. — На всякий случай лучше спрятаться.

Он добежал до реки и укрылся за огромным, наполовину потопленным стволом. Заменив в ружье дробь на пули, доктор приготовился к обороне.

Вскоре показались всадники.

Доктор едва не вскрикнул от изумления, увидев, что это вовсе не индейцы, а мормоны, вооруженные винтовками. Всадники были совсем близко к тому месту, где укрылся доктор, они осадили лошадей и стали что-то оживленно обсуждать.

— Что за чудеса, — произнес доктор, имевший привычку излагать свои мысли вслух, — ведь это мои ребята! На кой черт они здесь шныряют и почему нет с ними Густона?

Доктор свистнул, это был условный знак.

Всадники сразу умолкли и огляделись.

Доктор вышел из своего укрытия и пошел к всадникам.

— Я рад, господа, видеть вас, — сказал доктор, отвечая на поклоны. — Но почему вы здесь?

— Вас ищем, сударь, — ответил один из всадников.

— Меня, Джек Стаунтон? Ну вот, вы нашли меня. Чем могу быть полезен? Но прежде скажите, почему с вами нет Густона?

— Он мертв, доктор.

— Мертв? Густон? Уж не бредите ли вы, Джек?

— Нет, доктор. Густон мертв, говорю вам. Мы нашли его труп в воде, по ту сторону мыса.

— Странно! Как мог он утонуть?

— Он не утонул, доктор, его убили.

— Убили?

— Утром прискакала его лошадь с порванной сбруей, мы тотчас заподозрили неладное и отправились на поиски, и, как я уже докладывал вам, нашли тело нашего бедного товарища. Он убит ударом кинжала в грудь. Должно быть, убийца подкрался сзади.

Лицо доктора покрылось смертельной бледностью.

— К тому же, — продолжал Джек Стаунтон, — исчезли все бумаги, бывшие при нем. Их, видимо, похитили.

— Все ясно, — вскричал доктор, ударив себя по лбу. — Нас предали. Лошадь! Скорее!

Один из всадников подвел к доктору лошадь Густона.

Доктор вскочил в седло.

— Следуйте за мной! — крикнул он и пустил лошадь во весь опор.

Всадники помчались за ним.

Не прошло и четверти часа, как они прискакали к биваку.

Вердьер огляделся и понял все.

— Уехали! — вскричал он, осененный страшной догадкой. — Да будет так! Значит, ему суждено умереть! Долой маску! Я объявляю ему войну!

Даниты, пораженные, стояли, не в силах слова вымолвить. Они приехали убивать тайно, а не сражаться в открытую.

— Всем спешиться, — приказал Вердьер. — Будем держать совет. Война! Только война! И никакой пощады! И да поможет нам черт!

Король золотых приисков призывает подданных к порядку

Итак, Луи и Пьер, заключив сделку с мистером Строгом, никем не замеченные, покинули гостиницу.

Ночь выдалась темная и холодная. Лишь изредка из-за облаков лениво выглядывала луна, чтобы тотчас же снова скрыться. Ветер уныло шумел в деревьях.

— Где ваша лошадь, Луи? — спросил Пьер.

— Шагах в десяти отсюда.

— Она не загнана?

— Нет! Может скакать сколько угодно, ручаюсь!

Они прошли немного и увидели лошадь Луи.

— Место выбрано подходящее, — сказал Пьер и, привязав свою лошадь рядом с лошадью друга, спросил:

— Оружие у вас наготове?

— Да, как обычно.

— Вы решились на все?

— На все. Но что вы собираетесь предпринять?

— Сейчас увидите. Делайте то, что буду делать я. Главное — не отходите ни на шаг. Что бы ни случилось.

— Не беспокойтесь. Я исполню все, что вы скажете.

— Из гостиницы мы ушли незамеченными, а сейчас вернемся и, клянусь вам, окажемся в центре внимания.

— Совершим какое-нибудь безумство? — Луи усмехнулся.

— В этом краю только так можно достичь успеха. Пойдемте же быстрее!

Они направились к гостинице, где веселье было еще в разгаре.

На пороге Пьер постоял с минуту, затем поднес к губам серебряный свисток и изо всех сил свиснул.

Словно гром грянул среди ясного неба. Бродяги прекратили игру, опустили на стол наполненные вином стаканы и, словно по команде, повернулись к дверям. И вдруг в воцарившуюся тишину ворвался крик:

— Король золотых приисков!

Радости бродяг не было предела, хотя некоторые оцепенели от ужаса.

Еще немного и бродяги подхватили бы Пьера и понесли на руках, но он повелительным жестом пригвоздил их к месту, шагнул вперед и, скрестив руки на груди, с гордо поднятой головой и презрительной улыбкой на губах произнес:

— Как же так, господа? Я напрасно ждал вас в Пало Верде, куда вы должны были явиться накануне к вечеру!

Бродяги виновато опустили головы, а Пьер продолжал:

— Вы обманули меня, негодяи! Обманули, чтобы ограбить...

Среди бродяг поднялся ропот. Они, казалось, готовы были броситься на человека, осмелившегося вступить с ними в борьбу.

Пьер презрительно усмехнулся:

— Вы подлые трусы и воры! Не довольствуясь грабежом, вы пытались избавиться от меня, убить, не дерзнув напасть открыто. Посмейте отрицать это! В меня дважды стреляли из-за куста. Ей богу! Но вы будете наказаны. Надо покончить с вами, мерзавцы!

Пьер, спокойно достал из-за пояса револьвер, взвел курок.

Луи последовал его примеру.

Однако разбойники, выйдя из оцепенения и устыдившись своей трусости, схватились за ножи и заорали:

— Смерть Королю золотых приисков! Смерть его товарищу! — и бросились вперед.

Грянули два выстрела, и двое бродяг были убиты наповал. Разбойники пришли в замешательство.

Пьер перешагнул через убитых и спокойно пошел на разбойников, а те, глухо ворча, постепенно, шаг за шагом отступали, дрожа под магнетическим взглядом Пьера.

Луи, оставаясь у двери и держа револьвер наготове, с восторгом наблюдал за происходящим, явно не понимая, какой страшной опасности подвергался Пьер да и он сам.

А может быть и понимал, но не дорожил жизнью. Ведь

стоило бродягам опомниться — и обоим смельчакам пришел бы конец.

— Кто нынче утром стрелял в меня? — спросил Пьер. Никто не ответил. Пьер повторил вопрос.

Один из бродяг вышел вперед и сказал:

— Они лежат у ваших ног. Сами того не зная, вы их покарали. Чего же еще от нас требуете? Мы признаем свою вину и просим прощения. Верно я говорю? — обернулся он к остальным бродягам.

— Да, да! Правосудие свершилось.

— Возможно, вы правы, — заметил король с улыбкой. — Но это еще не все.

— Говорите, дон Педро. — Так называли Пьера бродяги. — Мы готовы выслушать вас.

Бродяги, лежавшие на полу, корчились в предсмертных муках, но никто к ним не подошел, так велик был страх перед Королем золотых приисков.

Какое-то время Пьер размышлял, наконец, поднял голову и медленно произнес:

— Я хочу знать имена подлецов, которые склонили вас к предательству. — Пьер вынул из кармана часы и с невозмутимым видом добавил:

— Даю на размышление пять минут. Через пять минут вы должны мне их выдать, связанных по рукам и ногам.

— Если мы выполним ваше требование, дон Педро, — произнес бродяга, тот, что говорил от имени остальных, — вы нас простите?

— Возможно!

— Не бросите нас?

— Если бесприкословно и быстро выполните мое справедливое требование.

Дав понять, что дальнейшие переговоры бесполезны, Пьер повернулся и медленными шагами пошел к Луи, все еще неподвижно стоявшему у двери, закурил и стал ждать.

Расчет у Пьера был точный.

Бродяги собрались в углу залы, минуты три-четыре совещались, завязавшаяся было борьба длилась не больше мгновения, и пять человек были связаны, несмотря на отчаянное сопротивление.

Их подтащили к Пьеру и бросили к его ногам. Ни единый мускул не дрогнул в лице Короля золотых приисков.

— Правосудие совершено, — сказал все тот же бродяга. — Вот они, предатели!

Пьер устремил на изменников презрительный взгляд и спросил:

— Кто они, эти люди?

— Мормоны, — ответили в один голос бродяги.

— Мормоны! — вскричал Пьер с гневом. — И вы настолько глупы, что повинуетесь этим презренным грабителям? Их отовсюду изгнали. Теперь они нашли пристанище в нашей стране и отнимают богатства у вас, первых поселенцев края!

— Мы совершили ошибку, дон Педро, — произнес уже другой бродяга, — и очень виноваты перед вами. Бог наградил вас бесценным даром находить скрытые в недрах земли сокровища, а вы отдаете их нам, оставляя себе ничтожную долю.

— Простите нас, дон Педро! — вскричали бродяги.

Человек тридцать с лихорадочным блеском в глазах окружили Пьера, обнажили головы и склонились в смиренном поклоне.

Зрелище было поистине впечатляющее.

Золотоискатели — люди необыкновенные. Они способны с первого взгляда обнаруживать золотые жилы.

Тем, кто путешествует по Америке, золотоискатели часто встречаются. Они всегда в пути. Таково, видимо, их предназначение свыше — извлекать из земли скрытые в ней богатства. Кажется, будто золото их влечет своей волшебной силой.

Не алчность движет золотоискателями. Они любят красоту золота, сверкающего на солнце, но отдают его другим, презирая страсть к наживе. Себе же оставляют так мало, что живут в бедности.

Следует сказать, что золотоискатели, или гамбучино, как их называют в тех местах, внушают людям суеверный страх. Им кажется, что так же легко, как гамбучино находят золото, они могут заставить его исчезнуть.

Пьер, или дон Педро, был во времена, к которым относится наш рассказ, одним из знаменитейших золотоискателей в Калифорнии, Орегоне и бассейне Утаха, о нем ходили легенды и недаром обладал он такой властью над этими грубыми примитивными людьми. Слава о нем гремела, богатства, открытые им были неисчислимы. Рудокопы прозвали его Королем золотых приисков и никогда не называли иначе между собой.

Необходимо было дать это краткое объяснение, чтобы

читатель понял, какую власть Пьер имел над всеми этими людьми и почему без труда оказался победителем в затеянной им безумной борьбе одного против всех...

С минуту Пьер наслаждался своим торжеством, хотя виду не подавал, оставаясь хладнокровным и невозмутимым.

Бродяги с волнением ждали решения дона Педро.

Наконец, пообеда всех взглядом, он заговорил:

— Глупцы! Позволяете себя морочить подобным негодям! Поистине мой гнев справедлив! Вы заслужили его!

— Повесить их? — робко спросил один из бродяг.

— Нет! Они не стоят даже веревки! Поднимите их на ноги.

Мормоны с облегчением вздохнули. У них появилась надежда на пощаду.

— Развяжите их, верните оружие и лошадей, если они у них есть.

Приказ был мгновенно выполнен.

— Уезжайте, — сказал Пьер. — Но смотрите, не попадитесь мне больше. Второй раз пощады не будет.

Мормоны, не веря своим ушам, поклонились и покинули залу. Вслед им неслись ругательства и проклятия.

Тела убитых бродяг вытащили вон и бросили под деревом на съедение хищным птицам.

— Могу я на вас рассчитывать? Не предадите на сей раз? — спросил Пьер у бродяг.

— Приказывайте, мы готовы повиноваться.

Пьер знал, что с этой минуты бродяги преданы ему душой и телом.

— Чтобы никаких неожиданностей, — предупредил он. — Мне понадобится ваша помощь в течение месяца. Если я останусь вами доволен, считайте, что Пало Верде принадлежит вам. Я не возьму ни крупицы золота! Согласны?

— Согласны! Согласны!

— Вот и прекрасно! Джое Смит, отберите пять человек, пусть отправятся в Пало Верде и начинают работать, пока нас не будет, чтобы закрепить жилу за нами. Прибыть туда надо до восхода солнца. Чужих не пускайте. В крайнем случае, припугните моим именем.

Джое Смит, рослый детина с грубыми чертами лица и косыми глазами, стал тотчас же выполнять приказ.

Спустя минут десять пятеро бродяг попрощались с Королем золотых приисков и покинули гостиницу.

Последняя амазонка

Луи смотрел на друга с нескрываемым любопытством и восхищением.

Он видел, с какой легкостью Пьер рисковал жизнью, как повиновались ему поверженные в страх бродяги, жестокие, словно дикие звери, и невольно начинал верить в успех начатого ими дела.

В доме мистера Строга еще оставалось человек двадцать отъявленных негодяев, свирепых и диких, как краснокожие, способных только на зло и лишь изредка на добро.

— Ну! — шепнул Пьер другу. — Дело как будто идет на лад.

— Вижу, — ответил тот. — Но, признаться, ничего не понимаю... не в силах постичь.

— Терпение! — перебил его Пьер с загадочной улыбкой. — Я ведь не ребенок и знаю, что делаю. Так что отбрось свои сомнения. — А вы, ребята, — обратился он к бродягам, — седлайте лошадей и скачите к бухте, через четверть часа я буду там. Кстати, проверьте свое оружие, оно может понадобиться. А вы, Гэри Колт, заверните мимоходом в деревню шошонесов и постарайтесь узнать, не замышляют ли они что-нибудь против нас? Некоторые из находившихся здесь воспользовались суматохой и улизнули. Хотелось бы знать, на чьей они стороне, нашей или наших врагов.

— Это нетрудно сделать, — во весь рот улыбнулся Гэри Колт.

— Только будьте осторожны! Ступайте! А Джое Смит и Перико останутся здесь. Они мне понадобятся.

Бродяги поклонились и без лишних слов вышли из залы. Остались Джое Смит и Перико.

— Теперь мы потолкуем с вами, мистер Строг, — обратился Пьер к хозяину гостиницы.

— К вашим услугам, сеньор, — ответил с поклоном хозяин, сильно встревоженный таким оборотом дела, но вынужденный молчать, поскольку получил щедрое вознаграждение.

— Слушайте меня внимательно, — продолжал Пьер, — и примите мои слова к сведению. А главное, не заставляйте повторять дважды то, что я вам скажу.

— Я весь внимание, сеньор.

— Во-первых, приятель, — начал Пьер насмешливым тоном. — Я хочу вас заверить, что никогда не поссорю вас с вашими друзьями и единоверцами. Ведь неизвестно, что может случиться в будущем, необходимо оградить вас от всяких обвинений. Надеюсь, вы меня поняли?

— Вполне, сеньор.

— Итак, вы дадите себя связать и слуг ваших тоже?

— Связать! — вскричал хозяин, пятась назад. — Связать, как мошенника!

— Разумеется, если вы не хотите прослыть нашим общником. В этом случае ваши друзья быстро расправятся с вами. Повесят вас на первом же суку.

— Справедливо, сеньор. Я согласен, пусть меня свяжут, если вам так угодно.

— Я вижу, вы поняли меня с полуслова. Кто есть еще в доме, кроме известных вам двух дам? Отвечайте правду. Иначе вам не поздоровится!

— Никого больше нет, сеньор, — ответил хозяин. Все его тучное тело тряслось от страха.

— Никого? Вы уверены?

— Само собой, только мистрис Строг, моя половина.

— Хорошо, попросите ее сойти вниз.

— Не знаю, захочет ли она...

— Это необходимо.

Хозяин подавил вздох, но, поняв, что всякое сопротивление не только бесполезно, но и опасно, повиновался и через несколько минут вернулся вместе с мистрис Строг.

Супруга достойнейшего мистера Строга едва держалась на ногах не то от волнения, не то от выпитого чая с ромом, точнее от рома с чаем, а может быть, и от того, и от другого. Во всяком случае, не от страха.

— Что вы собираетесь со мной делать? — вскричала мегера трагическим тоном, насмешив всех присутствующих.

Вся красная, скорее от выпитого рома, чем от оскорбленной невинности, мистрис Строг продолжала:

— Я честная женщина и никто кроме мистера Строга, моего достойнейшего супруга, не позволял себе...

— Успокойтесь, мистрис Строг, — вежливо произнес Пьер, — мы не собираемся оскорблять вас.

— Слава Богу!

— Никто без всякой на то причины не проявит неуважения к вам, любезная мистрис Строг.

— О! Тут я совершенно спокойна...

— В самом деле?

— Я сама сумею защитить свою честь, если тот, чье имя я ношу, не сможет этого сделать.

Храбрая мистрис Строг была мастерица говорить под влиянием винных паров.

В этот же вечер она была особенно красноречива, ибо хотела излить свою обиду на оскорбивших ее дерзких девушек — Жанну и Лизбет.

Вдруг она заметила, что трубка ее погасла.

— Клянусь Богом! Я забыла наверху мой кисет. Мистер Строг, дорогой мой, будьте так любезны, сходите за ним. Я буду вам бесконечно признательна.

Мистер Строг уже хотел выполнить просьбу жены, но Пьер взглядом приказал ему оставаться на месте и обратился к мистрис Строг:

— Вот табак, любезная мистрис Строг. Не стоит затруднять почтенного хозяина. Тем более, что присутствие его здесь просто необходимо, также как и ваше.

— Тысячу раз благодарю, сеньор, — ответила мегера и, не обращая внимания на насмешливые взгляды бродяг, принялась набивать свою трубку, ответив:

— Рада быть вам полезной.

— Вот и хорошо.

— Располагайте мною, как вам будет угодно.

Мистрис Строг говорила и говорила, не обращая внимания на отчаянные знаки супруга, который старался заставить ее замолчать.

— Располагайте мною, как вам будет угодно, — твердила мистрис Строг. — Мой дом и мой благородный супруг тоже в вашем распоряжении.

— Вы предупреждаете мои желания, любезная мистрис Строг, но нам нужен суший пустяк.

— Лучше бы что-нибудь важное, сеньор, — возразила мегера. — Тогда и заслуга наша была бы больше!

— Позвольте со всем уважением к прекрасному полу...

— Сколько слов. Говорите же скорее, — перебила Пьера мистрис Строг, обдав его табачным дымом. — Что я должна вам позволить?

— Связать вас.

— Связать? — оторопела мегера.

— Ну да! Причем с величайшей осторожностью.

— Слышите, Строг, мой дорогой?

— Слышу, — ответил мистер Строг со вздохом.

— Эти язычники грозятся меня связать!

— И меня тоже, дорогая!

— Это деловаше. Пусть вас перевяжут, как колбасу, если вам это нравится. Но чтобы меня... вашу жену!.. Никогда!

— Мистрис Лау, дорогая, успокойтесь. Вам никто не причинит вреда, — уговаривал жену мистер Строг, опасаясь скандала.

— Пусть попробуют! — крикнула мистрис Строг.

Время шло, и Пьер обратился к Джое Смиту:

— Свяжите мистрис Строг... а вы, Перико, — нашего великолепного хозяина и его слуг.

Мистер Строг не сопротивлялся, он даже помогал Перико связать слуг, которых поместил в углу залы. Затем хозяин храбро протянул обе руки и их мигом скрутили веревками.

Зато мистрис Строг решила не сдаваться без боя.

Как только Джое Смит направился к ней, мегера взревела, словно разъяренная тигрица, и, несмотря на непомерную полноту и изрядную дозу выпитого рома, одним прыжком очутилась у очага, схватила длинный вертел и с грозным видом стала у входа в коридор, размахивая своим оружием.

Вид новоиспеченной амазонки в первый момент вызвал оглушительный хохот, от которого задрожали стены.

Смеялся даже мистер Строг, его связанные слуги катались по полу от смеха. Сам Король золотых приисков аплодировал этой немного подпорченной Жанне д'Арк.

Но пора было действовать.

Джое Смит попробовал приблизиться к мистрис Строг со всей любезностью, на какую только был способен. Однако

тут же с криком отскочил. Мегера всадила ему вертел в руку на добрых шесть дюймов. Не отскочи он, несравненная мистрис Строг проткнула бы его насквозь, как индюка.

Перико попытался хитростью подступиться к мегере, но тахватила его вертелом по лицу так, что остался кровавый след.

— Ну-ка, подойдите сюда, трусы! — вопила мегера, глядя на Пьера и Луи. — Разбойники с большой дороги! Жариться мне на адском огне до последнего дня вечности, если я не проткну вас своим вертелом... воры... убийцы... пьяницы!

— Недотепы! Эй вы! Вяжите же скорее эту безумную, — выйдя из себя, крикнул Пьер.

— Хотел бы я видеть, как вы справитесь с ней, — пробормотал Джозе Смит, указывая на намокший от крови рукав.

— Сущая ведьма, — добавил Перико.

— Ступай-ка сюда, милый! Иди же, подлец! — кричала мистрис Лау, торжествуя победу и подстрекаемая хохотом мистера Строга и слуг, которые весело кричали «ура».

Луи что-то шепнул на ухо Пьеру и вышел.

Пьер спокойно направился к мистрис Строг.

— Подойди-ка поближе! Если я не попаду тебе в нос, удар не считается!

— Сдавайтесь, мистрис Строг! — сказал Пьер тоном, каким разговаривают с детьми. — Будьте умницей!

В ответ грянул взрыв хохота.

Не увернись Пьер от удара, мегера угодила бы прямо в лицо.

Пьер вынул пистолет и взвел курок.

Мистер Строг в страхе закричал:

— Сдавайся, моя прелесть! Честь спасена! Слагай оружие!

— Нет! — зарычала мистрис Лау. — Плевать я на них хочу... — и осеклась на полуслове. Пьер выстрелил.

Вертел сломался, и мегера была обезоружена.

В это время появился Луи, схватил ее сзади, скрутил ей руки, рот заткнул кляпом.

— Отнесите мистрис Строг в ее комнату и осторожно положите на кровать, только осторожно. Переверните там мебель, чтобы были следы борьбы. Впрочем, без борьбы и в самом деле не обошлось.

Джозе Смит взвалил мегеру на спину, словно тюк, и ушел. Мегера затихла и больше не сопротивлялась.

Хозяина и слуг положили на стол, остальные столы оп-

рокинули, сломали несколько скамеек, разбили четыре бутылки вина.

Мистер Строг лишь горестно вздыхал, но сделать ничего не мог. К тому же он понимал, как важно для него не оказаться в числе сообщников Короля золотых приисков. Но главным утешением были унции, лежавшие в кармане.

— Все в порядке, — сказал Джос Смит, возвратившись, — мистрис Строг утихомирилась.

— Пойдемте, нам здесь больше нечего делать, — сказал Пьер, захватив веревки. Но прежде чем уйти, надо погасить в доме свет.

И вот, заперев на ключ добровольных пленников, четверо покинули гостиницу — Пьер, Луи, Джос Смит и Перико. Не успели они выйти, как рядом отворилось окно, и из окна выглянула женщина.

— Здесь, — сказал Пьер и произнес пароль:

— Надейтесь!

Последовал ответ:

— Лизбет Тюльер ждет своего жениха.

Пьер бросил веревку в окно и сказал:

— Ничего не бойтесь, мы пришли вас спасти.

После минуты молчания женщина снова появилась в окне.

— Кто бы вы ни были, — вскричала она, сложив с мольбой руки, — сжальтесь над нами!

— Привяжите один конец веревки к окну, а другой опустите вниз. Торопитесь. Времени мало!

— Если вы нас обманете, Бог накарает вас, — с волнением произнесла женщина. — Мы доверимся вам.

— Бог нас и послал к вам! — вскричал Пьер и обратился к своему другу:

— Поднимайтесь!

Молодой человек стал быстро взбираться наверх и вскоре достиг окна.

— Лизбет! — воскликнул он радостно и в следующий момент уже был в комнате.

— Луи! — счастьем Лизбет не было предела. — Луи! Мы спасены! Я так боялась ошибиться! Но это ты!

Лизбет бросилась в объятия жениха и едва не лишилась сознания.

— Скорее! Скорее! — торопил Пьер, уже успевший подняться наверх. — У нас еще уйма дел!

Жанна де Меркер опустилась на колени и горячо молилась.

Воздушное путешествие, или то, что мэтр Пьер называл рекогносцировкой

Прошло два дня после описанных событий.

Был вечер.

Человек тридцать бродяг собралось на крутом берегу Гумбольдт-ривер во главе с Королем золотых приисков, нашим старым знакомым Пьером.

По его приказу бродяги, несмотря на усталость, быстро спешили и стали рубить деревья для заграждения, чтоб еще лучше укрепить свои позиции.

С того места, где они находились, все вокруг хорошо просматривалось.

Покончив с делами, развели костер и приготовили ужин.

Всем очень хотелось есть, и людям, и лошадям. Они проскакали двенадцать с лишним часов, ни на минуту не останавливаясь.

Разложив на земле плащи, Пьер, Луи, Жанна и Лизбет с наслаждением отдыхали у костра, разведенного в нескольких шагах от наскоро построенного шалаша, ели маисовые лепешки, испеченные в золе бататы, запивая их холодным кофе.

Мужчины, привыкшие к суровой жизни в пустыне, не так устали, как девушки, которые буквально падали от усталости.

Ели все молча, вдруг Пьер в гневе стукнул кулаком по земле.

— Что с вами? — тихо спросила Жанна.

— Презренный я человек, — ответил Пьер, не решаясь взглянуть на девушку. — Самый скверный из всех, когда-либо вступивших в пустыню!

— Презренный? — улыбнулась девушка. — Да за что же вы себя так честите?

— Верно, за самоотверженность? — подхватил Луи. — Или за преданность?

— О какой самоотверженности ты говоришь? — вскричал Пьер.

— О твоей, разумеется! Кто посмеет мне возразить?

— Я посмею, клянусь Богом!

— Почему же?

— Уже два дня мы в дороге, а я не могу сбить со следа чертей, которые за нами гонятся. Я старый лесной всадник. Знаю пустыню! Хочется бороду вырвать от злости! А ведь кажется, сделать это было совсем нетрудно!

— Значит, трудно, раз вам не удалось, мэтр Пьер, — вмешалась тут Лизбет.

— Ведь с нами еще тридцать человек, как скрыть столько следов? — поддержала ее Жанна.

— Это-то меня и бесит, что с нами тридцать смельчаков, а я ничего сделать не смог...

— Как же ничего? — возразила Жанна. — А то, что мы здесь укрепились, несмотря на преследование врага, и провели мормонов, а победа над краснокожими?

— И все же главное — сбить со следа наших врагов, — не свойственным ему резким тоном ответил Пьер.

Луи, никогда не возражавший другу, не выдержал:

— Черт побери! — вскричал он. — Чем ты недоволен, Пьер? Нечего скромничать! Ведь ты сбил их со следа.

Пьер покачал головой.

— Ей-богу, он меня с ума сведет! Судите сами, правду ли я говорю... — обратился Луи к девушкам.

— Не надо ничего объяснять, — перебила его Лизбет. — Я верю вам на слово!

— Спасибо! Но выслушайте все же меня и тогда скажете, есть ли у Пьера хоть малейший повод для беспокойства.

— Говорите! Мы готовы выслушать вас!

— Ну как, скажите на милость, врагам напасть теперь на наш след!

— Луи, вы просто ребенок! — пробормотал Пьер.

— Я вас призываю в свидетели, — обратился Луи к девушкам, — чего мы должны опасаться? Пока мы скачем

в Калифорнию, Джое Смит и еще несколько наших друзей увлекают мормонов совсем в другую сторону.

— Допустим! Что дальше?

— Перико оставил их позади себя почти у границы Техаса. Они совершенно не знают, за кем раньше гнаться.

— А за нами разве гонятся? — замирая от страха, спросила Жанна.

— Видимо, гонятся, раз Пьер утверждает.

— Гонятся, — сказал Пьер. — К тому же с примерным упорством.

— Положим, что так. Кто может за нами гнаться? Мормоны? Но Джое Смит взял их на себя. Краснокожие больше не сунутся. Их проучили. Остаются какие-нибудь бродяги.

— Как бы не так! — насмешливо произнес Пьер.

— И мы их легко одолеем.

— Будем надеяться.

— Уж не станешь ли ты отрицать, что позиция наша основательно укреплена и вполне надежна?

— Нет, не стану... Но осторожность никогда не помешает.

— Мы достаточно осторожны. И повода для опасений я не вижу.

— Благодарю тебя, — сказал Пьер, выслушав друга, — и милых девушек тоже, за то, что они в главном не упрекают меня. Ведь я не отыскал еще господина Дюфальга.

— Увы! — прошептала Жанна. — Наша судьба в руках Божьих. Он один в силах спасти нас!

Она опустила голову.

Неожиданно Пьер вздрогнул и знаком велел всем молчать, в глазах его сверкнул огонек. Он услышал легкий шорох, подобный шелесту ветра в листве, лег на землю и весь обратился в слух.

Все переглядывались с беспокойством.

Шорох повторился. Но, кроме Пьера, никто ничего не слышал.

Пьер просиял и вскочил на ноги.

— Сюда! — крикнул он громко.

Бродяги поспешили на зов.

— Можете вы пойти со мной на рекогносцировку? — спросил Пьер. — Или очень устали?

Бродяги пренебрежительно пожали плечами.

— Вы шутите, мэтр Пьер, — ответил за всех Гэри Колт.

— Хорошо! Тогда ты, Гэри, Сэм, Джомда, Герман, Польски, Хозе, Леруа, Ружэ, Сандоваль, берите винтовки и идите за мной! Немедленно!

Бродяги, которых назвал Пьер, пошли за оружием, весело потирая руки, в то время как остальные разошлись, понутив головы.

— Ага! — пробормотал Пьер, затягивая пояс и постукивая занемевшими от сидения ногами о землю. — Кажется, мне скоро не в чем будет упрекнуть себя.

— Что происходит? — спросил Луи.

— Пока ничего не скажу! Передаю тебе командование станом. Если дважды услышишь крик, похожий на лай шакала, знай, что мне нужно подкрепление. Пришлешь человек десять, не больше. У тебя останется еще двенадцать. Этого больше чем достаточно для защиты стана даже от целого войска, если учесть неприступность наших позиций. Понял? Могу я рассчитывать на тебя?

— Еще бы, черт возьми! Но скажи хотя бы, что тебя так обрадовало?

— Не скажу. Чтобы напрасно не будоражить бедных девушек. Ну, я пошел. Вернусь через час, не позднее!

Смельчаки-бродяги уже ждали Пьера, держа ружья у ног.

— Слушайте меня, друзья, — сказал Пьер. — Мы отправимся в индейскую экспедицию. Вы должны мне беспрекословно повиноваться. Речь идет о жизни и смерти. Итак, в путь!

Бродяги молча, с мрачным видом, спустились с крутояра, следуя за своим командиром.

Надо побывать в обширных американских степях, жить, как краснокожие или как охотники, чтобы представить себе, что значит ночью идти по саванне и что такое индейская экспедиция. Французские зуавы и африканские егеря, смелые и ловкие, привыкшие к коварству арабов, не сделали бы и несколько шагов по следам индейцев, как были бы схвачены и уничтожены все до последнего. Храбрость и дисциплина не нужны в войне хитростей.

Дикие обитатели этих стран наделены инстинктом и свойствами зверей, которым стараются подражать, составляя в хитрости и коварстве.

Громадный девственный лес, простиравшийся далеко на запад, смыкался с лесом на крутояре, где на самом

верху расположились Пьер и его товарищи. Равнина на другом берегу — поросшая густой высокой травой — была совершенно открытой, там виднелись лишь отдельные группы деревьев.

Пьер забросил на ближайшее дерево веревку с петлей на конце, вскочил на ветку потолще и, ухватившись за нее, исчез в листве.

Товарищи последовали его примеру, перескакивая с ветки на ветку и не производя при этом ни малейшего шума. Они двигались по этому опасному пути в ночной темноте смело и уверенно, хотя в любой момент могли сорваться с высоты в восемьдесят с лишним футов.

Изредка смельчаки останавливались, с любопытством глядя в зияющую под ними пропасть, и снова продолжали свой путь.

Через два часа, которые прошли в полном молчании, путники увидели довольно широкий залив. Пьер жестом велел всем остановиться, а сам продолжал двигаться с величайшей осторожностью, преодолевая почти непреодолимые препятствия. Вдруг он радостно вскрикнул, заметив стоявшие на краю бездны два исполинских дерева, увитые лианами. Цепкие стебли лиан переплелись, образуя над водой изогнутый аркой зеленый мост.

Мост был очень красив, но непрочен. Однако выбора не было.

Ни минуты не колеблясь, Пьер остановился и дважды свистнул, подражая шипению коралловой змеи, и его маленький отряд снова двинулся в путь, вскоре догнав командира.

Не произнося ни слова, Пьер указал на воздушный мост, волей случая переброшенный через пропасть, и первый бросился вперед. Его товарищи замерли в страхе за командира, совершенно забыв о грозящей им самой опасности.

Но Пьер рисковал больше всех, потому что шел первым. Если лианы не выдержат тяжести его тела, гибель неизбежна и никакая сила его не спасет.

Итак, одним прыжком Пьер очутился на середине моста. Но стоило ему сделать шаг, другой, как мост прогнулся, и между лианами в некоторых местах появились просветы.

Момент был критический.

Смельчаки, затаив дыхание, следили за своим командиром.

Вдруг он исчез. Наступила тишина, не нарушаемая даже шорохом.

Объятые ужасом, товарищи Пьера уже считали его погибшим, когда услышали резкий свист. Смельчаки едва удержались, чтобы не крикнуть «ура», и один за другим смело перебрались через мост.

Ни у кого не закружилась голова, не помутилось в глазах, не дрогнула рука.

Пьер знал, кого выбирать себе в спутники.

— Внимание, друзья, — шепнул он, — через пять минут мы будем у цели.

И в самом деле. Через несколько минут смельчаки увидели внизу двух человек. Они сидели у костра и спокойно беседовали.

Это были Гастон Дюфальга и Желтая птица.

Желтая птица освобождает пленников

Вернемся теперь к капитану Гастону и Желтой птице. Они покинули бивак и направились к деревне, где главной достопримечательностью была гостиница «Вашингтон», принадлежавшая толстяку мистеру Строгу и его несравненной супруге.

Путь был неблизкий, к тому же кишел шпионами, и добрались они до деревни лишь к десяти часам вечера. На расстоянии ружейного выстрела от деревни Желтая птица свернул влево, и они подъехали к брошенной, почти развалившейся хижине, окруженной живой изгородью. Всадники спешили, и Желтая птица сказал:

— Я пойду на разведку, а вы покормите пока лошадей, только старайтесь, чтобы вас никто не заметил. Помните! Нас окружают враги. Я скоро вернусь. Что бы ни случилось, не трогайтесь с места, иначе я не поручусь за вашу жизнь.

— Можете не сомневаться в моей осторожности, — сказал молодой человек. — Но возвращайтесь скорее. И с добрыми вестями.

— Хочу в это верить. Только нечистая сила может мне помешать принести добрые вести. До свидания!

Охотник взял на плечо винтовку, закурил трубку и небрежной походкой направился к деревне.

Он уже был у цели, когда вдруг услышал топот копыт.

Едва он успел спрятаться за кусты, как из деревни показался отряд всадников и пронесся мимо него с такой быстротой, что невозможно было рассмотреть лица.

— Что бы это могло значить? — пробормотал охотник,

поднимаясь на ноги. — Все равно надо идти, хоть что-нибудь разузнаю. Так мчатся могут люди, совершившие преступление, либо спешащие на доброе дело.

В деревне, когда охотник вошел, было темно и пустынно.

— Что же здесь происходит? — с беспокойством подумал Желтая птица.

Он дошел до гостиницы, там тоже стояла тишина.

«Странно! Мистер Строг никогда не закрывает так рано свое заведение. Поглядим-ка, в чем тут дело.»

Он внимательно присмотрелся и заметил, что дверь не заперта, к ней только привалены камни.

Любопытство и беспокойство его усилились. Охотник отодвинул камни и вошел в дом.

— Вот тебе на! Темно, хоть глаз выколи! Так никогда не бывало в гостинице.

Охотник пошарил в сумке, достал спичку и зажег. И глазам его представилась ужасная картина.

Мебель была сломана или перевернута. На столе извивались, словно змеи, четверо связанных с кляпами во рту.

Охотник поднял с пола подсвечник, зажег свечу.

Первое, что он сделал, — освободил от веревок четырех пленных и вынул у них изо рта кляпы. Несчастные едва не задохнулись.

Охотник привел их в чувство, плеснув в лицо целое ведро воды. Все четверо мигом вскочили на ноги.

Начались объяснения. Мистер Строг охотно рассказал все до мельчайших подробностей, разумеется, приписав себе самую выгодную роль.

Не без тайного удовольствия услышал охотник о том, что девушек освободили неизвестные ему молодые люди.

— Видимо, это они и промчались мимо меня, — сказал Желтая птица. — Летели, как вихрь.

— Скорее всего, так и есть: они усаkali с полчаса назад, — ответил мистер Строг, потирая бока.

— А где мистрис Строг? Не случилось ли с нею беды?

— Боже мой! Чуть не забыл о ней! Совсем из ума выжил. Представляю, как она там бесится! — И мистер Строг побежал вон из залы.

Вскоре он появился в сопровождении своей дражайшей супруги. Она и в самом деле была взбешена: выпучив глаза и очаянно жестикулируя, мистрис Строг ругала на чем свет стоит своих обидчиков, грозя им всякими карами.

Напрасно муж и Желтая птица старались ее успокоить, она слышать ничего не хотела.

Вдруг онахватила себя кулаком по лбу.

— Знаю, как отомстить этим негодяям!

— Что вы собираетесь сделать? — спросил охотник встревоженно, зная, что эта ведьма способна на все.

— Менее чем в двух милях отсюда, у озера, стоят наши люди... Если они захватят разбойников, расправа будет коротка!

— Я сейчас же пойду к ним, — с готовностью произнес Желтая птица.

— Оставайтесь на месте, — приказала мегера. — Я сама это сделаю. Никому не доверю, — мегера ухмыльнулась. — Ну, шевелитесь же, мистер Строг, старая мумия. Вы, кажется, равнодушны к тому, что вашу жену так унизили!

Хозяин долго не соглашался выполнить требование супруги, но пришлось ему в конце концов повиноваться. Он приказал слугам оседлать двух лошадей, чтобы вместе с несравненной мистрис Строг отправиться в стан мормонов.

— Раз я вам больше не нужен, позвольте мне уйти, — сказал охотник. — Рад был оказать вам услугу. Дайте мне фунт пороху, мистер Строг, и поскорее, пожалуйста.

— Вот, извольте, самого лучшего сорта.

— Благодарю. Сколько я вам должен?

— Ничего, — великодушно ответил хозяин. — Неужели вы считаете меня таким неблагодарным? Позвольте сделать вам этот подарок за услугу, которую вы оказали мне... Я хотел сказать моей супруге...

— Что же, в порядке исключения придется принять, — сказал, смеясь, охотник. — А теперь мне пора возвращаться к своему костру. Прощайте.

— Погодите, прежде выпьем по стакану виски, чтоб моя благодарность не показалась сухой.

— Еще и виски! Вы чересчур щедры, мистер Строг. Ваша супруга рассердится.

Хозяин поднес охотнику виски, они чокнулись, выпили, пожали друг другу руки, и охотник вышел, но не ушел, а притаился в нескольких шагах от дома, чтобы удостовериться, действительно ли мистрис Строг осуществит свое намерение.

Вскоре на этот счет у него уже не оставалось ни малей-

ших сомнений. Мистрис Струг и ее супруг появились на двух отличных мустангах и поехали рысью вперед.

— Доброго пути! — посмеиваясь, прошептал охотник и направился к хижине, где оставил своего спутника.

— Ну что? — вскричал молодой человек, едва завидев охотника.

— Все в порядке, капитан, — спокойно ответил охотник.

— Расскажите же мне! Я умираю от беспокойства. Скорей, ради Бога!

— Много рассказывать не придется. Девушек похитили с час назад... гостиницу взяли силой, хозяина связали и...

— Как похитили? — вскричал Гастон, вскочив на ноги.

— Я хотел сказать «освободили».

— Кто освободил?

— Наши друзья. Все хорошо, успокойтесь.

— Ни слова не понимаю из того, что вы толкуете. Вы словно насмехаетесь над моим горем, Желтая птица!

— Простите, капитан, я грубое животное! Принимайте меня таким, как я есть. Главное, я вам предан. В этом можете не сомневаться. Дело в том, что, когда я голоден, толку от меня никакого. И уж тогда ни чужих забот, ни чужого горя я не способен понять.

— А я и забыл, что вы ничего не ели. Ладно, поговорим за едой. — Гастон с улыбкой протянул охотнику руку.

— Я все готовлю... Главное, девушки у хороших людей.

— Если бы можно было развести огонь, быстро приготовить ужин, вы мне все объяснили бы, друг мой.

— А почему бы нам не развести огонь? Мы здесь пока в безопасности, наши враги далеко. Надеюсь, они не вернутся, пока я не поем.

Когда ужин был готов, охотник все подробно рассказал молодому человеку, с жадностью поглощая еду. Гастон слушал его с нескрываемым изумлением.

— Что это вы все толкуете про двух молодых девушек?

— Именно про двух. Помните сироту, она воспитывалась в одном монастыре с вашей невестой?

— Помню. Жанна взяла ее потом к себе и любила как сестру. Бедное дитя! Она так прекрасна и так добра! С нею, кажется, что-то случилось?

— Ничего не случилось. Она не расставалась со своей подругой... вот и все.

— А их не разлучили?

— Нет, сударь мой! Это вас успокаивает, не правда ли?

— А! Теперь я понял!

— Что поняли, капитан? Ну-ка посмотрим. — Охотник опрокинул целый стакан водки.

— Лизбет... Так, кажется, ее звали?

— Ее и теперь так зовут, — заметил охотник. — Имени она не меняла. К чему?

— Допустим. Итак, Лизбет любил честный и храбрый моряк коммерческого флота, большой друг нашего семейства. Полагаю, он один из тех, кто спас девушек...

— Вы близки к истине, капитан.

— Да, он счастливее меня, этот милый Луи...

— Это благодаря девушке. Не стану скрывать, вы сами почти обо всем догадались. Как велика, однако, сила любви!

Каким-то образом девушке удалось сообщить моряку о том, что ее с подружкой похитили. А он не терял времени.

— Вот почему Луи взял с меня клятву ждать полгода! — вскричал молодой человек вне себя от радости.

— Совершенно верно! Скоро, капитан, вы увидите свою Жанну!

— Да услышит вас небо, мой честный друг! Но где они сейчас? Вам это известно?

— Нет, неизвестно. Но я их найду, не сомневайтесь. В степи все на виду. Тем более хорошенькие женщины. Сейчас одиннадцать часов. Поспим до двух, а как только взойдет луна, отправимся в путь. К тому времени лошади отдохнут. Таким образом, за ночь мы проедем значительный отрезок пути.

Несмотря на свое нетерпение, капитан согласился. Предложение охотника было вполне разумным, к тому же капитан знал, что Желтая птица зря времени терять не станет.

Отдохнув хорошенько, путники встали, оседлали лошадей и поскакали во весь опор. Благо, багаж у них был нетяжелый. В случае нужды его вообще можно было бросить.

Путники выехали из деревни той же дорогой, какой приехали. Никто не встретился им, ничего примечательного с ними не случилось, хотя следы попадались самые разные.

На второй день к вечеру, перед самым закатом, Жел-

тая птица остановился у громадного, одиноко стоявшего дерева. Спешился, осмотрел его и позвал капитана.

— Взгляните, — сказал охотник, указав на всаженные в ствол треугольником пули.

От верхнего угла шли две вертикальные линии. Это был условный знак, понятный одному охотнику.

— Что это значит? — спросил капитан.

— Это значит, что наши друзья недалеко, — ответил охотник.

— Как вы это узнали?

— Мы ехали по их следу, ни на шаг не отклоняясь в сторону.

— Вы уверены?

— Еще бы! Если не случится чего-либо непредвиденного, мы догоним их нынче же вечером.

— Боюсь вам поверить!

— Хороша похвала, капитан, — проворчал Желтая птица.

— Не сердитесь, друг мой, — промолвил молодой человек, устыдившись. — Если все кончится благополучно, я вам буду обязан таким большим счастьем, что даже не знаю, чем смогу отблагодарить.

— Ладно, ладно! Я делаю, что могу! Если вы полагаете, что я сам не заинтересован в успехе нашего дела, то ошибаетесь, капитан. А пока я требую от вас одного...

— Чего именно? — перебил Гастон.

— Чтобы вы верили человеку, который никогда не обманывает друзей, а врага надуть сам Бог велит.

— Я верю вам, приятель.

— Тогда в путь!

— В путь!

Они вскочили на лошадей и поскакали.

Случай оказывается мудрее доктора Фрэнсиса де Вердьера

Вы уже знаете, читатель, что доктор Фрэнсис де Вердьер поскакал следом за Желтой птицей и Гастоном Дюфальга.

Но он потерял много времени.

Надо было свернуть палатку, навьючить лошадь, а она как нарочно убежала в степь и пришлось ловить ее арканом.

Как доктор ни спешил, выехать ему удалось только в шесть часов вечера.

В долине, милях в двух от бивака мормонов, его дождался отряд человек в тридцать. Место это выбрал покойный Густон, поверенный в делах доктора и его агент у мормонов, чтобы прямо оттуда без боя отправить похищенных девушек в Дезерет или Фильмор.

Выше уже говорилось, что Соединенные Штаты послали войско против мормонов, и по донесениям шпионов оно быстро приближалось к владениям Святых последнего дня. Именно поэтому мормоны старались избегать излишних осложнений, тем более из-за такого пустяка, как похищение девушек.

Только к полуночи доктор достиг стана мормонов, охраняемого его сообщниками или союзниками, как будет угодно читателю.

Мормоны были настоящими фанатиками, о чем говорит их суровая внешность. В зависимости от обстоятельств они могли стать либо благородными мучениками, либо тяжкими преступниками, защитниками великой идеи или вершителями низкой мести.

Даниты — самые знаменитые среди Святых последнего дня — встретили доктора сдержанно. Большинству из них было известно только его имя, но и это пошло ему лишь во вред.

Мормоны считали французов самым легкомысленным народом в мире.

Но Вердьер обладал редкой способностью приспосабливаться к любым обстоятельствам, разыгрывать любую роль. Поэтому нескольких слов ему оказалось достаточно, чтобы завоевать симпатии данитов.

Доктор, не задумываясь, объявил себя заклятым врагом язычников, несчастных безумцев, обойденных священным светом, озарившим сперва Джое Смита, а затем Бригама Юнга.

Созвали совет главных данитов, председательствовал сам доктор.

Обсуждали, какие следует принять меры в связи с разыгравшимися в тот день событиями: убийством Густона, похищением у него важных бумаг, бегством Дюфальга с проводником. Ведь все это могло помешать успеху затеянного дела или уж, во всяком случае, отдалить его на неопределенный срок.

Обсуждали долго и горячо. Американцы — большие охотники поговорить и всегда в восторге от собственных разглагольствований. Причем говорить они могут о чем угодно.

Впрочем, в этом им не уступают англосаксы.

А о мормонах и говорить нечего. Больших болтунов на свете не сыщешь.

Доктору они изрядно надоели, но он вынужден был слушать их бесконечные речи. Время от времени он даже кивал головой, будто в знак одобрения. Одному Богу известно, какой это было для него пыткой.

Наконец, совет кончился. Решено было во что бы то ни стало отыскать девушек и отвезти их в Дезерет или Фильмор. А уж там следы их навсегда исчезнут.

Что же до Дюфальга и Желтой птицы, то их искать никто не собирался, слишком много потребовалось бы для этого времени. Рано или поздно они сами попадутся.

При всей ненависти Вердьера к сопернику, он не протестовал, сознавая разумность такого решения.

Итак, мормоны оседлали лошадей, осмотрели оружие и вскочили на лошадей.

Доктор возглавил отряд и только было хотел отдать приказ трогаться в путь, как несколько данитов привели захваченных в плен мужчину и женщину.

Это были мистер Строг и его дражайшая половина, как ни в чем не бывало курившая свою трубку.

Все знали эту супружескую чету и были удивлены их неожиданным появлением, да еще в такой поздний час.

Доктор приказал всем спешиться, вернулся к стоянке и велел привести пленников. Он распорядился тотчас освободить их, обходиться с ними почтительно, но глаз не спускать.

Мистер Строг рассказал со всеми подробностями о том, что случилось в гостинице. Будто гром грянул среди ясного неба. Он поразил не только доктора, но и данитов, которые словно оцепенели.

Имя Короля золотых приисков, наводящее ужас, передавалось от одного к другому.

Доктор внимательно слушал бесконечные объяснения мистрис Строг, и, когда, наконец, она умолкла, чтобы раскурить трубку, сказал:

— Значит, вы были связаны и с кляпом во рту?

— Как же, и самым оскорбительным образом! — вскричала мегера с яростью. — Будто собака!

— Кто же освободил вас, сестра? Ведь не могли же вы сами разорвать веревки?

— Кто? Мой уважаемый брат! Достойнейший человек! Сам Бог послал его мне. Вечно буду ему благодарна, все сделаю, чего бы он ни потребовал!

— Кто же он, этот добрый человек?

— Бедный охотник. Честный канадец, хотя и язычник, не озаренный светом истины.

— Канадец! — вскричал Вердьер, невольно вздрогнув. — А имя его вы знаете?

— Мне ли не знать! Его прозвали Желтой птицей.

— Желтой птицей! — воскликнул доктор. — Теперь все ясно. Мы обмануты. Негодяи сговорились! Дон Педро, Король золотых приисков, в их руках только оружие. О! Я дал бы тысячу долларов, чтобы встретиться с этим знаменитым золотоискателем!

Хозяин с женой переглянулись.

— Вы сказали тысячу долларов, любезный брат? Я не ослышался? — шепотом спросил мистер Строг.

— Да, тысячу долларов, и могу повторить свои слова!

— Если мистрис Лау не против, я могу сообщить вам нужные сведения.

— Говорите, говорите, мой дорогой! Я не стану мешать вам!

Доктор достал из кармана кошелек, набитый золотом, и бросил мистеру Строгу, который налету подхватил его и с ловкостью фокусника сунул в свой глубокий карман.

— Я жду! — сказал доктор.

— Король золотых приисков велел своим рудокопам ждать его у бухты, на левом берегу реки, за десять миль от крутояра Пало Кемада.

— Да-да, знаю это место.

— Там дон Педро обычно делает остановку, когда направляется в Калифорнию, чтобы не подвергнуться нападению бродяг. Положитесь на меня, сеньор!

— Видимо, так оно и есть, — промолвил доктор. — По коням! — скомандовал он и обратился к мистеру и мистрис Строг: — Вы последуете за нами.

— Однако я полагал... — робко возразил было мистер Строг.

— Я полагаю, — насмешливо перебил его Вердьер, — что купил ваше повиновение.

— Но если Король золотых приисков узнает... — начала мистрис Строг.

— Ни слова больше! Вы следуете за нами! — произнес Вердьер.

Пришлось супругам повиноваться.

Даниты вскочили на лошадей, и отряд тронулся с места.

Путь был долгим, а остановки короткими, лишь для того чтобы дать отдых лошадям.

Напрасно супруги вопили и стонали. Их заставляли идти за отрядом.

Через два дня, утром, в десятом часу, впереди появился ярко пылавший костер. Мормоны вскрикнули от радости. Это был крутояр Пало Кемада, где расположились золотоискатели.

Мормоны спешили. Несколько человек доктор оставил караулить лошадей, а остальным велел идти в наступление.

— Теперь они в наших руках, — сказал он.

— Вперед!

Даниты двинулись, прячась в высокой траве.

Здесь сходятся все следы

Между тем в стане золотоискателей, покинутом на время Королем золотых приисков, царило беспокойство.

Луи, не привыкший к жизни в пустыне, тяготился свалившейся на него ответственностью и в душе сетовал на друга. Однако виду не подавал.

Болтал как ни в чем не бывало, шутил и смеялся с девушками, за которых готов был отдать жизнь.

А девушкам и в голову не приходило, какая надвигается на них опасность.

Остальные члены отряда были все время начеку, понимая, что Луи, при всей его храбрости, не может заменить Пьера.

— Уже два часа, как ушел мэтр Пьер, — сказала Жанна. — теперь он, наверное, скоро вернется.

— Как знать! — пробормотал Луи, украдкой бросив на Лизбет печальный взгляд. Лизбет это заметила и весело сказала:

— Не хотите ли, любезный Луи, оказать нам с Жанной услугу?

— Услугу? Моя возлюбленная Лизбет! — с жаром вскричал молодой человек. — Да я жизнь готов за вас отдать!

— Мы не так требовательны, — продолжала Лизбет с пленительной улыбкой. — Мы, конечно, робки и боязливы, как и все женщины, но когда речь заходит о чести и счастье всей жизни, женщина порой бывает отважнее мужчины. Вы поняли меня, дорогой мой Луи?

— Нет, Лизбет, дорогая, не понял. Объясните, что вы хотели сказать.

— А вот что, — ласково ответила девушка. — Мэтр

Пьер ушел, взяв с собой несколько человек. Джое Смит тоже увел человек двенадцать или четырнадцать. В стане осталось не больше пятнадцати. Верно?

— Приблизительно так. И все же...

— Не перебивайте меня, — сказала Лизбет. — Представьте себе, что на нас нападут, хотя это и маловероятно.

— Разумеется. Но если такое случится, мы будем защищаться, как львы. Будто нас не пятнадцать, а целая сотня!

— Не сомневаюсь, мой друг... но...

— Мы все до единого будем сражаться за вас не на жизнь, а на смерть.

— Итак, защищать вы будете главным образом нас. Ну же... отвечайте... и не отводите глаза!

— Я не... само собой, дорогая Лизбет, но...

— Вы не знаете, что ответить, значит, я права!

— В общем, — вмешалась тут Жанна, — мы требуем, чтобы в случае нападения вы позволили нам самим защищаться! Требуем! Слышите, Луи?

— Помилуйте! — вскрикнул Луи, сдерживая смех.

— Мы и спрашивать вас не будем, — заявила Лизбет. — Вооружимся и все!

С этими словами она взяла две винтовки и два револьвера, лежавшие рядом с Луи.

Одну винтовку и револьвер передала Жанне.

Молодой человек сразу понял, что девушки не хуже его самого осознают опасность своего положения.

Они слушали его болтовню и шутки, понимая в то же время, что в любую минуту могут попасть в руки краснокожих, или, что еще страшнее, — мормонов.

Они и в самом деле не уступали смелостью мужчинам, вызывая восхищение всех членов отряда и вдохновляя их на подвиг.

Луи все же попытался урезонить девушек:

— Дорогие мои, оружие — вещь опасная, — говорил он, — вы можете поранить себя. Позвольте же нам, мужчинам, вас защитить, если это будет необходимо. Умоляю вас!

Жанна гордо выпрямилась и упрямо мотнула головой. Лизбет сердито крикнула:

— Луи!

— Что, моя возлюбленная Лизбет?

— Вы просто трус.

— Покорно благодарю, — ответил он, смеясь.

Бродяги, услышав это, расхохотались.

Лизбет ничуть не смутилась.

— Вы можете спрятаться, сударь, и тем оправдать оказанное вам мэтром Пьером доверие. Но мы с Жанной твердо решили не падать в обморок при первом же выстреле.

— Лизбет, позвольте мне... — начал было молодой человек.

— Ничего не позволю... Вы не должны нам мешать! Оружие мы все равно вам не отдадим! У вас своего достаточно! А стрелять мы умеем не хуже вас!

— Не сомневаюсь, — ответил Луи, сдержав улыбку, чтобы еще больше не рассердить Лизбет.

— Вот и прекрасно!

— Но обещайте мне, если на нас нападут, что не броситесь вперед, прямо под пули...

— Ничего не обещаю.

— Я за нее обещаю, — решительно заявила Жанна. — Оружие нужно нам для того, чтобы мы сами могли распоряжаться своей жизнью!

— Совершенно верно! — подтвердила Лизбет. — Мы лучше умрем, чем снова окажемся в руках презренных разбойников.

— Ну, до этого дело не дойдет! — шутливым тоном сказал Луи, со все возрастающим беспокойством ожидавший возвращения Короля золотых приисков. — Уверен, что враг не напал на наш след... И...

Со стороны реки донесся крик, похожий на лай шакала. Все вмиг вскочили на ноги.

Луи стал прислушиваться, жестом приказав всем молчать.

Крик повторился.

— Поглядите, что там внизу? Живо! — распорядился Луи.

Несколько человек бросились выполнять его приказание.

— Отвечайте на сигнал. — И это было исполнено.

Сам же Луи стал осторожно спускать вниз веревку.

Остальные изо всех сил держали ее.

Кто-то поднимался вверх, и минуты через две все увидели Джое Смита.

— Вернулся мэтр Пьер? — спросил он, подходя к Луи.

— Пока не вернулся, — ответил Луи.

— Где он? Можете вы это хотя бы предположить?

— Нет, не могу.

— Давно он ушел?

— Часа два с лишним назад.

— Кто здесь командует? Вы, месье Луи?

— Я.

— Даниты в полумиле отсюда. Я выследил их. Ползут гуськом, как индейцы. Их много, не пройдет и получаса, как вы окажетесь в осаде. Сколько вас?

-- Пятнадцать.

— Позиция надежная, вы можете долго держаться. Подпустите их поближе, чтобы стрелять без промаха.

— Разве вы не останетесь с нами?

— Нет, хочу этих негодяев перехитрить. Есть у вас ракеты?

— Есть, можете взять.

— Если увидите, что враг вас одолевает, пустите ракету, когда же увидите, что я выпустил две ракеты, смело бросайтесь вперед и ударьте по врагу. Решено?

— Можете положиться на нас.

— А вы — на меня. Прощайте!

Джое Смит снова спустился вниз по веревке.

Луи словно подменили. Близкая опасность вытеснила из его сердца всякий страх. Как военный, он привык к сражениям. К тому же теперь у него появился в степи союзник — Джое Смит. В общем, положение представлялось Луи скорее хорошим, чем плохим, и он стал готовиться к схватке с врагом спокойно, с веселой беспечностью, присущей морякам в минуту опасности.

Огни были погашены, заграждения укреплены, и смельчаки залегли за ними с оружием наготове. Тучи вдруг рассеялись, небо вызвездило, и суеверные смельчаки приняли это за добрый знак.

Девушки, наперекор воле Луи, взяли на себя роль его адъютантов, чем вызвали восхищение всех членов отряда. И те поклялись, что скорее умрут, чем отступят хотя бы на шаг.

Напрасно Луи умолял девушек уйти в шалаш.

— Я ваша невеста, — возражала Лизбет, — и хочу быть достойной вас.

— А я, — кротко заявила Жанна, — хочу, чтобы Гастон, когда прибудет в стан, увидел меня первую.

Луи нечего было на это ответить, и он, в душе восхи-

щаяся их смелостью, поклялся себе всячески их оберегать от опасности.

Вдруг смельчаки заметили в высокой траве на берегу какое-то движение, и Луи дал команду стрелять.

Восемь выстрелов грянули одновременно. Среди дани-тов, рассчитывающих застать неприятеля врасплох, произошло замешательство. Но отступить они не собирались. Поднялись на ноги и с победными криками бросились на заграждения. Смельчаки-золотоискатели снова зарядили винтовки, дали залп и рассеяли неприятеля. На земле осталось много убитых и тяжело раненых.

Скоро, однако, даниты снова завязали перестрелку, перебегая от дерева к дереву, чтобы не стать прямой мишенью для противника.

Смельчаки по приказу Луи стреляли не торопясь, без промахов, стараясь не вылезать из укрытий, однако раненые уже были.

А даниты все наступали и наступали. Едва ли двадцать шагов отделяло их от заграждений, схватка была неминуема.

Луи уже хотел дать сигнал о помощи, когда вдруг взвились в воздухе две ракеты и донеслись душераздирающие крики.

Даниты оказались зажатыми с двух сторон и бросились на заграждения. Несмотря на отчаянное сопротивление смельчаков-золотоискателей, они ворвались в укрепление и завязался бой не на жизнь, а на смерть.

У Вердьера, возглавлявшего отряд мормонов, вырвался радостный крик. Он увидел девушек и кинулся к ним. Понимая, что бегство невозможно, девушки обнялись, решив умереть.

Внезапно доктор с криком упал на одно колено, пуля раздробила ему ногу. Три человека, точнее, три демона, черные от пороха, бросились на Вердьера, Это были Гастон, Пьер и Желтая птица.

Девушек на руках отнесли в шалаш, у входа встали Гастон и Луи с револьверами наготове, уверенные в победе.

Желтая птица наклонился над доктором, собираясь его связать. Доктор был почти без сознания и как-то странно смотрел на канадца.

— Вы хотите, чтобы вас повесили, словно паршивую собаку, или предпочитаете умереть, как солдат? — шепотом спросил Желтая птица.

Вердьер приподнялся.

— Я хочу умереть отмщенный, — ответил он, напрягшись. Схватил пистолет и, крикнув: «Вот тебе, негодяй!», выстрелил.

Канадец ждал этого и вовремя отскочил в сторону, пуля пролетела мимо, лишь слегка задев руку.

— А я еще хотел спасти его от позорной смерти, — презрительно произнес канадец.

И, оставив доктора, охотник присоединился к товарищам, которые успешно вели бой с врагом.

Даниты ни за что не хотели сдаваться, и сражение кончилось страшной резней. Даниты умирали без единого стоны, как настоящие фанатики. Они дорого продали свою жизнь. Больше половины золотоискателей пало в этой безумной борьбе.

Джое Смит уничтожил мормонов, оставленных сторожить лошадей. Он изрубил их без всякой пощады. Ни одного мормона не осталось в живых. Зато мистер Строг и его дражайшая половина не остались в накладе. Не замеченные ни одной, ни другой стороной, они сняли все, что могли, с убитых и скрылись. Правда, в суматохе мистрис Строг потеряла свою любимую трубку.

Через неделю золотоискатели во главе с Пьером и все их друзья приближались к Сан-Франциско.

— Я сдержал свое обещание, — сказал Пьер, обращаясь к Луи. — Вы и ваш друг теперь свободны и счастливы. А я уезжаю.

Все стали умолять Пьера остаться. Но Король золотых приисков твердо стоял на своем.

— Неужели вы не опасаетесь мести мормонов? — спросила Жанна. — Мы не простим себе, если с вами случится несчастье. Последуйте же за нашими друзьями, мэтр Пьер!

— Нет, — возразил Король золотых приисков. — Они не посмеют. Отпустите же меня! Я не могу жить без пустыни. Не могу оставить мое королевство и подданных! Здесь я — король! — добавил он с улыбкой. — Последуй я за вами, вам, пожалуй, скоро надоел бы низвергнутый король. Кто знает, не стал ли бы я сетовать на вас за то, что вы оторвали меня от жизни, полной приключений, от величия природы, от всего, что делает человека добрым? Прощайте, друзья мои, вам суждено жить в городах. Будьте счастливы и вспоминайте иногда золотоискателя, который всегда будет питать к вам добрые чувства.

Вместе с Пьером ушли Желтая птица и смельчаки-золотоискатели.

На другой день после отплытия молодых людей во Францию доктора Фрэнсиса де Вердьера нашли задушенным в темнице, куда его бросили по распоряжению французского консула.

Так никто и не узнал, была ли его смерть самоубийством.

В Сан-Франциско эта история известна всем.

Мы изменили только имена и хронологию.

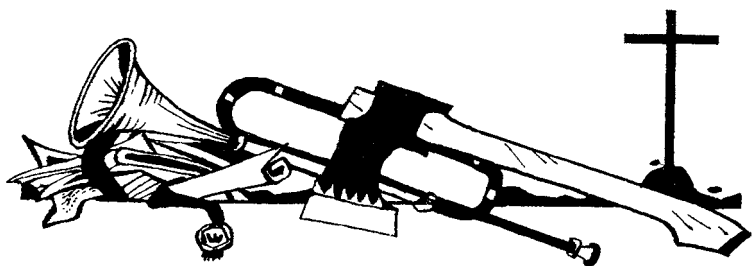
Главные герои этого романа живут теперь во Франции и наслаждаются счастьем.

Если когда-нибудь эта книга попадет им на глаза, они непременно узнают себя и улыбнутся, вспомнив о перенесенных страданиях. И станут еще больше ценить свое счастье.

Мексиканские ночи

ГЛАВА I

Лас Кумбрес

Ни в одной стране мира путешественник не встретит таких очаровательных пейзажей, как в Мексике. И самый прекрасный из них Лас Кумбрес. Горные вершины поражают своим изяществом. Из ущелья, рассекающего эти вершины, извиваясь, словно змея, идет дорога в Лос-Анжелес, город Ангелов, в котором, согласно преданию, ангелы выстроили храм. Дорогу проложили испанцы. Неожиданные крутые повороты, скалистые обрывы с роскошной растительностью, тонущие в голубом тумане, придают ей особую красоту. Пейзаж все время меняется, по мере того как горы остаются позади, гордо подняв свои вершины.

2 июня 18... года, около четырех часов пополудни, когда солнце уже клонилось к горизонту, посылая на раскаленную землю последние косые лучи, а легкий ветерок принес прохладу, из банановой рощи выехали верхом два всадника. Неподалеку протекал ручей с прозрачной чистой водой.

Очарованные открывшимся видом, всадники остановили лошадей и долго любовались живописными отрогами гор. Потом спешились и сели у ручья.

Направлялись они, видимо, из Орисабы в Лос-Анжелес и уже были близки к цели. Одеты они было богато, как обычно одеваются владельцы латенд, и имели при себе целый арсенал оружия, поскольку во времена, о которых идет речь, на дорогах было небезопасно. Шестиствольные револьверы, превосходные двустволки из мастерских знаменитого парижского оружейника, словом, каждый из всадников мог произвести не менее двадцати шести вы-

стрелов. У левого бока — прямая сабля, за голенище правого сапога засунут нож с трехгранным лезвием, к седлу железным кольцом прикреплено кожаное лассо.

Если добавить к этому беспредельную храбрость, можно с уверенностью сказать, что им не страшен был даже численно превосходивший их враг.

Мужчин нисколько не страшило, что вокруг пустыня. Они беседовали, полулежа на зеленой траве, и с наслаждением курили настоящие гаванские сигары.

Старшему было лет сорок, но выглядел он гораздо моложе. Роста был чуть выше среднего и, несмотря на атлетическое сложение, казался очень изящным. Лицо, темное от загара, энергичное и в то же время одухотворенное, черные живые глаза лучились добротой, но когда загорались от гнева, метали молнии. Лоб высокий, чувственный рот. Борода густая, как у эфиопа, уже тронутая сединой. Роскошные и длинные, до плеч, волосы. Судя по наружности, это был человек решительный и смелый. Какой именно национальности, трудно определить, но наверняка южанин. Об этом свидетельствовали резкие движения, а также речь, образная и лаконичная.

Спутник его был гораздо моложе, лет двадцати пяти — двадцати восьми, высокого роста, худощавый, нежный, как девушка. Тонкая талия, небольшие руки и ноги говорили о его благородном происхождении. Тонкие черты лица и кроткое выражение, голубые глаза и белокурые волосы, а особенно белая кожа выдавали в нем европейца, недавно прибывшего в Америку.

Беседовали между собой путники по-французски, без всякого акцента, из чего можно заключить, что говорят они на родном языке.

— Ну, граф, — произнес старший, — не жалеете вы, что последовали моему совету и, вместо того чтобы трястись по отвратительным дорогам, согласились поехать верхом, в компании вашего покорного слуги?

— Черт побери! В этом случае я был бы чересчур привередлив, — ответил тот, что помоложе. — Я проехал Швейцарию, Италию, берега Рейна и, должен признаться, никогда не видел пейзажей очаровательнее тех, которыми благодаря вам вот уже несколько дней любуюсь.

— Вы тысячу раз правы! Пейзажи здесь и в самом деле прекрасные, особенно горные. Но я видел еще красивее! — со вздохом произнес первый путник.

— Красивее этих? — воскликнул граф, описав в воздухе полукруг. — Это невозможно, милостивый государь!

— Вы молоды, граф, — возразил первый путник с печальной улыбкой. — Ваши путешествия — детская забава, не более. В этих краях вы еще не бывали, вот и восхищаетесь. Вы изучали природу лишь по декорациям в театре и представляли, какой она может быть в действительности. Ваше восхищение вызвано без конца меняющимися видами. Но если бы вы, подобно мне, прошли саванны и бескрайние прерии, где живут люди, у которых цивилизация отняла все, вы лишь презрительно улыбались бы, глядя на всю эту красоту.

— Возможно, вы и правы, господин Оливье (так звали старшего путника), но, увы, я не знаю ни прерии, ни саванны и вряд ли когда-нибудь узнаю.

— Почему же? — возразил Оливье. — Вы молоды, богаты, сильны, свободны. Кто может помешать вашему путешествию в великие американские пустыни? И если вы его совершите, то вернувшись, сможете с гордостью о нем рассказывать.

— Охотно послушался бы вашего совета, — ответил граф с оттенком грусти, но, к несчастью, это невозможно, мое путешествие закончится в Мексике.

— В Мексике? — удивился Оливье.

— Увы, это так, милостивый государь. Я не принадлежу себе, потому что приехал сюда жениться, но не по своей воле.

— Жениться? В Мексике? Вы, граф? — еще больше удивился Оливье.

— Да-да, женюсь на девушке, которой совершенно не знаю и не имею к ней никаких чувств, как и она ко мне по той же причине. Она — моя родственница, мы были помолвлены еще в колыбели, и вот настал момент сдержать обещание, данное за нас нашими отцами.

— Надеюсь, эта юная особа — француженка?

— Ничуть не бывало. Не то испанка, не то мексиканка.

— Но вы сами француз, граф?

— Конечно, и притом из рода Дюреннов, — с улыбкой ответил граф.

— Как же так получилось, позвольте спросить?

— О! Все очень просто. История не длинная и, если вам интересно, я в двух словах расскажу. Я уже называл вам свое имя: Людовик Мария де ля Соль. Мой род —

один из древнейших. Он восходит к первым франкам: кто-то из моих предков, говорят, был вассалом короля Хлодвиг, и король даровал ему за верную службу обширные луга, окруженные ивами, поэтому мой род впоследствии и называли Соль, что значит ива. Я рассказал о своем происхождении не потому, что кичусь им, хотя род мой прославился боевыми подвигами, но я воспитан на либеральных идеях и понимаю, что в настоящее время титул и знатность не заменят истинного благородства. Но я должен вам все рассказать, чтобы вы поняли, откуда у нас в роду появились испанцы. Во времена Лиги испанцы, призванные сторонниками Гизов, с которыми они заключили союз против короля Генриха IV, в то время всего лишь короля Наварры, довольно долго держали в Париже гарнизон. Прошу прощения, дорогой Оливье, за подробности, которые могут показаться вам излишними.

— Что вы, граф, мне очень интересно, говорите, пожалуйста!

Молодой человек поклонился и продолжал:

— Граф де ля Соль был ярким сторонником Гизов и близким другом герцога Маенского. Он имел троих детей: двух сыновей, сражавшихся в рядах армии Лиги, и дочь, придворную даму при герцогине Монпасье, сестре герцога Маенского. Осада Парижа была возобновлена Генрихом IV. Герцог де Бриссак продал Париж. Многие офицеры герцога де Мендоса, в том числе и он сам, имели семьи. Старший сын моего прадеда влюбился в племянницу испанского генерала и женился на ней, а сестра его, по настоянию герцогини Монпасье, вышла замуж за одного из адъютантов генерала; искушенная в политике герцогиня надеялась таким образом оторвать французскую знать от того, кого называла Беарнцем и гугенотом, и не допустить его торжества. По крайней мере, в ближайшее время надежды ее не сбылись. Король овладел своим королевством, и знать, примыкавшая к движению Лиги, вынуждена была вместе с испанцами покинуть Францию. Мой прадед легко получил прощение короля, который пожаловал ему высокий титул, а старшего сына его принял к себе на службу, зато младший, несмотря на настойчивые просьбы отца, не согласился вернуться во Францию и окончательно осел в Испании. Обе эти ветви рода, французская и испанская, продолжали поддерживать отношения и совершать браки. Дед мой женился на испанке. Теперь моя очередь. Как

видите, дорогой Оливье, все это прозаично и мало интересно.

— Неужели вы согласитесь жениться на девушке, которую совсем не знаете, даже не видели?

— Моего согласия никто не спросит. Отец дал обещание, и я не поступлю против его воли. Сам я вряд ли решился бы на такой союз, но за долгие годы привык считать мой брак неизбежным, и жертва эта для меня не так уж велика, как может показаться.

— Все равно! — ответил Оливье довольно резко. — К черту знатность и состояние, если они налагают такие обязательства. Куда лучше жизнь в пустыне, свободная и полная приключений. Там, по крайней мере, каждый сам себе господин.

— Совершенно согласен с вами, но выхода у меня нет, я должен покориться. Теперь позвольте спросить: как случилось, что, встретившись случайно во французской гостинице, мы так близко с вами сошлись?

— Сам не знаю. Вы понравились мне с первого взгляда, я предложил вам свои услуги, и мы вместе отправились в Мексику. Скоро мы расстанемся, чтобы никогда больше не встретиться, тем все и кончится.

— О! Господин Оливье, позвольте надеяться, что наше знакомство перейдет в прочную дружбу.

Оливье покачал головой и сказал:

— Граф, вы богаты и занимаете высокое положение в обществе, я же простой искатель приключений, вы даже не знаете моего прошлого, только имя, и то, если допустить, что оно настоящее. Наше положение не равно. И постепенно я стану вам в тягость, поскольку общество не признает нашей дружбы. Я старше вас, опытнее, не требуйте невозможного и пусть все остается как есть. Поверьте, так будет лучше для нас обоих.

Граф хотел возразить, но Оливье схватил его за руку.

— Слышите?

— Ничего не слышу, — ответил молодой человек, напругая слух.

— Ничего удивительного, — с улыбкой произнес Оливье, — у вас не может быть такого чуткого слуха, как у меня, привыкшего к дорогам в пустыне. Хочу сообщить вам, что со стороны Орисабы быстро приближается экипаж, он следует по той же дороге, что и мы, уже доносится звон колокольчиков.

— Это, без сомнения, дилижанс из Веракрус. С моими слугами и багажом, мы опередили его всего на несколько часов.

— Возможно, но было бы странным, если бы он так скоро догнал нас.

— Не все ли равно, — произнес граф.

— Все равно, если это действительно наш дилижанс, — сказал Оливье после минутного раздумья. — Но на всякий случай надо соблюдать осторожность.

— Зачем? — удивился молодой человек.

Оливье как-то странно взглянул на него и промолвил:

— Вы плохо знаете здешнюю жизнь. Первое правило в Мексике — всегда быть готовым ко всяким случайностям. Следуйте за мной.

— Мы должны спрятаться?

Оливье пожал плечами, чертыхнулся, вскочил на лошадь и галопом помчался к чаще на расстоянии метров ста.

Граф, все время путешествия находившийся под каким-то необъяснимым влиянием Оливье, поскакал вслед за ним.

— А теперь подождем, — сказал Оливье, едва они очутились под надежной защитой деревьев.

Через несколько минут Оливье жестом указал на лес, из которого они двумя часами раньше выехали, коротко бросив:

— Смотрите.

Граф невольно повернул голову в ту сторону, куда указал Оливье, и увидел десятка два всадников, вооруженных саблями и длинными копьями, они галопом мчались по долине, по направлению к Лас-Кумбрес.

— Солдаты президента Веракруса, — прошептал молодой человек. — Что бы это могло значить?

— Скоро поймете, — сказал Оливье.

Спустя некоторое время донесся стук колес, и показалась карета, которую мчали шесть мулов.

— Проклятие! — вскричал Оливье, побледнев. Его била дрожь.

— Что с вами? — удивился граф, снедаемый любопытством.

— Ничего, — ответил тот, — смотрите...

За каретой тоже скакали солдаты, поднимая облака пыли.

Вскоре всадники и карета исчезла в ущелье. Граф со смехом заметил:

— В карете несомненно благоразумные путешественники едут под охраной солдат, чтобы их не ограбили сальтеадоры.

— Вы думаете? — произнес Оливье с иронией. — А не кажется ли вам, что их ограбят солдаты, нанятые для их защиты?

— Это невозможно!

— Хотите взглянуть?

— Что же, это любопытно!

— Но будьте осторожны, возможно, понадобится порох.

— Я готов!

— Готовы защитить путешественников?

— Разумеется! Если на них нападут.

— Можете в этом не сомневаться!

— Тогда в бой!

— Вы хороший наездник?

— Не беспокойтесь! Постараюсь от вас не отстать!

— Да поможет нам Бог! Мы как раз вовремя подоспеем. Только мчаться придется во весь опор, так что следите хорошенько за лошастью!

И вот оба всадника помчались с бешеной быстротой вслед за каретой.

Путешественники

В описываемое нами время Мексика переживала один из тех кризисов, которые, регулярно повторяясь, довели страну до бедственного положения, и выйти из него собственными силами было невозможно.

Генерал Цулаога, президент республики, в один прекрасный день неизвестно по какой причине передал свои полномочия генералу дону Мигелю Мирамону, ставшему временным президентом. Человек энергичный, а главное, честолюбивый, он начал с того, что добился утверждения своего назначения конгрессом, который избрал его единодушно, а также городским самоуправлением.

Таким образом Мирамон стал законным президентом на срок, который истекал еще до генеральных выборов.

Однако Цулаоге, видно, наскучило жить в неизвестности, и совершенно неожиданно он обратился с воззванием к народу. Затем связался с людьми Хуареса, вице-президента, который после ухода Цулаоги не признал нового президента. Цулаога вынудил хунту избрать себя конституционным президентом в Веракрусе и издал указ, в котором лишал Мирамона власти.

Мирамон, считая, что Цулаога нарушил закон, отправился к нему в дом и заставил следовать за собой, бросив с насмешливой улыбкой:

— Вы пожелали вернуть себе власть, что же, я научу вас, как стать президентом.

Решив организовать кампанию против оппозиционных генералов, называвших себя конституционалистами, Мирамон взял с собой Цулаогу в качестве заложника и поехал по внутренним провинциям в районе Гвадалахара.

Цулаога не выказал ни малейшего сопротивления, напротив, стал просить Мирамона дать ему какую-нибудь армейскую должность. Мирамон, обманутый его покорностью, обещал удовлетворить эту просьбу в первом же сражении. Но однажды утром Цулаог исчез вместе со своими адъютантами. А через несколько дней стало известно, что они бежали к Хуаресу. Цулаога заявил протест против насилия, жертвой которого он стал, и снова издал несколько приказов против Мирамона.

Хуарес, коварный и хитрый индеец, ловкий политик, был единственным вице-президентом республики со времени объявления независимости, который не принадлежал к армии.

Выходец из низших слоев мексиканского общества, он мало по малу достиг высокого поста. Лучше, чем кто-либо другой, он знал особенности народа, которым управлял, заигрывал с ним, умел повести народ за собой. Наделенный безмерным честолюбием, тщательно скрытым под маской любви к отечеству, Хуарес образовал партию, ставшую ко времени, о котором идет речь, очень сильной.

Конституционный президент организовал правительство в Веракрусе и вел из своего кабинета войну против Мирамона руками своих генералов. Он не был признан никакой державой, кроме Соединенных Штатов, однако считал себя истинным властителем народа, а Цулаогу он презирал, но использовал для осуществления своих планов. Он всячески старался отнять власть у Мирамона и снова вернуть ее Цулаоге, после чего назначить новые выборы.

Цулаога не замедлил торжественно признать Хуареса единственным законным президентом, избранным народом.

Итак, Мирамон представлял партию консерваторов, иными словами, духовенства, крупных собственников и богатых торговцев; Хуарес — демократическую партию.

Война шла не на жизнь, а на смерть. Но на войну нужны деньги, а их у Хуареса не было. И вот почему.

В Мексике общественное достояние не сосредоточено в руках правительства. Каждый штат, каждая провинция сохраняют за собой право распоряжаться фондами городов, входящих в их территорию. Таким образом, не провинции зависят от правительства, а наоборот, правительство испытывает давление провинций, которые могут прекратить

выплату субсидий и тем поставить правительство в трудное положение. Мало того, две трети общественных доходов в руках духовенства, а оно не платит никаких налогов, ограничиваясь тем, что дает деньги под проценты, приумножая свои богатства.

Хуарес, хотя и был полновластным хозяином Веракруса, попал в затруднительное положение, но, будучи человеком ловким и оборотистым, раздобыл необходимые деньги. Он наложил руку на таможенную в Веракрусе, организовал захват бандитами гасиенд приверженцев Мирамона, богатых испанцев, осевших в Мексике, и других иностранцев, тоже, разумеется, состоятельных.

Мало того, бандиты еще рыскали по дорогам, грабили путешественников. Приверженцы Мирамона тоже не упускали случая поживиться, но реже, положение у них в этом смысле было менее удобно, чем у Хуареса.

Бандиты как будто действовали сами по себе, а оба правительства их порицали и даже делали вид, что принимают против них меры, но этот фарс вряд ли мог кого-нибудь обмануть.

Мексика превратилась в огромный разбойничий притон, где одна половина населения грабит, а вторая - подвергается ограблению. Таково положение этой несчастной страны в описываемую эпоху. Мало что изменилось с тех пор, а если и изменилось, то в худшую сторону.

В тот день, когда начинается наша история, еще до восхода солнца жизнь в ранчо, о котором пойдет речь, кипела, несмотря на столь ранний час.

Ранчо стояло в живописнейшем месте, среди буйно разросшейся зелени, неподалеку от Рио сан Гранде. С некоторых пор там находился постоялый двор для тех, кто был застигнут ночью в пути или останавливался по какой-либо другой причине.

Во дворе полукругом стояли тюки. У костра кто коптил к завтраку тотайо, кто чинил седла мулов, которые здесь же ели свой маис.

Экипаж, заваленный чемоданами и картонками, стоял рядом с дилижансом, сделавшим остановку, чтобы починить колеса. Стали просыпаться путники, которые провели ночь под открытым небом. Некоторые прохаживались, покуривая трубки, более проворные уже оседлали коней и уехали в разных направлениях.

Скоро из дилижанса вышел кучер, задал корм мулам,

запряг их и стал звать пассажиров. Разбуженные его криком, полусонные, они выходили из гостиницы и занимали в дилижансе места. Девять мексиканцев, истинных сыновей своей страны, в национальных костюмах, и два француза, одетых по-европейски.

В тот момент, когда кучер, чистокровный американец с севера, пустив в ход ругательства и проклятия, собрал, наконец, всех своих пассажиров и хотел тронуться в путь, раздался топот копыт, звон сабель, и несколько всадников в истрепанной военной форме осадили перед ранчо коней.

Этим отрядом из двадцати человек, с виду настоящих бандитов, командовал альферец или су-лейтенант. Высокий, сухощавый, с загорелым лицом и подозрительным взглядом, тоже в истрепанной форме, но прекрасно вооруженный.

— Не рано ли вы уезжаете? — крикнул лейтенант кучеру.

Американец, еще минуту назад наглый и самоуверенный, поклонился с заискивающей улыбкой и ответил подобоострастным тоном.

— Какая счастливая встреча! Сеньор дон Хесус Домингус! Уж не хотите ли вы сопровождать дилижанс?

— Не сегодня! Меня привело сюда другое дело.

— О! Вы правы! Мои пассажиры не достойны столь почетной охраны. Они не так уж богаты, к тому же мне предстоит остановка в Орисабе, по меньшей мере, часа на три, чтобы починить колеса.

— Тогда прощай и ступай к дьяволу! — ответил офицер.

Кучер помедлил, потом сошел с козел и приблизился к офицеру.

— У тебя есть для меня новости? — спросил офицер.

— Есть, — деланно смеясь, ответил кучер.

— Хорошие или дурные?

— Эль Рахо впереди, по дороге в Мехико!

Офицер вздрогнул, но тут же овладел собой и резко ответил:

— Этого не может быть.

— Я видел его, как вижу вас.

Офицер, поколебавшись, сказал:

— Спасибо! Я приму меры предосторожности. А ваши пассажиры?

— Бедняки, не считая двух слуг какого-то французско-

го графа. Его чемоданами можно было бы наполнить целую карету. Остальными не стоит заниматься.

— Я подумаю.

— Поступайте как вам будет угодно. А сейчас мне пора, простите, что покидаю, дон Хесус. Мои пассажиры спешат.

— Ну, до свидания!

Кучер влез на козлы, хлестнул мулов, и дилижанс помчался с такой быстротой, что пассажиры на каждом повороте рисковали сломать шею.

Офицер подошел к хозяину-вентеро и надменно спросил:

— Нет здесь у вас испанского кабальеро с дамой?

— Есть, — ответил хозяин, сняв шляпу и дрожа от страха. — Довольно пожилой кабальеро и совсем молодая дама. Прибыли сюда вчера, после захода солнца, в экипаже. Видите, стоит у ворот. При них охрана. По словам солдат, они едут из Веракруса в Мексику.

— Они-то мне и нужны! Я прислан, чтобы сопровождать их до Лос-Анжелеса. Но, кажется, они не торопятся ехать. Путь долгий, не мешало бы поспешить!

В этот момент в помещении, называвшемся залой, появился богато одетый мужчина. Приподняв шляпу, он всех приветствовал, и направился к офицеру, который пошел ему навстречу.

Мужчине было лет пятьдесят пять. Совсем еще бодрый, высокого роста, очень элегантный, с благородными чертами лица, доброго и открытого.

— Я дон Антонио де Каррера, — сказал он, обращаясь к офицеру. — Случайно услышал ваш разговор с хозяином и понял, что вы должны сопровождать меня в пути.

— Совершенно верно, — вежливо ответил офицер. — В приказе указано ваше имя. Так что я к вашим услугам.

— Благодарю вас, сеньор! Моя дочь прихворнула немного, и, если не возражаете, мы выедем через несколько часов. Я просил бы вас оказать мне честь и позавтракать с нами.

— Тысячу раз благодарю вас, кабальеро, — ответил, вежливо кланяясь, офицер, — но не смею принять вашего приглашения. Вряд ли присутствие грубого солдата будет приятно даме.

— Я не настаиваю, сеньор, хотя рад был бы побеседо-

вать с вами. Значит, решено? Мы остаемся еще на несколько часов?

— Как вам будет угодно, сеньор. Я полностью в вашем распоряжении.

После этого пожилой господин вернулся во внутренние комнаты, а офицер вышел к солдатам, которые уже расположились бивуаком. Солдаты привязали лошадей и, покуривая, разбрелись в разные стороны, с некоторым беспокойством поглядывая на мексиканцев.

Офицер что-то тихо сказал одному из солдат, после чего тот сел на лошадь и ускакал.

Около десяти утра слуги дона Антонио де Каррера запрягли лошадей, а через несколько минут вышел и он сам.

Он подал руку даме, так укутанной вуалью и мантией, что невозможно было разглядеть ни лица ее, ни фигуры.

Лишь только дама расположилась в карете, дон Антонио повернулся к офицеру и сказал:

— Мы тронемся, когда вам будет угодно, лейтенант!

Дон Хесус поклонился, солдаты сели на коней. Пожилой господин поднялся в экипаж, слуга закрыл за ним дверь и сам сел на козлы рядом с кучером. Еще четверо слуг, хорошо вооруженные, ехали за каретой.

— В путь! — скомандовал офицер.

Часть солдат ехала впереди, а часть организовала арьергард. Кучер хлестнул лошадей, и вскоре экипаж исчез в облаках пыли.

— Да хранит его Бог! — прошептал хозяин, подбрасывая на ладони две унции золота, которые ему оставил дон Антонио.

— Благородный старик. Как бы конвой дона Хесуса не оказался для него роковым.

Разбойники

Итак, экипаж дона Антонио мчался по дороге в Орисабу, неподалеку от города сделал поворот и направился к ущелью Лас Кумбрес.

Дама, ехавшая со стариком, была совсем молоденькая, лет шестнадцати-семнадцати. Тонкие черты лица, голубые глаза с длинными ресницами, нежные бархатные щеки, прямой нос, коралловые губы и жемчужные зубы, подбородок с ямочкой, черные шелковистые кудри до плеч, матовая кожа — все это отличало обитательниц экваториальных стран от жительниц севера, с их хрупкой, болезненной красотой, и влекло к ним, внушая не только любовь, но и поклонение.

Устроившись в углу кареты в грациозной позе, утопая в волнах газа, девушка мечтательно смотрела на открывающиеся перед ней пейзажи, рассеянно отвечая отцу, который то и дело к ней обращался.

Старик, казалось, был чем-то озабочен.

— Знаешь, Долорес, — говорил он, — несмотря на заверения тех, кто стоит во главе правительства в Веракрусе, и их покровительство, я им не верю.

— Почему, отец? — спросила девушка.

— Здесь тысяча причин. Но главная — то, что я испанец, а испанцев мексиканцы терпеть не могут, ты это знаешь.

— Вы совершенно правы, отец, но мне очень хочется знать, что заставило вас внезапно покинуть Веракрус и вопреки обыкновению взять меня с собой.

— Все очень просто, дитя мое. Неотложные дела требуют моего присутствия в Мехико. С другой стороны, на политическом горизонте сгущаются тучи, и пребывание в

нашей гасиенде очень скоро могло бы сделаться опасным. Потому я и решил оставить тебя у нашего родственника дона Луи де Пезаль, твоего крестного отца. Он тебя очень любит. Сам я отправлюсь дальше, в Ареналь, возьму твоего брата Мельхиора и увезу вас в столицу. Там, по крайней мере, мы будем в безопасности, если вдруг настоящее правительство будет свергнуто правительством Веракруса.

— Иной причины нет? — с легкой улыбкой спросила девушка.

— Разумеется, дорогая Долорес! А ты любопытна! Хочешь, чтобы я открыл тебе мой секрет! — Отец погрозил ей пальцем.

— Значит, есть все же секрет?

— Возможно, но пока я тебе ничего не скажу!

— Не скажете?

— Нет!

— Когда вы говорите суровым голосом и хмурите брови, настаивать бесполезно! Но может быть, вы мне скажете, зачем изменили имя, прежде чем отправиться в путешествие?

— О! С большим удовольствием! Меня слишком хорошо знают как человека богатого, а на дорогах сейчас везде рыщут разбойники.

— Только поэтому вы взяли другое имя?

— Да, дорогое дитя. Я думаю, этого вполне достаточно. Благоразумие заставило меня так поступить.

— Допустим, — произнесла Долорес с лукавым видом, склонив набок голову. И вдруг вскричала: — Взгляните, отец! Карета замедлила ход!

— В самом деле, — ответил старик. — Что бы это могло значить?

Он опустил стекло, выглянул, но ничего не увидел. Экипаж в это время въезжал в ущелье Лас Кумбрес, и дорога здесь так петляла, что дальше двадцати пяти — тридцати шагов ничего не было видно.

Старик подозвал одного из слуг, едущих за каретой.

— Что случилось, Санхес? — спросил он, — мне кажется, карета замедлила ход.

— Это правда, сеньор! — ответил Санхес. — Выехав из долины, лошади сбавили скорость. В чем причина, не знаю. Солдаты чем-то обеспокоены, перешептываются, озираются по сторонам. Словно чего-то боятся.

— Неужели на нас собираются напасть бандиты? — воскликнул старик с плохо скрываемым волнением. — Разуз-

найте-ка, Санхес! Место для нападения превосходное, но если наш конвой не связан с бандитами, вряд ли они осмелятся тронуть нас. Узнайте же, Санхес, и доложите мне.

Слуга тотчас же вернулся, бледный от ужаса, и прерывающимся голосом сказал:

— Мы погибли, сеньор!

— Погибли! — вскричал старик, бросив на онемевшую от ужаса дочь взгляд, полный любви и страха. — Погибли! Вы сошли с ума, Санхес! Объясните, ради бога, в чем дело?

— Сейчас вам начальник конвоя все объяснит.

Карета остановилась. Старик выглянул в окно. Солдаты окружили карету. Их было вдвое больше, чем в начале пути.

Старик понял, что попал в западню и на спасение нет ни малейшей надежды. Сопротивление бесполезно, остается лишь покориться. И все же старик решил не сдаваться сразу, предпринять все, что возможно в его положении.

Он нежно поцеловал дочь, велел ей оставаться на месте, а сам выскочил на дорогу с револьвером в каждой руке.

Солдаты не двинулись с места, хотя были удивлены его поступком.

Четверо слуг встали за своим господином, держа наготове оружие и только ожидая команды.

Санхес сказал правду. Прискакал дон Хесус Домингус, но не один, а с индейцем, невысоким и коренастым, в форме полковника регулярных войск.

Старик сразу же узнал в нем дона Фелиппе Пери Ирсобала, одного из приверженцев Хуареса. Раз два или три он видел его в Веракрусе.

— Кабальеро! — крикнул старик, — что это значит? Почему вы мешаете моему путешествию?

— Сейчас узнаете, дорогой сеньор, — усмехнулся полковник. — Именем отечества, вы арестованы!

— Арестован? По какому праву?

— По праву сильного! Надеюсь, нет нужды это объяснять?

— Другого объяснения вы не можете дать, — насмешливо ответил старик.

— Напрасно вы так думаете! Я арестую вас как шпиона, уличенного в измене отечеству!

— Вы сошли с ума, сеньор полковник! Я — шпион и изменник?!

— Сеньор! Правительство президента Хуареса давно за вами следит. Хорошо известно, почему вы с такой по-

спешностью оставили Веракрус и для чего отправляетесь в Мексику.

— Я еду в Мексику по коммерческим делам, и президент знает об этом, он собственноручно подписал мой пропуск и милостиво дал мне конвой, даже без моей просьбы.

— Все это так, сеньор. Наш великодушный президент не терпит строгих мер и потому не хотел подписывать приказ о вашем аресте. Он предпочел из уважения к вашим сединам дать вам возможность бежать, но ваша последняя измена переполнила чашу терпения, президент понял, что без строгих мер тут не обойтись и отдал приказ о вашем аресте.

— Могу я узнать, в чем меня обвиняют?

— Это, сеньордон Андресделя Крус, вам известнолучше, чем кому бы то ни было. Ведь не зря вы изменили свое имя!

Дон Андрес, а таково было его настоящее имя, был поражен таким лицемерием, ведь имя он изменил с согласия президента, а теперь его собираются арестовать, чтобы завладеть его состоянием.

Справившись с охватившим его волнением, дон Андрес снова обратился к полковнику:

— Вы очень рискуете, сеньор. Я не какой-нибудь проходимец и не позволю безнаказанно грабить себя. В Мексике есть испанский посланник, он сумеет оградить меня от произвола.

— Если вы имеете в виду сеньора Пахеко, то не думаю, что его покровительство пошло вам на пользу. Этот кабальеро в звании полномочного посла Ее Величества Королевы Испанской, счел возможным признать правительство изменника Мирамона. Поэтому его влияние на национального президента ничтожно. К тому же все эти разговоры излишни. Угодно вам сдаться? Ведь сопротивление бесполезно. Отвечайте же!

Дон Андрес огляделся. Не было никого, кроме слуг, кто мог бы ему помочь. Он выронил револьверы и скрестил руки на груди.

— Я вынужден покориться. Но протестую против насилия, совершенного надо мной!

— Протестуйте, дорогой сеньор. Это ваше право. Только мне до этого нет никакого дела. Дон Хесус Домингус, — обратился он к офицеру, равнодушно наблюдавшему эту сцену, — надо тщательно осмотреть багаж, а главное — все бумаги арестованного.

Старик презрительно пожал плечами.

— Хорошо разыграно, — сказал он. — Только вы опоздали, кабальеро!

— Что вы хотите этим сказать?

— Что денег и ценных бумаг в моем багаже нет. Я предвидел то, что произошло сейчас, и принял все меры предосторожности.

— Проклятие! — вскричал полковник, стукнув кулаком по луке седла.

— Только не думай ускользнуть от нас. Куда ты спрятал свои богатства? Говори! Клянусь, любой ценой я добьюсь у тебя признания!

— Попробуйте, — насмешливо ответил дон Андрес, поворачиваясь к полковнику спиной.

Разъяренный бандит уже не скрывал своей алчности и что-то зашептал на ухо дону Хесусу. Затем, помолчав минуту, снова обратился к старику:

— Дон Андрес! В таком случае мы сейчас отправимся к вам на гасиенду, там удобнее говорить о делах. Соблаговолите войти в карету! К тому же ваша дочь, без сомнения, нуждается в отдыхе.

При упоминании о дочери старик побледнел и уже направился к карете, когда неожиданно прискакал всадник в черной маске.

Солдаты в панике расступились.

Всадник осадил лошадь и, устремив горящий взгляд на полковника, спросил угрожающим тоном:

— Что здесь происходит?

Полковник натянул поводья, и его лошадь попятилась назад.

Солдаты и дон Хесус осенили себя крестным знаменiem и прошептали:

— Эль Рахо! Эль Рахо!

— Отвечайте! — крикнул всадник.

Солдаты, опутив головы, стали постепенно отходить, видимо, у них не было ни малейшего желания вступать в переговоры с таинственным незнакомцем. Зато дон Андрес почувствовал, как затеплилась в его сердце надежда. Ему показалось, что где-то он уже слышал этот голос. И он невольно устремился к неожиданно появившемуся всаднику.

Дон Хесус Домингус с позором бежал.

Эль Рахо

Во времена, о которых идет речь в нашей истории, лишь один человек в Мексике вызывал и ужас, и любопытство, и сочувствие.

Это был Эль Рахо, что значит гром.

Никто не знал, кто он, откуда и чем занимается. О нем ходили легенды.

К концу 1857 года он неожиданно появился на дороге из Мексики в Веракрус, где установил что-то вроде полицейского надзора. Останавливал дилижансы, заставлял богатых оставлять часть денег беднякам, начальников конвоя заставлял защищать от нападения сальтеадоров путников, которых им поручено сопровождать.

Никто не мог сказать, молод он или стар, красив или безобразен, брюнет или блондин. Он всегда носил маску. Национальность его тоже невозможно было определить. Он свободно говорил по-испански, по-французски, по-немецки, по-английски и по-итальянски.

Он хорошо был осведомлен о том, что происходит в республике, знал не только имена и общественное положение путешественников, с которыми ему приходилось иметь дело, но еще и интимные подробности их жизни, что ставило их в неловкое положение.

Но самым удивительным было то, что Эль Рахо всегда выступал против врагов один, сколько бы их ни было. И неизменно обращал их в бегство.

Оба президента, ведя между собой войну, сошлись в стремлении избавиться от Эль Рахо, видя в нем опасного соперника. Но усилия их ни к чему не приводили. Эль Рахо, неизвестно кем осведомленный о передвижениях

солдат, отправленных на его поиски, неожиданно появлялся на дороге, заставляя их бежать с позором.

Однажды Хуарес узнал, что уже несколько ночей Эль Рахо ночует на одном ранчо неподалеку от Пасо-дель-Мако. Тотчас же туда был тайно послан отряд под водительством Варвахалья, жестокого и смелого герильеро. Варвахаль получил приказ расстрелять Эль Рахо, как только тот будет схвачен. Солдатам обещана была щедрая награда за его поимку. К тому же задета была их воинская честь: Эль Рахо один неизменно побеждал всех. И солдаты горели жадной мести. Примерно в двух лье от Пасо-дель-Мако им встретился монах на плохоньком муле. Он что-то бормотал себе под нос, перебирая четки. Лицо было скрыто капюшоном.

Командир предложил монаху последовать за отрядом, и тот после некоторого колебания согласился.

Когда доехали до ближайшего ранчо, монах спешился.

— Что случилось? — спросил командир.

— Дальше мне с вами не по пути, сын мой. Мне очень приятно ваше общество, но я вынужден вас покинуть.

— О! — вскричал командир. — Мы никак не можем с вами расстаться, падре.

— Почему же, сын мой? — спросил монах.

— Потому что вы должны исповедать одного человека, которому суждено умереть.

— Кого же?

— Знаете ли вы Эль Рахо?

— Пресвятая дева! Знаю ли я Эль Рахо?

— Вот ему суждено умереть.

— Вы арестовали его?

— Нет еще, но через несколько минут он будет схвачен.

— Где же он?

— Вон в том ранчо, — командир указал рукой.

— Вы уверены?

— Черт возьми! Конечно, уверен!

— А по-моему, вы ошибаетесь!

— Вам что-нибудь известно о нем?

— Конечно, известно! Эль Рахо — это я.

Не успел командир опомниться, как Эль Рахо схватил его за ногу и швырнул на землю, сам вскочил на его коня и, выхватив из-за пазухи два шестиствольных револьвера, врзался в гущу солдат с криком:

— Эль Рахо! Эль Рахо!

Солдаты в панике разбежались.

Семерых Эль Рахо уложил на месте, под восьмым выстрелом свалил коня. Постоял, озираясь по сторонам, и увидел, что никто его не преследует. Командир лежал на земле, но был жив.

Эль Рахо подъехал к нему, спешил.

— Командир! Вот ваш конь, садитесь и догоняйте своих солдат. А если у вас не пропало желание меня расстрелять, приезжайте на ранчо, я подожду вас до утра!

Он махнул командиру рукой, сел на мула и вернулся на ранчо. Там он всю ночь спокойно проспал и никто его не тревожил. Солдаты без оглядки умчались в Веракрус.

Неудивительно поэтому, что бандиты, под видом конвоиров сопровождавшие экипаж Андреса де ля Круса, пребывали в растерянности и страхе.

С минуту Эль Рахо молча стоял с мрачным видом, потом решительным тоном заговорил:

— Сеньоры, вы, кажется, забыли, что я один вправе распоряжаться на больших дорогах республики. Сеньор дон Фелиппе Нери! — сказал он офицеру. — Возьмите ваших людей и уезжайте. Дорога свободна. Надеюсь, вы меня поняли?

— Я понял вас, кабальеро. Но долг повелевает мне конвоировать... — нерешительно начал полковник.

— Ни слова более! — резко прервал его Эль Рахо. — Подумайте хорошенько о том, что я сказал, для вашей же пользы. Тех, кого вы надеетесь встретить неподалеку отсюда, нет в живых. Они стали добычей коршунов. Вы проиграли, верьте мне. Возвращайтесь назад!

Какую-то минуту полковник колебался, потом дернул поводья и сказал прерывающимся от волнения голосом:

— Не знаю, сеньор, вы человек или дьявол, но вы заставляете повиноваться себе этих храбрых солдат, для которых смерть — ничто. Однажды я отступил перед вами, не хочу этого повторять. Лучше смерть, чем бесчестье. Убейте же меня!

— Прекрасные слова, дон Фелиппе! — холодно произнес Эль Рахо. — Даже в ваших устах. Устах висельника и бандита. Храбрость к лицу солдату! А у вас, я смотрю, недостатка в ней нет. Со временем вы, быть может, и стали бы достойным человеком. Но пуля может помешать вашим добрым намерениям. Прикажите вашим трусли-

вым солдатам отойти на двенадцать шагов — и вы получите удовлетворение, которого так жаждете.

— Ах, кабальеро! — вскричал офицер. — Неужели это возможно?!

— Я охотно поставлю мою жизнь против вашей, — насмешливо перебил его Эль Рахо. — И преподам вам хороший урок.

Офицер повернул лошадь и приказал солдатам отступить, что они и исполнили с похвальным рвением.

Дон Андрес де ля Крус наблюдал за происходящим со стороны. Но, увидев, какой оборот приняло дело, счел своим долгом вмешаться.

— Извините, кабальеро! — произнес он, обращаясь к таинственному незнакомцу. — Я искренне благодарен вам за помощь, но хотел бы продолжать путь, чтобы избавить мою дочь от опасности.

— Донье Долорес больше не грозит опасность, сеньор, — холодно ответил Эль Рахо. — Задержка на несколько минут не имеет никакого значения. К тому же я бы хотел, чтобы вы присутствовали при этом поединке. Он, наверняка, пойдет вам на пользу. Имейте же терпение, прошу вас. А вот и дон Фелиппе. Так что задержки не будет. Представьте себе, что вас пригласили на бой петухов. Уверен, вам доставит удовольствие то, что сейчас здесь произойдет.

— Однако!.. — дон Андрес хотел возразить, но Эль Рахо его перебил:

— Вы обижаете меня! Я знаю, что у вас есть прекрасные револьверы, присланные из Парижа. Соболаговолите дать один дону Фелиппе. Они заряжены?

— Да, сеньор, заряжены! — ответил дон Андрес, подавая полковнику револьвер.

Полковник повертел револьвер в руках и сказал:

— Я не знаю, как пользоваться этим оружием!

— О, очень просто! — вежливо произнес Эль Рахо. — Сеньор дон Андрес, будьте добры, объясните полковнику, как стрелять из вашего револьвера.

Дон Андрес выполнил просьбу Эль Рахо, и Эль Рахо обратился к полковнику:

— Теперь, сеньор дон Фелиппе, слушайте меня внимательно. Я согласен стреляться с вами лишь при условии, что вы обязуетесь сразу после поединка повернуть лошадь и не мешать дону Андресу и его дочери продолжать путь. Договорились?

— Договорились, сеньор!

— Вот и прекрасно! Итак, мы становимся на расстоянии двадцати шагов друг от друга. Не возражаете?

— Нет, сеньор!

— По моему сигналу вы выпустите шесть пуль из вашего револьвера. Я буду стрелять вторым, всего раз. Мы торопимся.

— Извините, сеньор, но если я вас убью?

— Вы не убьете меня, сеньор! — спокойно ответил Эль Рахо.

— Вы уверены?

— Уверен. Чтобы убить такого, как я, надо иметь твердое сердце и железную руку, а у вас нет ни того, ни другого.

Дон Фелиппе ничего не ответил, бледный от ярости, сдвинув брови, он отсчитал двадцать шагов от того места, где стоял противник.

Эль Рахо спешился, распрямил спину, вскинул голову, выставил вперед правую ногу и заложил руки за спину.

— Цельтесь хорошенько! Не берите слишком высоко! Ну, стреляйте! — скомандовал Эль Рахо.

Дон Фелиппе трижды выстрелил.

— Не спешите, — крикнул Эль Рахо. — Я даже не слышал свиста ваших пуль. Спокойно. Постарайтесь воспользоваться тремя оставшимися выстрелами!

Все наблюдали за поединком, затаив дыхание. Полковник, подавленный хладнокровием противника и обескураженный своей неудачей, стоял, словно околдованный, ничего не видя, кроме глаз Эль Рахо, сверкавших сквозь отверстия в маске. По лбу его струился пот, волосы шевелились от ужаса. Куда девалась его наглость и уверенность?

Но гнев и гордость придали полковнику силы, он взял себя в руки, и снова выстрелил.

— Теперь лучше! — насмешливо произнес Эль Рахо. — Посмотрим, что будет дальше.

Дон Фелиппе, доведенный до бешенства, нажал собачку. Пуля попала в скалу чуть повыше головы Эль Рахо.

Оставалась всего одна пуля!

— Сделайте пять шагов вперед! — сказал Эль Рахо. — Может быть, напоследок вам повезет.

Полковник шагнул вперед и выпустил последнюю пулю.

— Теперь моя очередь, — сказал Эль Рахо, отойдя на

прежнее расстояние. — Вы забыли снять шляпу, кабальеро, это невежливо! — Он выхватил из-за пояса пистолет, зарядил и, не целясь, выстрелил. Шляпа слетела с головы полковника и упала в пыль.

— Вы дьявол! — зарычал дон Фелиппе.

— Нет, — ответил Эль Рахо. — Я человек, и у меня есть сердце. А теперь уезжайте!

— Да, я уеду, но человек вы или дьявол, я вас разыщу хоть в преисподней. Тогда пощады не ждите!

Эль Рахо подошел к полковнику, отвел его в сторону, приподнял маску и показал лицо.

— Надеюсь, вы меня узнали? — произнес он. — Запомните же, в следующую нашу встречу я не оставлю вас в живых. А теперь уезжайте!

Дон Фелиппе не ответил, сел на коня и вместе с остальными бандитами ускакал по дороге в Орисабу.

Эль Рахо, воспользовавшись суматохой, исчез. Остались только путешественники со своими слугами.

Гасиенда Дель Ареналь

Прошло четыре дня со времени событий, рассказанных в предыдущей главе. Граф де ля Соль и Оливье продолжали свой путь. Теперь пейзаж совершенно изменился.

Вокруг раскинулась бескрайняя равнина с буйной растительностью и речками. На берегах ютились скромные жилища. Паслись бесчисленные стада. На зеленом ковре долины петляла дорога с бесчисленными поворотами. По ней двигались черные точки — погонщики мулов. Дополняли пейзаж группы гигантских деревьев. Справа на вершине холма гордо высилась гасиенда.

Путники свернули на узкую тропинку, полого спускавшуюся в долину, и взору их открылась волшебная картина.

Граф не сдержал восхищенного возгласа и остановился.

— Я знаю, — произнес Оливье, — что вы большой любитель красивых видов, и приготовил вам этот сюрприз.

— Это поразительно! — вскричал молодой человек. — Я никогда не видел ничего подобного.

— Для пейзажа, которого коснулась рука человека, это и в самом деле неплохо. Но с первозданной природой саванн не сравнится. Я уже говорил вам об этом. Здесь все искусственное, как декорация, и не заслуживает восхищения.

Граф улыбнулся.

— Не знаю, искусственное или нет, но красота тут просто волшебная!

— Я и говорю, что это неплохо. Но представьте, как выглядел этот пейзаж в первые дни мироздания, пока люди его не испортили!

— Вы очаровательный спутник, — смеясь, сказал

граф. — И мне будет жаль расставаться с вами. Ей богу! Я часто буду вас вспоминать.

— В таком случае, граф, готовьте ваши сожаления. Мы очень скоро расстанемся, — с улыбкой произнес Оливье.

— Я вас не понимаю.

— Самое большее через час. Но продолжим наш путь! Солнце начинает припекать.

И они стали медленно спускаться в долину, где было много тенистых деревьев.

— Вы не устали, граф? — спросил Оливье, откусывая кончик сигары.

— Клянусь Богом, нет! Благодаря вам я в восторге от нашего путешествия, только оно кажется мне немного однообразным.

— Однообразным?

— Конечно! Во Франции я слышал столько страшных историй о заатлантических странах, где на каждом шагу подстерегают разбойники. От них в дрожь бросает. Но ничего такого я здесь не увидел. Никаких приключений, о которых можно было бы потом рассказать, не случилось.

— Наберитесь терпения. Мы пока за пределами Мексики.

— Да, конечно, но я уже не верю в мексиканских бандитов, ни в диких индейцев. Так что вряд ли стоило ехать так далеко. К черту путешествия! Четыре дня назад, когда вы на целых два часа оставили меня одного, я думал, что-то случится. Но вы вернулись с улыбкой и сказали, что ошиблись в своих предположениях. Мне положительно не везет. Никак не удастся продемонстрировать свою храбрость.

— Чего же вы хотите? — спросил Оливье с едва уловимой иронией. — Цивилизация сделала нас похожими на народы старого света.

— Смейтесь надо мной сколько угодно, но продолжим наш разговор.

— Охотно, граф!

— Кстати, вы мне сказали, что намерены отправиться прямо в гасиенду дель Ареналь, прежде чем ехать в Мексику, чтобы потом не сбиться с пути.

— Да, я так сказал.

— В таком случае мы у цели.

— Что вы хотите этим сказать?

— Взгляните, граф. Что там впереди?

— Великолепное строение, похожее на крепость!

- Это и есть гасиенда дель Ареналь.
- Не может быть! — вскричал граф. — Вы обманываете меня!
- С какой целью?
- Лучшего сюрприза я и не мог ожидать!
- Да, совсем забыл сказать вам. Ваши слуги и ваш багаж уже два дня находятся в гасиенде.
- Как они туда попали?
- Я уведомил о вашем приезде хозяина гасиенды.
- Но вы никуда не отлучались!
- Ненадолго отлучился и этого оказалось вполне достаточно.
- Вы очень любезны, господин Оливье, и я искренне вам благодарен.
- Не стоит благодарности.
- Вы знаете владельца гасиенды?
- Дона Андреса де ля Круса? Очень хорошо знаю!
- Что он за человек?
- Человек, обладающий и умом, и сердцем. Делает людям много добра, особенно — беднякам.
- Это прекрасно!
- Но я не сказал вам, что у него много врагов.
- Врагов?
- Да. Все негодяи этой страны, а их здесь великое множество.
- А дочь его, донья Долорес?
- Очаровательное дитя шестнадцати лет. Доброты в ней еще больше, чем красоты. Невинная и чистая. Глаза голубые, как небо. Сущий ангел, посланный Богом на грешную землю.
- Надеюсь, вы будете сопровождать меня на гасиенду?
- Нет. Через несколько минут я вас покину.
- Надеюсь, ненадолго?
- Этого я вам не обещаю, граф.
- Они хлестнули коней и вскоре стали приближаться к гасиенде.
- Это была великолепная постройка времен испанского завоевания, полудворец, полукрепость, такие возводили испанцы на своих землях, чтобы защитить себя от нападений индейцев во времена восстаний.
- Зубцы на крепостных стенах свидетельствовали о знатности владельца гасиенды: только дворяне имели право украшать стены зубцами.

В ослепительных лучах солнца сверкал купол часовни, видневшейся из-за стен.

По мере того как путники приближались к гасиенде, пейзаж становился все живописнее. То и дело попадались навстречу верховые погонщики с мулами, индейцы с тяжелой кладью за спиной, стада, перегоняемые на новые пастбища, монахи на мулах, женщины, дети.

Когда путники достигли подножия холма, где высилась гасиенда, Оливье остановил коня прямо у тропинки, ведущей к главному входу, и обратился к своему спутнику:

— Граф, мы достигли цели нашего путешествия, позвольте теперь попрощаться с вами!

— Но прежде пообещайте, что мы снова встретимся!

— Я не могу этого обещать, граф. Пожалуй, лучше нам больше не видеться.

— Почему вы так говорите?

— Поверьте, я не хотел вас обидеть. Причина не в вас. Протяните же мне руку и я пожму ее, прежде чем с вами расстаться.

— Вот вам моя рука! — с жаром воскликнул молодой человек.

— А теперь прощайте! Время не ждет. Я и так задержался.

Оливье натянул поводья и помчался во весь опор. Граф смотрел ему вслед, пока тот не исчез из виду.

— Поистине необычный человек! — прошептал он со вздохом. — Я должен его снова увидеть.

Граф слегка тронул шпорами коня и въехал на тропинку, которая привела его к главному входу на гасиенду.

Оливье сказал правду: графа ждали — у ворот стояли наготове слуги.

Молодой человек спешил и передал конюху своего коня.

Только было граф направился к входной двери, как навстречу ему выбежал дон Андрес, порывисто обнял и расцеловал, говоря:

— Хвала Богу! Наконец-то вы здесь! А мы уже беспокоились.

Граф был в полной растерянности. Он никогда не видел дона Андреса, и столь горячий прием его удивил. Дон Андрес это заметил и, не желая оставлять гостя в неведении, стал объяснять:

— Я ваш родственник, дорогой граф, кузен. Не стесняйтесь, будьте как дома. Здесь все принадлежит вам.

Молодой человек смутился и попробовал возразить, но дон Андрес его прервал:

— Я старый безумец, болтаю и болтаю, совершенно забыв, что вы долго были в дороге и нуждаетесь в отдыхе. Пойдемте, я охотно провожу вас в ваши комнаты. Они давно ждут вас.

— Дорогой кузен, — сказал граф, — весьма тронут вашим вниманием, но не соблаговолите ли прежде представить меня кузине.

— Это не к спеху, дорогой граф, дочь моя сейчас в своих покоях. Поверьте, я лучше знаю, что вам нужно сейчас. Отдохните!

— Пожалуй, вы правы, — ответил граф. — Несколько часов отдыха мне сейчас не помешают.

— То-то! — весело ответил дон Андрес. — Впрочем, все юноши одинаковы, всегда хотят настоять на своем.

Хозяин повел гостя в комнаты, обставленные с большим вкусом. Сюда же перенесли багаж графа. Комнаты, хоть и не очень большие, были просторными и по тем временам комфортабельными. Спальня с уборной и ванной, кабинет, служивший одновременно и гостиной, прихожая и комната для прислуги.

Эти комнаты стояли особняком от всех остальных. Одна дверь вела в коридор, вторая — на общий двор, третья — в роскошный сад, не уступавший по величине самому лучшему парку.

Граф, совсем не знавший страны, и, как все иностранцы, имевшей о ней ложное представление, был поражен удобством отведенного ему помещения и изяществом убранства. Он горячо поблагодарил дона Андреса за заботу, признавшись, что не ожидал столь радушного приема.

Польщенный этим признанием, дон Андрес де ля Крус, потирая от удовольствия руки, удалился, предоставив кузену возможность отдохнуть, если ему заблагорассудится.

У графа, как вам известно, было двое слуг. Один находился в его покоях, и граф спросил, как они доехали и как были приняты на гасиенде.

Слуга, ровесник графа и его молочный брат, очень любил своего господина и всегда старался ему угодить. Он был хорошо сложен, крепок на вид, с симпатичным лицом, отличался храбростью и весьма ценным для слуги

качеством: ничего не видел, не слышал, не болтал лишнего. Родом он был из Бискайи и звали его Рембо. Когда бы господин ни позвал его, днем или ночью, Рембо тотчас бежал на зов в своем неизменном черном сюртуке с золотыми пуговицами, черной жилетке, коротких черных панталонах, белых шелковых чулках и туфлях с бантами. Оставалось только напудрить волосы, и он походил бы на управляющего имением какой-нибудь знатной особы прошлого века.

Граф тоже был привязан к Рембо и во всем ему доверял.

Второй слуга графа, высокий малый лет двадцати, крепкий и коренастый, исполнял всю черную работу, и как огня боялся Рембо. Звали его Ланка Ибаррю. Он тоже был безгранично предан своему господину и оказывал ему всяческое почтение. Смелый и умный, он в то же время отличался обжорством и ленью.

Рембо рассказал господину, что ничего особенного с ними не случилось в дороге. Правда, какой-то неизвестный господин велел им отправиться прямо в дель Ареналь, не заезжая в Мексику, что они и сделали.

Выслушав слугу, граф отпустил его, растянулся на диване, но только раскрыл книгу, как его сморил сон.

Проснулся он часа в четыре, и тут же вошел Рембо, доложивший, что дон Андрес де ля Крус ждет гостя к обеду.

Граф оглядел себя и в сопровождении слуги направился в столовую.

Встреча у окна

Столовая была длинной просторной комнатой, освещаемой овальными окнами, в которых стекла были цветными, с дубовой панелью, почерневшей от времени, и огромным столом в форме подковы, вокруг которого стояли скамьи.

Когда граф де ля Соль вошел в столовую, там уже собралось человек двадцать — двадцать пять. Дон Андрес, как и большинство состоятельных мексиканцев, сажал вместе с собой за стол и слуг.

Этот патриархальный обычай, давно переставший существовать во Франции, был, пожалуй, одним из лучших, установленных предками. Он положительно влиял на отношения господ со слугами, укрепляя взаимное доверие. Слуги как бы становились членами семьи.

Дон Андрес де ля Крус с дочерью и сыном стояли в глубине комнаты.

О донье Долорес читатель уже знает. Сын дона Андреса, ровесник графа, был высоким и сильным, с мужественными чертами смуглого лица. Черная борода, большие глаза с пронзительным взглядом. Голос низкий, речь короткая и отрывистая. Вид надменный, но манеры изящные, благородные. Одет он был в национальный мексиканский костюм.

Дон Андрес представил графа, и все заняли свои места за столом. Хозяин посадил графа рядом с дочерью, велел ей прочесть молитву, все повторили «аминь» и приступили к еде.

Мексиканцы, как и их предки испанцы, вина не пьют. К десерту были поданы кувшины с водой. Одна-

ко графу дон Андрес, ко всеобщему удивлению, велел подать вина.

Обед прошел в полном молчании, несмотря на попытки дона Андреса завязать разговор. Граф и дон Мельхиор обменялись несколькими вежливыми фразами, и снова воцарилось молчание.

Донья Долорес была бледна, ей, видимо, нездоровилось. Она почти не прикасалась к еде и не промолвила ни слова.

Наконец обед кончился и все разошлись.

Граф, неприятно пораженный холодным приемом дона Мельхиора, под предлогом усталости изъявил желаниис удалиться.

Дон Андрес был этим явно расстроен.

Дон Мельхиор и граф цсремонно поклонились друг другу, донья Долорес с присущей ей грацией тоже отвесила молодому человеку поклон, граф с чувством пожал протянутую ему хозяином руку.

Потребовалось несколько дней, чтобы граф де ля Соль, привыкший к комфорту и изысканности парижской жизни, освоился с жизнью на гасиенде, однообразной и примитивной.

Андрес де ля Крус был на гасиенде единственным, кто доброжелательно относился к графу.

Донья Долорес была с графом вежлива, даже любезна, но его общество ее, видимо, тяготило, и она старалась не оставаться с ним наедине. А если такос случалось, прсрывала начатый разговор, шепча извинения, и, вспорхнув словно птичка, улетала, покинув графа.

А ведь они были обручены с самого детства. Ради этой девушки граф пересек Атлантический океан, для того лишь, чтобы выполнить обещание, данное ее отцу. Граф был хорош собой, богат, умен и не привык, разумеется, к подобному обхождению. Особенно со стороны женщин. Он не был влюблен в свою кузину, считал ее недалекой и мог бы, как и она, проявить холодность, даже неприязнь и порадоваться возможности отказаться от этого брака, но в нем заговорило оскорбленное самолюбие.

Почему она так равнодушна к нему? К его комплиментам и ухаживаниям?

У него была тысяча причин не желать этого брака, но он не хотел, чтобы отказ исходил от девушки. Он должен с честью покинуть поле боя: заставить страдать его несостоявшуюся супругу. Опасаясь попасть в ложное положение, а

может быть, и в смешное, граф подумывал о скором отъезде, но прежде хотел объясниться с доном Андресом, который, наверняка, все понимал, и после этого решить, как ему держаться с невестой. Как и все тщеславные люди, избалованные легкими победами, он был уверен, что донья Долорес его непременно полюбит, если только сердце ее свободно.

Итак, граф, свободный от каких бы то ни было занятий, стал неотступно следить за девушкой, и если надежды его оправдаются, решил поскорее вернуться во Францию. Он очень тосковал и раскаивался, что пустился в такое далекое путешествие. Надо сказать, что, несмотря на свое равнодушие к графу, донья Долорес сочла своим долгом быть если не очень приветливой, как того желал граф, то хотя бы деликатной и предупредительной. Брат же ее, напротив, вел себя с подчеркнутой холодностью, чего, естественно, граф не мог не заметить, хотя виду не подавал. Он старался убедить себя в том, что такое поведение Мельхиора, его грубые манеры вполне соответствуют нравам этой страны.

Граф, однако, поспешил с выводами. Мексиканцы в большинстве своем вежливы, даже изысканны, единственное, что отличает человека из общества от простолюдина, — это одежда. Дон Мельхиор де ля Крус был исключением и отличался от соотечественников грубостью натуры. Мрачный, сдержанный, замкнутый, он, если и произносил несколько слов, то всегда резким тоном.

С первой же встречи граф и дон Мельхиор почувствовали неприязнь друг к другу. Она могла бы исчезнуть, если бы дон Мельхиор не питал к графу ненависти. Чем она была вызвана, это знал только дон Мельхиор. Он пользовался полной свободой, уходил и приходил, когда хотел, и никто ни о чем его не спрашивал. Довольно часто он исчезал на неделю и неожиданно возвращался к завтраку. Молча приветствовал всех поклоном и так же молча садился к столу. А после еды, выкурив сигарету, уходил к себе.

Дон Андрес прекрасно понимал, как оскорбительно подобное поведение, особенно для графа, и старался оправдать сына, объясняя его невежливость чрезмерной занятостью. Граф успокоил дону Андреса, сказав, что Мельхиор очаровательный молодой человек, что его манера вести себя вполне естественна. Видимо, он не считает графа чужим, и потому позволяет себе некоторую бесцеремонность, что графу очень приятно. Граф был бы

огорчен, если бы Мельхиор ради него изменил своим привычкам.

Такая снисходительность графа не могла обмануть дона Андреса, и он счел за лучшее прекратить этот разговор.

Дона Мельхиора боялись и ненавидели все обитатели гасиенды, не исключая, пожалуй, и отца. Но никто не роптал. Граф тоже делал вид, что ничего не замечает. Да и зачем было вмешиваться. Через несколько дней он уедет и обо всем забудет. Но прошло уже почти два месяца, а граф пока не собирался уезжать. Он много читал, гулял по окрестностям, почти всегда в сопровождении мажордома, мужчины лет сорока, невысокого и коренастого, очень сильного, с открытым лицом.

Звали мажордома Лео Карраль. Он сразу почувствовал симпатию к молодому французу, чья неистощимая веселость и щедрость тронули его сердце.

Он охотно обучал графа искусству верховой езды, пытаясь сделать из него истинного *hombre de la cavallo* и первого-классного *ginete*. И очень скоро это ему удалось.

Кроме того, мажордом научил графа носить мексиканский костюм, удобный и весьма элегантный.

Мало-помалу дон Андрес де ля Крус пришел к выводу, что граф собирается обосноваться в Мексике, и завел с ним разговор о женитьбе, уже в который раз.

Но граф снова уклонился от этой щекотливой темы. И дон Андрес, обескураженный, ушел, бормоча себе под нос:

— Надо же нам когда-нибудь объясниться!

Однажды, когда граф читал допоздна и уже собирался закрыть книгу, ему показалось, будто тень промелькнула за стеклянной дверью, выходившей в сад.

Была глубокая ночь, все обитатели гасиенды давно уже спали. Кому же это вздумалось так поздно гулять?

Не отдавая себе отчета в своих действиях, граф взял два шестиствольных револьвера и, тихо открыв дверь, выскользнул в сад. Ночь выдалась лунная, и было светло как днем.

Граф редко выходил в сад и остановился в нерешительности, не зная, по какой из аллей пойти.

Может быть, он принял за тень человека колеблемую ветром ветку? Но тут насмешливая улыбка тронула его губы, и он, вместо того, чтобы углубиться в сад, осторожно пошел вдоль живой изгороди и через несколько минут остановился, чтобы оглядеться.

— Я не ошибся, — прошептал он. — Это именно здесь. Он тихонько раздвинул ветви и с трудом сдержал готовый вырваться крик удивления.

Он находился прямо против окна доньи Долорес. У окна стоял мужчина, с которым донья Долорес разговаривала. Меньше двух шагов отделяло графа от беседующих, но незнакомец стоял спиной и лица его не было видно. К тому же он был укутан плащом.

«Значит, — прошептал граф, — я был прав. У нее есть возлюбленный.»

Это открытие задело его самолюбие, но все же он радовался, что узнал правду. Упрекая себя в не деликатности, граф, побуждаемый не то досадой, не то ревностью, прислушался. Кое-что можно было разобрать.

— Боже мой! — с волнением произнесла девушка. — Я умираю от страха, мой друг, когда не вижу вас несколько дней. Мне страшно. Как бы не случилось несчастье. Долго еще я должна оставаться здесь?

— Надеюсь, недолго, — ответил незнакомец. — А он как ведет себя?

— Все такой же мрачный, — ответила девушка.

— Он дома?

— Дома.

— А француз как?

«Интересно, — прошептал граф, — что думают обо мне».

— Это прекрасный молодой человек, — прошептала девушка. — Уже несколько дней он грустит.

«Бедное дитя, — произнес граф, — она заметила, что я печален. Но я и не скрываю этого. А где доказательства, что человек, который пришел к ней, возлюбленный?»

Поглощенный своими мыслями, граф многое пропустил из разговора, а потом услышал, как донья Долорес сказала:

— Я выполняю вашу просьбу, но разве это так уж необходимо?

— Да, Долорес.

«Черт возьми, — прошептал граф. — Он называет ее просто по имени.»

— Мне пора, — сказал незнакомец, надвинул на глаза шляпу, и удалился. Когда он проходил мимо графа, ветка сбила с его головы шляпу, луч луны упал на лицо и граф сразу его узнал.

— Оливье! — прошептал он. — Так вот, кто ее возлюбленный!

Это открытие поразило графа, и он вернулся к себе, шатаясь, как пьяный.

Молодой человек бросился на постель, но уснуть не мог. Каких только планов он не строил! Но к утру возбуждение сменилось усталостью.

— Прежде чем решиться на что-нибудь, — сказал он себе, — я должен с ней объясниться. Я не люблю ее, но тут задета моя честь, и она должна знать, что мне все известно. Сегодня же постараюсь поговорить с ней.

Приняв решение, граф успокоился и уснул, а когда проснулся, увидел Рембо с письмом в руке.

— Что это? — спросил граф.

— Письмо для господина!

— Из Франции? — воскликнул граф.

— Нет. Его передала служанка доньи Долорес де ля Крус и попросила передать господину графу, как только он проснется.

— Странно, — прошептал молодой человек, внимательно рассматривая послание. — Оно и в самом деле адресовано мне. — Он вскрыл конверт.

В письме было всего несколько строк:

«Донья Долорес де ля Крус настоятельно просит Людовика де ля Соль переговорить с ней по очень важному делу сегодня в три часа донья Долорес будет ждать графа в своей комнате».

— Ничего не понимаю! — вскричал граф. — Но может быть, это и к лучшему, что предложение исходит от нее.

Ранчо

Провинция Пуэбла представляет собой плато, больше двадцати пяти лье в окружности, пересекаемое Кордильерами Анагуа.

Равнины с холмами и оврагами тянутся до самого горизонта, где высятся покрытые вечными снегами горы. Насколько хватает глаз, простираются поля алое, из которого мексиканцы готовят свой любимый напиток. Алое поражает своими огромными листьями длиной в шесть — восемь футов, жесткими и колючими.

По дороге из Пуэблы в Мехико лежит город Чолула, некогда процветающий, но со временем утративший свое значение и насчитывающий всего 12—15 тысяч жителей.

Во времена ацтеков территория, где расположена ныне Пуэбла, считалась святой землей. Тому свидетельством сохранившиеся поныне развалины. На небольшом пространстве высятся три главные пирамиды, не говоря уже об обломках, которые попадаются на каждом шагу.

Самой замечательной из пирамид дали название *Monte hecho a mano* — «гора, построенная руками человека», или великая *teocali* Чолулы.

Эта пирамида, увенчанная кипарисом, целиком построена из кирпича, на ее вершине высится часовня, построенная в честь пресвятой девы. Высота пирамиды 170 футов, основание — 1355, она почти вдвое длиннее хеопсовой пирамиды.

Знаменитый ученый Ампер говорил, что фантазия арабов окружила чудесами египетские пирамиды, отнеся их постройку ко времени Всемирного потопа. То же самое произошло в Мексике, Ампер также рассказал, что в 1566

году Педро дель Рио слышал легенду о пирамидах Чолулы, которая сохранилась в Ватикане поныне.

Мы приведем здесь эту легенду в том виде, в каком ее изложил ученый в своих «Прогулках по Америке».

«Во времена всемирного потопа страна Анаида (Мексиканское плато) была населена великанами. Оставшиеся в живых после потопа превратились в рыб, за исключением семи великанов — они спаслись в пещерах. Один из великанов по имени Хелуа воздвиг близ Чолулы пирамиду в честь горы Тияло, послужившей ему и его братьям убежищем.

Боги с завистью взирали на пирамиду, уходящую вершиной в небо. Разгневанные дерзостью Хелуа, они обрушили на пирамиду небесный огонь, и многие строители погибли, так и не закончив работу. Позднее была построена пирамида в честь Кецалькоата».

Эта легенда напоминает легенду о Вавилонской башне. Но в нее вкралась ошибка, не в укор будь сказано знаменитому ученому, которую я, скромный романист, хочу исправить. Не Кецалькоат, а Кецалькоатль, что значит змей с оперением: Кецаль — перо и Коатль — змей. Это даже не мексиканское слово, скорее ацтекское: Кецалькоатль — повелитель ветров, бог-законодатель. У него седая борода, черный плащ в крестах. Сопровождающие его тоже одеты в черное и тоже седые. Когда повелитель ветров отправился к первосвященнику Тулу, в таинственную страну, родину его предков, и проходил Чолулу, жители умолили его остаться и править ими. Повелитель ветров согласился и пробыл в Чолуле двадцать лет. Потом дошел до устья реки Гуасакоальпо и вдруг исчез, перед тем пообещав жителям Чолулы вернуться.

Не прошло еще ста лет с тех пор, как индейцы стали приносить жертвы в часовне Пресвятой Девы, молиться Кецалькоатлю, ожидая его возвращения. Я не осмелюсь сказать, что эта вера совсем угасла.

Пирамида Чолулы совсем не похожа на египетские. Она представляет собой лесистый холм, со всех сторон открытый, до нее нетрудно добраться не только верхом, но и в карете.

Местами земля осыпалась и обнажились кирпичи, обожженные солнцем, которые использовали при постройке.

Христианская часовня стоит на вершине пирамиды в том самом месте, где был построен храм в честь Кецалькоатля.

Никогда вершина пирамиды Чолулы не обагрялась кровью, ни один человек не был принесен в жертву богу, которому молились в храме, ныне разрушенном, приносили в жертву только то, что родила земля: цветы и злаки. Так велел бог-законодатель Кецалькоатль, и никто не смел нарушить его приказа.

Было около четырех часов утра. Звезды исчезли, небо окрасилось всеми цветами радуги, наконец, стало багряным. Занялась заря. В это время два всадника выехали из Пуэблы и направились в Холулу.

Оба были закутаны в плащи и хорошо вооружены.

В полулье от города они повернули направо и выехали на узкую дорогу.

Как почти все дороги Мексики, она без конца петляла, пересекаясь с обрывами, что делало ее очень опасной для путников. То и дело попадались болота и холмы, по которым лошади с трудом передвигались. Через полчаса путники достигли, наконец, каменного сооружения, грубо сработанного и похожего на пирамиду.

На вершине стояло ранчо вакеро, куда можно было добраться по ступенькам, вырытым по обе стороны огромного камня.

Путники спешили, вдвинули стволы ружей в расщелину камня и повернули, словно рычаг. Камень медленно сдвинулся с места и появился вход в подземелье.

В подземелье было светло и сухо. Свет и воздух, видимо, проникали через отверстия в камне, незаметные снаружи.

— Входи, Лопес, — произнес один всадник.

— Вы подниметесь вверх? — спросил другой.

— Да, ты последуешь за мной, если я не появлюсь.

Лопес свистнул, прибежали лошади и по его знаку спустились в подземелье.

— До скорого свидания! — произнес Лопес.

Первый всадник кивнул головой, а второй, это был слуга, вошел и задвинул за собой камень, который слился со скалой так, словно составлял с ней одно целое. Непосвященному, разумеется, найти вход было невозможно.

Всадник огляделся, чтобы удостовериться, не следит ли кто-нибудь за ним, вскинул ружье на плечо и стал взбираться вверх по ступенькам, погруженный в раздумье.

С вершины горы открывался прекрасный вид: с одной

стороны — Сапотекас, Холула, гасиенды и деревни; с другой — Пуэбла, со множеством расписных куполов, делающих ее похожей на восточный город. Дальше, насколько хватало глаз, простирались поля алое, маиса и агавы, а между ними змеей извивалась дорога в Мехико.

На мгновение всадник остановился, устремив взор на долины, пустынные в этот утренний час, озаренные золотыми лучами солнца, затем, подавив готовый вырваться вздох, откинул бычью шкуру и вошел в ранчо.

Ранчо, снаружи имевшее жалкий вид, внутри было даже чересчур комфортабельно для страны, где потребности, особенно у низших классов, ограничены самым необходимым.

На ранчо было несколько комнат: первая — гостиная, она же столовая, сообщалась с наружной пристройкой, служившей кухней. На стенах — несколько гравюр под стеклом, с изображением эпизодов, взятых из войн Империи. В углу, на консоли зажженные свечи и фигура гваделупской Божьей Матери, покровительницы Мексики. Шесть стульев, четыре бутакки, буфет, большой стол. На окнах — красные занавески. На полу — ковер искусной работы.

Но что поражало больше всего, это часы черного дерева с вмонтированной в них птицей, которая каждые полчаса пела. Часы висели между двумя окнами напротив входной двери.

Дверь справа вела во внутренние комнаты.

Войдя в дом, всадник поставил ружье, сел у окна на бутакку и закурил сигару.

— Половина шестого! — прошептал он, взглянув на часы. — До его прихода есть еще время.

Мужчина откинулся на спинку бутакки, выронил сигару и крепко уснул.

Через полчаса дверь у него за спиной отворилась, вошла молодая женщина, очаровательная, лет двадцати двух-двадцати трех, белокурая, с голубыми глазами, на цыпочках приблизилась к спящему и устремила на него полный нежности взгляд.

Белое лицо отличало ее от остальных жен ранчero — индианок. Выражение веселости и лукавства привлекало к себе. Хотя ее нельзя было назвать красавицей. Одета она была как и остальные женщины ее класса и при этом выглядела очень опрятно и кокетливо.

Итак, женщина подошла к спящему, обернулась и при-

ложила палец к губам, сделав знак идущим за ней мужчине и женщине не шуметь.

Женщине было лет пятьдесят, мужчине — около шестидесяти. Лица их, ничем не примечательные, не были грубыми, а казались волевыми и энергичными.

Все трое стояли, не двигаясь, возле спящего, боясь его разбудить. Но вдруг луч солнца скользнул по лицу незнакомца. Он сразу проснулся и по-французски воскликнул:

— О боже! Я, кажется, задремал.

— Ах, господин Оливье, — ответил ваке-ро тоже по-французски, — что же тут дурного?

— Вы здесь, мои добрые друзья, — произнес Оливье с улыбкой. — Приятное пробуждение! Здравствуйте, Луиза, дитя мое, здравствуйте, мать Тереза, и ты, мой старый Лоис. У вас такие счастливые лица, что приятно смотреть.

— Мне жаль, что мы разбудили вас, господин Оливье! — сказала Луиза.

— Тем более что вы, наверняка, устали! — добавил Лоис.

— Я уже забыл об усталости, — ответил Оливье. — Вы не ожидали увидеть меня здесь?

— Лопес предупредил нас о вашем приезде, — сказала Луиза.

— Этот черт Лопес обязательно проболтается, — весело заметил Оливье.

— Вы позавтракаете с нами, не правда ли? — спросила молодая женщина.

— Об этом не спрашивают, девочка, — произнес ваке-ро, отец Луизы. — Хотел бы я посмотреть, как господин Оливье откажется завтракать.

— Хватит тебе ворчать, — смеясь, произнес Оливье, — разумеется, я позавтракаю.

— Это прекрасно! — воскликнула молодая женщина и вместе с Терезой, которая приходилась ей матерью, принялась готовить завтрак.

— Только ничего мексиканского, — предупредил Оливье, — терпеть не могу их национальные блюда!

— Не беспокойтесь, — ответил Лоис, — завтрак будет французский.

— Это удваивает мой аппетит!

Пока женщины хлопотали с завтраком, мужчины беседовали, отойдя к окну.

— Ну как, вы довольны? — спросил Оливье Лоиса.

— Доволен, — ответил Лоис. — Дон Андрес де ля Крус человек добрый, кроме того, как вам известно, я с ним почти не общаюсь.

— Да, вы, в основном, имеете дело с Лео Карралем.

— Это достойный человек и прекрасный мажордом. Мы отлично ладим друг с другом.

— Тем лучше! Я был бы огорчен, будь то иначе. Ведь это я рекомендовал вас на это место, и если бы что-нибудь...

— Я немедленно сообщил бы вам, господин Оливье. Но в этом смысле все идет хорошо.

Оливье внимательно посмотрел на него.

— А в каком смысле плохо?

— Я не сказал, что плохо, — пробормотал вакеро в замешательстве.

Оливье покачал головой.

— Вспомните, Лоис, — строго сказал он, — на каких условиях я простил вас.

— О, я очень хорошо помню.

— Вы еще не сказали?..

— Нет.

— Значит, Доминик все еще считает себя...

— Да, — ответил вакеро, опустив голову. — но он не любит меня.

— Почему вы так думаете?

— Я в этом уверен. С тех пор как вы увели его в пре-рии, он изменился до неузнаваемости. Эти десять лет сделали его совершенно равнодушным.

— Может быть, вам так кажется? — прошептал Оливье.

— О! Не говорите так! — с волнением вскричал вакеро, — нужда — страшный советник. Если бы вы знали, как я раскаиваюсь в содеянном.

— Знаю, потому и простил вас.

— Да, я трепещу при мысли, что замешан в эту ужасную историю!

— Действительно ужасную, — с жаром произнес Оливье. — И вы будете свидетелем ее развязки, Лоис!

Вакеро вздохнул. Это не ускользнуло от Оливье, и он спросил:

— А где Доминик, спит еще?

— О нет! Уж кто-кто, а вы хорошо знаете, что он всегда поднимается первым.

— Почему же я его не видел?

— Он ушел, — робко произнес вакеро. — Теперь его не удержишь, ему двадцать два года!

— Двадцать два года, — словно эхо повторил Оливье и, тряхнув головой, уже совсем другим тоном произнес:

— Давайте завтракать!

Завтрак начался в печальном молчании, но, благодаря Оливье, к собравшимся вскоре вернулась прежняя веселость.

Вдруг стремительно вошел Лопес.

— Сеньор Лоис, — сказал он, — там ваш сын. Не знаю, чем навьючена лошадь, но сам он идет пешком.

Все поднялись из-за стола и вышли посмотреть. На расстоянии ружейного выстрела от дома действительно шел человек, ведя на поводу тяжело навьюченную лошадь.

— Странно, — прошептал Оливье, внимательно всматриваясь в идущего. — Он ли это? Сейчас посмотрим!

И сделав Лопесу знак следовать за ним, Оливье бросился по ступеням, оставив изумленного Лоиса и женщин. Вскоре они увидели, что Оливье вместе с Лопесом бежит навстречу путнику. Тот же, заметив бегущих, остановился в ожидании.

Раненый

Все вокруг было объято глубоким сном, даже ветер утих. Лишь едва слышное стрекотание кузнечиков нарушает молчание ночи. В небе без единого облачка мерцали звезды. Луна лила свой призрачный свет на холмы и деревья, придавая им причудливые очертания. В прозрачном воздухе легко было заметить полет жуков, в высокой траве скользили светлячки, оставляя за собой фосфорический след.

Это была одна из тех теплых, ясных ночей, неведомых северянам, которые навевают тихую грусть и мечты.

Вдруг в тишину ночи ворвался топот копыт, и на дороге появился всадник. Он ехал в сторону Пуэблы. Отдавшись на волю коня, всадник дремал, как вдруг конь попятился назад, отскочил в сторону и наострил уши.

Всадник встрепенулся и едва удержался в седле, натянув поводья.

— Эй! — крикнул он, хватаясь за саблю и с беспокойством озираясь по сторонам. — Что случилось? Ну, Марено, мой добрый конь, успокойся, никто нас не тронет. — Всадник ласково потрепал коня по шее, но тот по-прежнему выказывал признаки беспокойства.

— Ей богу, мой добрый Морено, ничего не могу понять. Ведь ты никогда не пугаешься без причины.

Всадник внимательно осмотрелся, затем поглядел на землю и произнес:

— А ты прав, здесь убитый лежит. Какой-нибудь владелец гасиенды. Его убили, чтобы легче было ограбить, и бросили на дороге. Ну-ка, давай посмотрим!

Всадник спешил и на всякий случай зарядил ружье —

вдруг человек жив и потребует кошелек, что вполне вероятно в этих краях, — подошел поближе и сразу же понял, что опасаться нечего. Бедняга был не то мертв, не то без сознания.

— Бедный малый, — произнес всадник. — Попробую помочь, если он жив. Но, пожалуй, это напрасный труд.

Итак, Доминик, а это был именно он, разрядил ружье и положил у дороги, чтобы в любой момент иметь под рукой, привязал к дереву коня и снял сарапе, чтобы не мешало.

Все это он делал не торопясь, со знанием дела, чтобы не упустить какой-нибудь мелочи. Сняв с коня сумки, прикрепленные за седлом, Доминик перекинул их на спину, опустился на колени возле лежащего на земле и приложил ухо к его простреленной груди.

Доминик был крепким малым, высоким и мускулистым, отлично сложенным. В нем гармонично сочетались ловкость, сила и грация. Особенно развиты были ловкость и сила, присущие жителям страны, где постоянно приходится вести борьбу за существование. Он выглядел немного старше своих двадцати двух лет и был очень хорош собой. Открытое мужественное лицо, черные глаза, высокий чистый лоб, выющиеся каштановые волосы, полный чувственный рот, лихо закрученные усы, резко очерченный прямой подбородок, но главное, что привлекало в его лице — это доброта и аристократичность. Несмотря на принадлежность к низкому классу вакеро, руки и ноги у него были небольшие, особенно поражали руки, необыкновенно изящные.

Таков был с виду молодой человек, которому в нашем повествовании отведена не последняя роль.

Тщетно пытался Доминик уловить биение сердца несчастного. И все же он вынул из сумки футляр и маленький ящик с медикаментами. Осмотрел и тщательно промыл рану, смазал лекарством, а когда кровь перестала сочиться, приложил травы и перевязал.

Бедняга не шелохнулся, не обнаруживая никаких признаков жизни.

Однако конечности его были слегка влажными, и это давало надежду.

Перевязав рану, молодой человек приподнял раненого и прислонил к дереву, затем принялся растирать ему грудь, виски и руки ромом с водой, то и дело с беспокойством поглядывая на его бледное, искаженное страданием лицо.

Все усилия Доминика, казалось, были напрасны. Но он их удвоил и не хотел сдаваться.

Картина была поистине впечатляющая. На пустынной дороге в лунную ночь возле креста, символа искупления, двое. Один, почти бездыханный, лежит на земле, второй, движимый святым чувством братской любви, пытается вернуть его к жизни.

Вдруг Доминика осенило, он стукнул себя по лбу, прошептав: — Ну и дурак же я! — порылся в сумках, казавшихся неистощимыми, столько всего в них было, и вытащил плотно закупоренную бутылку.

Разжав лезвием ножа зубы раненого, Доминик влил ему в рот немного жидкости, с беспокойством следя за его лицом.

Через две-три минуты по телу раненого пробежала судорога, веки зашевелились.

— А! — радостно воскликнул Доминик. — На этот раз, кажется, все в порядке.

Положив бутылку рядом с собой, он еще усерднее принялся растирать раненого.

Слабый вздох вылетел из уст незнакомца. Он тихонько пошевелился. Жизнь медленно возвращалась к нему. Появилось дыхание, с лица исчезла гримаса, щеки порозовели, губы зашевелились, словно он хотел что-то сказать. Только глаза оставались закрыты.

— О! — радостно воскликнул Доминик. — Еще не все потеряно. Он будет жить! Я не зря трудился! Но кто же это, черт возьми, проткнул его шпагой? В Мексике дуэлей не бывает. Клянусь вам, я знаю, кто это мог сделать, но боюсь назвать имя, чтобы не оскорбить. Ладно, подожду, пока бедняга заговорит, и тогда все выясню.

Раненый уже дважды открывал глаза, но тотчас же их закрывал.

Доминик налил в стакан воды, добавил несколько капель жидкости из бутылки и поднес стакан к губам раненого, тот открыл глаза и выпил, потом вздохнул с облегчением.

— Как вы себя чувствуете? — спросил молодой человек.

Раненый вздрогнул, махнул рукой, словно отгоняя страшное видение, и прошептал:

— Убейте меня!

— Бог с вами! — весело воскликнул Доминик. — Зачем я стану вас убивать, если с таким трудом вернул к жизни?!

Раненый устремил блуждающий взгляд на молодого человека и с невыразимым ужасом крикнул:

— Маска, маска! Прочь! Прочь!

— Он бредит, — прошептал молодой человек. — У него горячка! Что же делать?

— Палач! — слабым голосом произнес раненый. — Убей меня!

— Надо его успокоить, иначе он погиб.

— Разве я не знаю, что погиб? — произнес раненый, услышав последние слова Доминика. — Убей же меня! Избавь от страданий!

— Вы слышите меня, сеньор? — спросил молодой человек. — Вот и хорошо! Тогда слушайте и не перебивайте! Я не палач, я путник, посланный вам судьбой на этой дороге. Вы поняли меня, не правда ли? Забудьте, хотя бы на время, все, что с вами случилось. Я желаю лишь одного — быть вам полезным. Без меня вы бы умерли. Не осложняйте же мое и без того трудное положение. Ваше спасение в ваших руках.

Незнакомец попробовал приподняться, но силы изменили ему, и он со вздохом опустился на землю, прошептав:

— Не могу!

— Конечно, не можете! Удар шпагой был смертельным. Вы чудом остались живы. Так что не мешайте мне о вас заботиться.

— Кто же вы? — с волнением спросил незнакомец.

— Кто я? Бедный вакеро, я нашел вас умирающим на дороге и счастлив, что сумел вам помочь.

— Вы клянетесь, что ваши намерения благородны?

— Клянусь честью.

— Благодарю, — прошептал незнакомец и, помолчав, с жаром добавил:

— О, я хочу жить!

— Это вполне естественное желание.

— Я не могу умереть, пока не буду отомщен.

— И это справедливо.

— Вы спасете меня, обещаете?

— По крайней мере, сделаю все, что в моих силах.

— О! Я богат и не постою за вознаграждением.

— При чем тут вознаграждение! — воскликнул Доминик. — Милосердие не продается. Мне не нужно вашего золота. Оставьте его себе!

— Однако...

— Ни слова больше об этом, прошу вас, сеньор, иначе я сочту себя оскорбленным. Спасти вас — мой долг.

— Поступайте, как вам будет угодно.

— Скоро рассвет. Нам нельзя здесь задерживаться.

— Но я настолько слаб, что не смогу ступить шагу.

— Об этом не беспокойтесь. Я положу вас на своего коня, и он привезет вас домой.

— Вы знаете, где мой дом? — вскричал раненый с плохо скрытым ужасом, порываясь встать. — И меня тоже?

— Я не знаю ни вас, ни места, где вы живете. Ведь я никогда вас не видел.

— Конечно, конечно, — прошептал незнакомец, — я просто сошел с ума! У этого человека самые добрые намерения.

И он обратился к Доминику тихим, прерывающимся от волнения голосом:

— Я — путешественник, ехал в Мексику из Веракруса, был неожиданно схвачен, ограблен и брошен здесь, на дороге. Нет у меня больше жилища. Вот и вся моя история. Так что везите меня, куда хотите.

— Не стану ни о чем спрашивать, поскольку не смею вмешиваться в ваши дела. В вашем положении волноваться вредно.

И действительно, разговор утомил незнакомца. Слишком сильно было перенесенное потрясение, слишком опасна рана. В глазах у него потемнело, холодный пот выступил на висках, мысли путались, и он едва слышно произнес:

— Я умираю!

Доминик влил ему в рот несколько капель чудодейственной жидкости, и незнакомец почувствовал облегчение.

Он хотел поблагодарить своего спасителя, но Доминик, заметив, что несчастный силится что-то сказать, произнес:

— Не надо ничего говорить, помолчите.

Он укутал раненого в свой плащ и сказал:

— Постарайтесь уснуть, а я пока подумаю, как увезти вас отсюда.

Целебная жидкость была снотворной, и незнакомец вскоре закрыл глаза и погрузился в сон.

Доминик с минуту смотрел на него, потом, очень довольный, произнес:

— Вот таким он мне нравится. А то ведь совсем уми-

рал. Нет, не все еще кончено. Только надо уехать отсюда как можно скорее, пока дорога безлюдна.

Он отвязал лошадь и подвел к раненому. Соорудив на ее спине подобие ложа из нескольких одеял и сарапе, которое он сбросил с себя, Доминик легко, словно ребенка, поднял этого высокого крепкого мужчину, очень осторожно положил на спину лошади и, поддерживая раненого, чтобы он не свалился на землю, повел лошадь на поводу в сторону уже известного нам ранчо.

Открытие

Доминик шел медленно, всячески оберегая раненого от резких толчков и, несмотря на горячее желание как можно скорее попасть на ранчо, не понукал лошадь. Дорога была ухабистой, трудно проходимой, и он не хотел рисковать.

Поэтому радости молодого человека не было предела, когда, приблизившись к ранчо, он увидел, что кто-то бежит ему навстречу.

— Эй! — крикнул Доминик. — Идите же скорее! Я вас заждался!

— Что это значит, Доминик? — спросил Оливье по-французски. — Зачем это вам понадобились?

— Ослепли вы что ли? Не видите разве, что я везу раненого?

— Раненого! — вскричал Оливье, сразу очутившись рядом с молодым человеком. — О каком еще раненом вы говорите?

О том, которого я хорошо ли, плохо ли привез на своем коне и которого с великим удовольствием увидел бы в хорошей постели, что ему крайне необходимо. Ведь он чудом остался жив!

Оливье молча поднял сарапе, брошенное на лицо раненого, и долго на него смотрел с выражением ужаса, скорби, гнева и досады.

Мертвенная бледность покрыла лицо Оливье, дрожь пробежала по телу, глаза, устремленные на раненого, метали молнии.

— О! — сдавленным голосом произнес Оливье. — Этот человек жив! Я не мог ошибиться. Это он! Он!

Доминик, недоумевая, смотрел на Оливье, не зная, что и думать.

Потом с гневом произнес:

— Что все это значит? Я спасаю человека. Бог знает, с какими трудностями привожу его сюда, а меня вот как встречают!

— Радуйся, — с горечью сказал Оливье, — ты совершил доброе дело, с чем тебя и поздравляю. Скоро ты увидишь плоды своих забот.

— Ничего не понимаю! — вскричал молодой человек.

— Зачем тебе понимать, бедный мальчик! — Оливье пожал плечами. — Ты поступил по велению сердца без всяких раздумий. Мне не в чем тебя упрекнуть. И я не стану ничего объяснять.

— Вы должны объяснить!

— Ты знаешь этого человека?

— Откуда я могу его знать?

— А раз не знаешь, зачем привез на ранчо, никого не предупредив?

— Все очень просто. Я возвращался из Чолулы, когда нашел его умирающим на дороге. Разве не должен был я из человеколюбия оказать ему помощь? Ведь он — христианин!

— Да, да, — с иронией ответил Оливье, — ты поступил благородно. — И уже совсем другим тоном добавил: — Это краснокожие, среди которых ты жил, научили тебя милосердию? — И, не дав Доминику слова сказать, произнес: — Ты совершил недоброе дело, но хватит об этом: что сделано, то сделано. Лопес проводит его в подземелье, и о нем позаботятся. Иди, Лопес, не теряя времени, а я поговорю с Домиником.

Доминик между тем уже раскаивался в том, что так легко поддался жалости и спас совершенно незнакомого ему человека.

После ухода Лопеса Оливье долго молчал, погруженный в свои думы, потом наконец сказал:

— Ты говорил с ним?

— Так, урывками.

— И что он тебе сказал?

— Сказал, что стал жертвой нападения.

— Больше ничего?

— Почти ничего.

— Назвал он тебе свое имя?

- Я не спрашивал.
- Но он должен был себя назвать.
- Пожалуй, да. Он еще сказал, что недавно прибыл в Веракрус, откуда и ехал в Мексику, и по дороге на него напали разбойники.
- А кто он, этого от тоже не говорил?
- Нет, ни слова.
- Выслушай же меня, Доминик, и не сердись за то, что я скажу.
- От вас, господин Оливье, я готов выслушать все что угодно.
- Помнишь, как мы познакомились?
- Помню, хотя был тогда совсем ребенком, несчастным и больным, умирал с голоду на улицах Мексики. Вы сжалились надо мной, одели и накормили. Потом обучили грамоте.
- Дальше, дальше.
- Вы отыскиали моих родителей, точнее, людей, меня воспитавших.
- Дальше?
- Что было дальше, вы знаете не хуже меня, господин Оливье.
- Возможно, но я хочу, чтобы ты все это сейчас повторил.
- Как вам будет угодно. Однажды вы пришли на ранчо и увели меня в Сонору и Техас, где мы охотились на бизонов. А через два или три года благодаря вам меня усыновило племя команчей. Вы приказали мне жить в прериях и вести жизнь охотника, пока не заберете снова к себе.
- Память у тебя, я смотрю, хорошая, — заметил Оливье. — Продолжай!
- Я остался жить с индейцами, охотился. Полгода назад вы приехали на берег Рио-Джила, где я тогда находился, и велели, мне следовать за вами. Я повиновался беспрекословно. Разве я не принадлежу вам душой и телом?
- И сейчас тоже?
- Разумеется! Вы мой единственный друг!
- Благодарю. Ты будешь мне и впредь повиноваться?
- Не колеблясь, клянусь!
- Это я и хотел узнать. А теперь слушай меня внимательно. Человек, которому ты по глупости помог,

именно по глупости, прости меня за это слово, солгал тебе — все от начала до конца. Он пробыл в Мексике не несколько дней, а почти восемь месяцев. Живет в Пуэбле, был осужден на смерть теми, кто имел на это право и кого он хорошо знал. Ему вручили шпагу и дали возможность защищаться, он пал в честном бою. Никто его не грабил, потому что он имел дело не с разбойниками, а с честными людьми.

— О! — воскликнул молодой человек. — Это меняет дело.

— А теперь скажи, связал ты себя с ним каким-нибудь обещанием?

— Что вы имеете в виду?

— Этот человек просил тебя о помощи, не правда ли?

— Да, господин Оливье!

— Что ты ему ответил?

— Обещал помочь. Я не мог поступить иначе, учитывая его состояние.

— Чем помочь? Вылечить?

— Ну да?

— Больше ничего?

— Нет!

— Значит, если он выздоровеет, в чем я очень сомневаюсь, ты ничем не будешь с ним связан?

— Ничем, господин Оливье!

— Ну, тогда полбеда.

— Я вас совершенно не понимаю!

— Радуйся, Доминик, потому что его вряд ли удастся спасти.

— Чему же тут радоваться?

— Человек этот — твой заклятый враг.

— Враг? — не веря своим ушам вскричал молодой человек. — Но мы не знаем друг друга!

— Это ты так думаешь, мой бедный друг, но верь мне, я говорю тебе правду.

— Это странно.

— Да, странно, и тем не менее это так.

— Что же делать?

— Предоставь действовать мне. Я приехал сегодня на ранчо сообщить тебе, что твой заклятый враг мертв. Но, может быть, что Бог ни делает, все к лучшему. Пути господни неисповедимы.

— Что же вы намерены делать?

— Поручить твоего раненого заботам Лопеса. Он останется в подземелье. Но ты его больше не увидишь. Так будет лучше. По крайней мере сейчас. Даю тебе слово сделать все, что будет необходимо. Раненый ни в чем не будет знать нужды.

— Вполне полагаюсь на вас, господин Оливье. Но что будет, когда он выздоровеет?

— Мы отпустим его. Он не наш пленник. А если понадобится — найдем. Никто на ранчо не должен спускаться в подземелье.

— Скажите об этом вы, мне бы не хотелось!

— Скажу. Да я и сам не собираюсь с ним видаться.

— Вы больше ничего не хотите мне сказать?

— Хочу сообщить, что увезу тебя на некоторое время отсюда.

— И далеко мы отправимся?

— Увидишь, а пока собирайся в путь.

— Я готов, — ответил Доминик.

— Зато я не готов. Надо отдать кое-какие распоряжения Лопесу насчет раненого.

— А я должен попрощаться со всеми.

— Непременно, ведь неизвестно, когда мы вернемся.

— Вероятно, мы едем охотиться?

— Охотиться, — сказал Оливье, загадочно улыбаясь, — но не так, как обычно.

— Согласен. Мне все равно. Как скажете, так и будет.

— Хотел бы на это надеяться, — произнес Оливье и заторопил Доминика:

— Иди, собирайся, мы и так много времени потеряли.

Оливье спустился в подземелье, а Доминик пошел на ранчо. Лоис и обе женщины ждали его, горя любопытством, им хотелось узнать, о чем шел разговор. Но Доминик не выдал тайны, недаром он долго жил в прериях. Напрасно старались женщины и отец хоть что-нибудь выведать.

Завтрак уже стоял на столе.

Молодой человек сел за стол. Во время еды он объявил о своем отъезде.

Лоис на это ничего не сказал, он привык к частым отлучкам сына.

Вскоре пришел Оливье. Доминик стал прощаться с родными.

— Вы увозите его? — спросил Лоис.

— Да, — ответил Оливье, — ненадолго. — Мы едем на юг.

— Будьте осторожны, — заметила с беспокойством Луиза. — Там кишмя кишат разбойники.

— Не волнуйся, сестренка, — сказал Доминик, обнимая девушку, — все будет в порядке.

— Я бы предпочла, чтобы ты не уезжал, Доминик! — грустно ответила Луиза.

— Ну, ну, — весело произнес Оливье. — Не тревожьтесь. Я привезу его вам целым и невредимым.

При этих словах все немного приободрились, и Оливье с Домиником покинули ранчо.

Последний раз помахав на прощание рукой, они вскочили на коней и умчались в сторону Веракруса.

— Значит, мы едем на юг? — спросил Доминик.

— Нет, — ответил Оливье. — Гораздо ближе, на одну гасиенду в нескольких лье отсюда. Хочу кое с кем тебя познакомить.

— Зачем? Я не нуждаюсь в новых знакомствах!

— Знакомство полезное.

— Тогда дело другое. Признаться, я не очень люблю мексиканцев.

— Но тебя познакомят с французом.

— Кто познакомит? Разве не вы?

— Нет, другой человек, ты его знаешь и даже питасшь к нему симпатию.

— Кто же это, позвольте узнать?

— Лео Карраль.

— Мажордом гасиенды дель Ареналь?

— Он самый.

— Так мы едем на гасиенду?

— В ее окрестности. Я назначил мажордому встречу, он ждет меня.

— Я буду рад повидаться с Лео Карралем. Он — прекрасный товарищ.

— И человек с сердцем и честью! — добавил Оливье.

Свидание

Донья Долорес держалась с графом де ля Соль до того холодно, что о свадьбе и думать было нечего. Очень вежливая, даже любезная, она повела себя так, что граф вынужден был оставаться в рамках строгих приличий, не позволяя себе даже намека на вольность. Каково же было его удивление, когда девушка прислала ему письмо с просьбой прийти на свидание. Граф представить себе не мог, что побудило донью Долорес так поступить, и он терялся в догадках, тем более после того, что увидел ночью.

Терзаемый любопытством, молодой человек насилу дождался назначенного часа, хотя не хотел себе в этом признаться.

Случись такое во Франции, он знал бы, как себя вести.

Но холодность доньи Долорес и ночная сцена, свидетелем которой граф невольно оказался, исключали всякую мысль о любовном свидании. Может быть, девушка попросит его немедленно уехать, отказавшись от ее руки?

Поистине противоречив человек по своей природе. Граф, которому претил предстоящий брак и который твердо решил объясниться по этому поводу с доном Андресом де ля Крус, чтобы все кончить и поскорее вернуться во Францию, сейчас был неприятно поражен таким оборотом дела и испытывал гнев и стыд. В нем заговорило оскорбленное самолюбие.

Он, граф Людовик де ля Соль, молодой, красивый, богатый, известный своим умом и элегантностью, член жокей-клуба, законодатель мод, победитель женских сердец, славившийся на весь Париж, не вызвал в этой провинциалке ничего, кроме неприязни и холодного равнодушия. Было

отчего прийти в отчаяние. На какой-то момент граф даже вообразил, что влюблен в кузину, готов был поклясться, что останется глух к ее мольбам и слезам и потребует немедленного заключения брака.

Но в следующую секунду настроение его изменилось. Он бросил взгляд в зеркало, довольно улыбнулся и подумал, что бедную кузину можно только пожалеть.

Она не сумела оценить всех его достоинств, помешало дурное воспитание, упустила свое счастье, променяв графа бог знает на кого.

Граф пересек двор и направился в комнаты доньи Долорес.

Во дворе он заметил оседланных лошадей, но не придавал этому никакого значения.

У дверей стояла индианка с неправильными чертами лица, но хорошенькая. Она с улыбкой поклонилась графу и жестом пригласила его войти.

Граф последовал за служанкой. Они прошли несколько со вкусом обставленных комнат, наконец, служанка подняла занавеску из белого шелка с вышитыми по краям большими цветами и, не говоря ни слова, ввела графа в прелестный будуар, убранный в китайском стиле.

Донья Долорес полулежала в гамаке и, весело смеясь, дразнила маленького толстого попугайчика. Ни разу граф не видел кузину такой прекрасной. Поклонившись, он замер на пороге с выражением такого неподдельного восхищения, что донья Долорес разразилась громким смехом.

— Простите, кузен, — произнесла она, — но у вас такое лицо, что я не могла удержаться!

— Смейтесь, смейтесь, кузина, — сказал молодой человек веселым тоном, которого никак от себя не ожидал. — Я счастлив, что вижу вас в добром расположении духа.

— Идите же сюда, кузен, садитесь на эту бутакку, рядом со мной, — и она указала своим розовым пальчиком на кресло.

Молодой человек сел и обратился к девушке:

— Кузина, — сказал он, — я явился по вашему приглашению, которым вы меня удостоили.

— Благодарю вас за любезность, и особенно за точность, кузен! — ответила донья Долорес.

— Я готов выполнить любое ваше желание, кузина, но, к сожалению, мне редко выпадает счастье видеть вас.

— Это упрек, кузен?

— О нет! Я не смею вас ни в чем упрекать, располагайте мною, как вам будет угодно.

— О, дорогой кузен! Если бы мне вдруг взбрело в голову испытать вашу преданность, я, наверняка, была бы посрамлена.

— Наконец-то, — подумал про себя молодой человек, а вслух произнес: — Угодать вам во всем — мое искреннее желание. Слово джентльмена, чего бы вы ни потребовали, я готов выполнить.

— Ловлю вас на слове, дон Людовик, — ответила девушка, с обворожительной улыбкой наклонившись к нему.

--- Приказывайте, кузина, и вы убедитесь, что я самый преданный ваш раб.

Девушка минуту подумала, соскочила с гамака и села на стул, ближе к графу.

— Кузен! — произнесла она. — Окажите мне услугу!

— Наконец-то, кузина, я могу быть вам полезным!

— Но услуга сама по себе пустяковая!

— Тем хуже!

— Боюсь, вам будет неинтересно.

— Какое это имеет значение, если я смогу вам угодить? — Благодарю вас, кузен. Так вот. Через несколько минут мне надо кое-куда съездить, но я не хочу брать в сопровождающие никого с гасиенды. Ехать одной мне нельзя. Дороги не безопасны. Вы согласны меня сопровождать?

— Я счастлив, кузина, поехать с вами, но плохо знаю страну и могу сбиться с пути.

— Об этом не беспокойтесь. Я — дочь своей страны и пятьдесят лье могу проехать, не рискуя ни погибнуть, ни заблудиться.

— В таком случае, кузина, все в порядке. Благодарю вас за оказанную мне честь и готов выполнить любое ваше приказание.

— Это я, кузен, должна благодарить вас за вашу любезность. Лошади оседланы, наденьте мексиканский костюм, он вам очень к лицу, велите вашему слуге сопровождать вас и непременно захватите оружие. Через десять минут я вас жду.

Граф поклонился девушке, которая ответила ему обворожительной улыбкой, и вышел.

— Как приятно сопровождать мою очаровательную ку-

зину, да еще на любовное свидание! — воскликнул граф, оставшись один. — Но отказать ей невозможно. Эта плутовка необыкновенно хороша. Особенно сегодня. Клянусь Богом, такой я ее еще не видел. Надо поостеречься, не то, чего доброго, могу влюбиться, если это уже не случилось. — Последние слова граф произнес со вздохом.

Вернувшись к себе, граф приказал Рембо собираться в путь, а сам надел тяжелые серебряные шпоры, набросил сарапе, взял двухствольное ружье, прямую саблю, пару шестиствольных пистолетов и вышел во двор. Рембо тоже надел на себя целый арсенал.

Таким образом господин и слуга, в случае надобности, могли бы оказать сопротивление по меньшей мере пятнадцати бандитам.

Донья Долорес уже сидела на коне и разговаривала с отцом.

Дон Андрес де ля Крус радовался, глядя на молодых людей.

— Вы собрались на прогулку? — обратился он к графу, — желаю удачи!

— Сеньорита оказала мне честь, взяв в провожатые, — ответил граф.

— Выбор ее безупречен.

После этого обмена любезностями граф поклонился донье Долорес и сел на коня.

— Доброго пути! — произнес дон Андрес. — Будьте осторожны. Молодчики Хуареса гуляют по окрестностям.

— Не беспокойтесь, отец, — ответила донья Долорес, — с таким провожатым, как мой кузен, ничего не страшно.

— Возвращайтесь пораньше!

— Непременно, отец!

Дон Андрес махнул на прощание рукой, и молодые люди покинули гасиенду.

Граф и донья Долорес ехали рядом. Рембо, как и положено слуге, в нескольких шагах позади.

— Должна признаться вам, кузен, что это я вас провожаю, а не вы меня.

— Лучшего проводника и желать нечего, — ответил граф.

— А теперь, кузен, я открою вам один секрет.

— Секрет?

— Да, секрет. Вы настолько любезны, что мне стыдно вас обманывать.

— А разве вы меня обманули, кузина?

— Причем самым недостойным образом, — смеясь, ответила донья Долорес. — Мы едем с вами в одно место, где нас ждут.

— Вы хотели сказать, вас ждут?

— Нет, именно вас.

— Ничего не понимаю. Ведь у меня в этой стране нет знакомых.

— Вы в этом уверены, дорогой кузен? — насмешливо спросила девушка.

— По-моему, это так.

— Вот-вот, вы уже засомневались.

— А вы, кажется, уверены в своих словах?

— Совершенно верно. Тот, кто вас ждет, не просто знакомый, а добрый ваш друг.

— Ну, я совсем запутался! Продолжайте, прошу вас.

— К тому, что я сказала, можно добавить всего несколько слов. К тому же мы скоро приедем, и я не хочу оставлять вас в неведении.

— С вашей стороны это очень любезно, кузина, клянусь вам. И с величайшим нетерпением жду объяснений.

— Придется кое о чем вам напомнить, раз у вас такая короткая память. В этой чужой для вас стране вы встретили только одного человека, который выказал вам свое расположение, но вы успели его забыть. Так что позвольте мне усомниться в вашем постоянстве.

— Ваши упреки вполне справедливы. Есть у меня в Мексике один друг, но мне в голову не могло прийти, что вы говорите о нем.

— Значит, я не ошиблась?

— Нет.

— А часто ли вы о нем вспоминаете?

— Часто. И очень хочу увидиться.

— Как его зовут, вашего друга?

— Он назвался Оливье, но я не решился бы утверждать, что это его настоящее имя.

Девушка едва заметно улыбнулась.

— Позвольте спросить, почему вы о нем так плохо думаете?

— Нисколько, кузина. Но сеньор Оливье личность неординарная, судя по его поступкам. И мое предположение вполне естественно.

— Так это или не так, не могу вам сказать. Одно я знаю, что он ждет вас.

— Странно! — заметил молодой человек.

— Почему же? Наверняка, он хочет вам сообщить что-то важное. Так, по крайней мере, я поняла.

— Он вам об этом сказал?

— Прямо не сказал, но, беседуя со мной нынче ночью, изъявил желание как можно скорее вас видеть.

Все это девушка произнесла с такой наивной небрежностью, что граф был совершенно сбит с толку и с минуту смотрел на нее с недоумением.

Донья Долорес словно не замечала его удивления, приставив руку ко лбу козырьком, смотрела на равнину.

— Ну, — произнесла она через минуту, указывая в известном направлении пальцем, — видите вы двоих, сидящих рядом в тени деревьев? Один из них дон Оливьс. Поспешим же!

— Как вам будет угодно! — ответил граф, пришпорив коня.

Они поскакали галопом, а те двое, заметив всадников, пошли им навстречу.

На равнине

Оливье и Доминик, покинув ранчо, довольно долго ехали молча, каждый думая о своем.

О Доминике или Доминго, если называть его по-испански, мы уже кое-что рассказали в одной из предыдущих глав. В этом молодом человеке странным образом сочетались хорошие и дурные качества. Но преобладали хорошие. Бродячая жизнь среди неукротимых индейцев в прериях за несколько лет сделала его необычайно сильным, энергичным и волевым. В нем уживались смелость и хитрость, которую порой принимали за лицемерие. Как настоящий лесной охотник, он не терялся ни при каких обстоятельствах, сохраняя невозмутимость под самыми пристальными взглядами. И при этом бывал так наивен и добродушен, что мог провести самого проникательного человека. Зато великодушные его и чуткость не знали пределов, когда речь шла о близких, дорогих ему людях. Преданность его граничила с самопожертвованием. Зато с врагами он был беспощаден и обладал поистине индейской жестокостью.

Словом, Доминик был склонен как к добру, так и к злу, в зависимости от обстоятельств.

Оливье хорошо изучил Доминика, который пугал его своей неукротимостью, и старался силой собственной воли обуздать его характер. Словно укротитель, играющий с тигром, он знал, что наступит момент, когда лава, хлопотавшая в душе молодого человека, вырвется наружу под натиском страстей. И несмотря на доверие к другу, Оливье с крайней осторожностью касался некоторых струн его сердца, боясь пробудить в нем сознание собственной силы и нравственного могущества.

Проехав несколько часов, путники достигли довольно густого леса, окаймлявшего плантации в трех милях от гасиенды де Ареналь.

— Вот и приехали, — сказал Оливье, слезая с лошади. — Сейчас перекусим.

— Это прекрасно, — ответил Доминик. — С самого утра печет солнце, и я, признаться, устал. Охотно растянулся бы на траве.

— Не стесняйся, друг, здесь отличное место для отдыха.

Путники расседлали коней, пустили их попасться, а сами сели в тени, достали сумки с припасами и принялись за еду.

Ели молча. Ни тот, ни другой говорить не любили. После обеда Оливье закурил сигару, а Доминик — свою индейскую трубку. Первым нарушил молчание Оливье.

— Ну, Доминик, — спросил он, — нравится тебе жизнь, которую ты вот уже несколько месяцев ведешь здесь, в провинции?

— Признаться, — ответил Доминик, выпустив густое облако дыма, — жизнь эта кажется мне бессмысленной и скучной. Я давно попросил бы вас отправить меня на запад, в прерии, если бы не был уверен, что нужен вам здесь.

Оливье засмеялся.

— Ты — настоящий друг, — промолвил он, пожав Доминику руку. — Всегда готов действовать без оглядки.

— Рад это слышать. Без самоотверженности не бывает дружбы.

— Поэтому редко можно встретить преданных друзей.

— Мне жаль тех, кто не способен на дружбу. Ведь это такое счастье! Дружба единственное, что связывает людей.

— Многие полагают, что дружба основана на эгоизме.

— Таковую дружбу настоящей не назовешь. Эгоизм — полная противоположность дружбе.

— Это ты от индейцев слышал?

— Индейцы — мудрые люди, учитель, — ответил Доминик. — Для них правда есть правда, ложь есть ложь. А в городах все так запутано, что самому тонкому знатоку человеческой души не разобраться, а простой человек вообще теряет всякое представление о том, что справедливо, а что нет. Позвольте мне вернуться в прерии, мой друг, бесконечные войны вызывают у меня гнев и отвращение.

— Я хотел бы вернуть тебе свободу, но, повторяю, ты мне нужен еще месяца три.

— Так долго!

— Может быть, это время покажется тебе слишком коротким! — сказал Оливье с загадочным выражением.

— Вряд ли!

— Посмотрим, ведь я еще не сказал, чего жду от тебя!

— Хотелось бы знать.

— Я буду краток, тем более, что скоро приедут люди, которых я жду.

— Говорите же, я вас слушаю.

— К нам присоединятся молодой человек и девушка. Девушку зовут донья Долорес де ля Крус, она дочь владельца гасиенды дель Ареналь. Ей шестнадцать лет. Редкая красавица. Чиста и наивна, словно дитя.

— Это меня не касается, вы же знаете, что я не интересуюсь женщинами.

— Донья Долорес обручена с доном Людовиком де ля Соль.

— Желаю ей счастья. А кто он, этот дон Людовик? Какой-нибудь мексиканец, глупый и напыщенный щеголь, чванливый, как китайский мул.

— Вы ошибаетесь. Дон Людовик де ля Соль принадлежит к высшей аристократии Франции.

— А! Речь идет о французе?

— Да. Он недавно приехал из Европы, чтобы жениться на своей кузине. Они обручены с детства. Граф Людовик де ля Соль — очаровательный молодой человек, богатый, добрый и образованный, к тому же хорошо воспитанный. Мне очень хотелось бы, чтобы вы подружились.

— Если он такой, как вы говорите, мой друг, будьте спокойны: через два дня мы будем лучшими друзьями.

— Благодарю, Доминик, иного я и не ждал от тебя.

— Взгляните-ка, Оливье! Кто-то приближается к нам. Через десять минут эти двое будут здесь.

— Это — донья Долорес и граф Людовик.

Не успели Оливье и Доминик оглянуться, как молодые люди прискакали.

— Вот и мы! — сказала девушка, осадив лошадь. Молодые люди соскочили с коней, и граф, поклонившись Доминику, протянул обе руки Оливье.

— Как я рад снова видеть вас, друг мой! Благодарю, что вспомнили обо мне.

— А вы думали, я вас забыл?

— У меня были на то основания, — весело ответил молодой человек.

— Граф, — произнес Оливье, — позвольте мне вам представить господина Доминика. Он лучше меня, и я был бы счастлив, если бы вы подружились.

— Милостивый государь, — сказал граф, поклонившись Доминику, — мне жаль, что я плохо знаю испанский и не могу выразить вам свое расположение, которое, надеюсь, не останется без ответа.

— Это неважно, милостивый государь, — ответил по-французски Доминик, — я достаточно хорошо владею вашим языком, чтобы поблагодарить вас за добрые слова.

— Я счастлив! — воскликнул граф. — Позвольте пожать вашу руку и можете распоряжаться мною, как вам будет угодно.

— Скоро мы лучше узнаем друг друга и, надеюсь, станем друзьями.

Молодые люди обменялись рукопожатием, и донья Долорес обратилась к Оливье:

— Вы довольны, мой друг?

— Вы добрая фея, дорогое дитя, — ответил с волнением Оливье. — Вы и представить себе не можете, как очастливили меня!

Девушка склонилась перед Оливье, он запечатлел на ее лбу отеческий поцелуй и уже совсем другим тоном сказал:

— Теперь займемся делами, время не терпит. Но нам не хватает кое-кого.

— Кого же? — спросила донья Долорес.

— Лео Карралья, позвольте, я его позову. — Оливье свистнул в серебряный свисток, и в следующий момент послышался топот копыт. Мажордом не замедлил появиться.

— Идите к нам, Лео, — крикнул Оливье.

— Я к вашим услугам, сеньор.

— Выслушайте меня, — обратился Оливье к донье Долорес. — Дело серьезное, и я вынужден уехать сегодня же. Сердце мне подсказывает, что вам грозит опасность. Я же не знаю, когда вернусь. Какая опасность, когда может грянуть беда — не знаю. К счастью, есть кому меня заменить. Вас будут оберегать граф, Доминик и наш друг Лео Карраль. Они преданы вам, как братья.

— Но, мой друг, — возразила девушка, — вы забыли моего отца и брата.

— Нет, дитя мое, не забыл, напротив, очень хорошо помню. Ваш отец — стар, он сам нуждается в защите. Боюсь, что вам придется в этом убедиться. Мое отношение к вашему брату вам известно. Он не сможет, а может быть, не пожелает защитить вас. Вы знаете, что я хорошо осведомлен и редко ошибаюсь. Ни словом, ни поступком не выдайте себя. Пусть ни Дон Мельхиор, ни остальные обитатели гасиенды не знают, что вы предупреждены об опасности. Сами же будьте начеку.

— Положитесь на меня, — сказал Доминик. — Но я вот о чем думаю.

— О чем же?

— Как мне поселиться там, на гасиенде, не возбуждая подозрений?

— Напрасно вы опасаетесь. Никто, кроме Лео Карралья, не знает вас на гасиенде, не правда ли?

— Это верно.

— Вы приедете туда как друг графа де ля Соль, француз, и сделаете вид, будто ни слова не понимаете по-испански.

— Позвольте, — заметил граф, — я не раз говорил до-ну Андресу, что ко мне вот-вот должен приехать близкий друг, атташе при французском посольстве в Мексике.

— Отлично, Доминик сойдет за него и, если захочет, может болтать по-испански. Как зовут вашего друга?

— Шарль де Мариадек.

— Отлично, Доминик на время возьмет его имя. А ваш друг немного задержится, я позабочусь об этом. Итак решено, утром господин Шарль де Мериадек прибудет на гасиенду.

— Ему будет оказан отличный прием, — ответил с улыбкой граф.

— Что касается вас, Лео Карраль, вы все знаете, мне нечего вам сказать.

— Я давно принял необходимые меры, — ответил мажордом. — Мне только надо договориться с этими господами.

— Все идет хорошо, и сейчас мы расстанемся. Я и так задержался.

— Вы уже нас покидаете, мой друг? — с волнением произнесла донья Долорес.

— Так надо, дитя мое, мужайтесь. Да хранит вас Бог, пока меня не будет. Ну, прощайте!

Оливье пожал руку графу, поцеловал донью Долорес и вскочил в седло.

— До скорого свидания! — крикнула донья Долорес.

— Завтра вы увидите с вашим другом Мариадеком, — смеясь сказал Доминик и поскакал следом за Оливье.

— Вы вместе с нами вернетесь на гасиенду? — спросил граф мажордома.

— Разумеется, — ответил Лео Карраль, — ведь мы могли встретиться во время вашей прогулки.

— Совершенно верно!

Они сели на коней и поскакали в сторону гасиенды, куда прибыли незадолго до захода солнца.

Немного политики

Шел к концу 18... год. События сменялись с такой быстротой, что даже самые недалёковидные чувствовали приближение катастрофы.

На юге войска генерала одержали крупную победу над конституционной армией под командованием генерала дона Диего Альвереса (того самого, который в свое время был председателем военного совета в Гуэмасе и осудил на смерть нашего несчастного соотечественника и друга графа Гастона де Роз Бульбона).

Резня индейцев Пинтос была поистине жестока: их свыше тысячи осталось на поле сражения. Артиллерия и большой обоз стали добычей победителей.

Внутри страны тоже было беспокойно. Бежал президент Цулаога, который, передав полномочия Мирамону, решил вернуть себе власть в тот момент, когда этого меньше всего ожидали.

Тогда генерал Мирамон предложил председателю верховного суда принять на себя исполнительную власть и созвать палату нотаблей, чтобы избрать главу республики.

Во время этих событий надвинулась новая катастрофа, чреватая угрожающими последствиями.

Мирамон, безрассудно самонадеянный благодаря постоянным победам, вступил у Сипао в бой с превосходящими вчетверо силами противника, потерпел сокрушительное поражение, потеряв всю артиллерию, и едва не погиб. Лишь благодаря отчаянной смелости он вырвался из вражеского окружения и бежал в Керетеро. Однако не покорился своей несчастной судьбе и вернулся в Мексику, тайно надеясь снова стать президентом.

Надежды Мирамона сбылись. Он был избран президентом палаты Нотаблей почти единогласно .

Генерал, не теряя времени, принес присягу и немедленно вступил в должность.

Несмотря на ничтожные материальные потери, поражение при Силао имело огромный общественный резонанс. Мирамон принял все необходимые меры, чтобы исправить положение. Стал приводить в порядок финансы, пополнил войска.

К несчастью, президент вынужден был оставить часть своих сил в Мексике. Они были чужды народу и в любой момент могли вызвать взрыв.

Чтобы успокоить общественное мнение и поддержать порядок в столице, Мирамон решил вступить в переговоры со своим противником Хуаресом, чье правительство находилось в Веракрусе, и добиться если не мира, то хотя бы перемирия, чтобы на время остановить кровопролитие.

К несчастью, новое осложнение исключило всякую надежду на благополучный исход.

Генерал Маркес был послан на помощь Гвадалахаре, которая с успехом продолжала сопротивляться федеральным войскам, но совершенно неожиданно после ограбления союзниками денежной почты, принадлежащей английским купцам, между враждующими сторонами было заключено перемирие, разумеется, не без помощи украденных денег, и генерал Кастильо, комендант Гвадалахары, которого покинули его же солдаты, вынужден был бежать из города и скрыться. Федеральные войска объединились против Маркеса и уничтожили его единственный корпус.

Положение становилось с каждым днем все более критическим, федеральные войска, не встречая сопротивления, подступали со всех сторон. Всякая надежда на переговоры рухнула. Оставалось сражаться.

Поражение Мирамона было предreshено. Генерал это понимал, но не хотел сдаваться, напротив, сопротивлялся с удвоенной силой.

Президент обратился с воззванием к народу, а потом к духовенству, которому всегда покровительствовал, и получил от последнего материальную помощь. К несчастью, это не могло изменить положения, расходы увеличива-

---

* Палата нотаблей состоит из 28 человек. Из присутствующих 23-х в пользу Мирамона было подано 19 голосов. (Примеч. авт.)

лись с ростом опасности, и вскоре казна Мирамона опустела без всякой надежды пополниться.

Выше мы уже говорили о том, что власти каждого штата Мексиканского союза, независимо от социальных перемен, распоряжались денежными фондами по своему усмотрению, в то время как правительство в Мехико находилось в полной нищете. Соперники же его грабили не только почтовые дилижансы с деньгами и ценностями, но еще и опустошали без зазрения совести кассы всех штатов и потому могли без труда субсидировать армию.

Итак, обрисовав вкратце политическое положение Мексики того времени, мы можем продолжить наше повествование. Прошло около шести недель, как мы прервали наш рассказ. Было начало ноября 186... года.

Близился вечер. Длинные тени легли на равнину. Покинув ее, последние лучи солнца перебрались на покрытые снегом вершины гор Анагуа, окрасив их пурпуром. Ласковый ветерок шелестел в листве деревьев. Вакеро, сидя на лошадях, таких же диких, как и они сами, гнали через равнину большие стада. Издалека доносился звон колокольчиков мулов, запоздалые погонщики спешили выехать на шоссе, ведущее в Мехико.

Рослый всадник, до глаз закутанный в плащ, медленно ехал по узкой извилистой тропинке. Пересекая поле, она соединялась в двух лье от города с большой дорогой из Мехико в Пуэблу. Дорога была пустынна не только из-за приближения ночи. Хаос, царивший в стране, наводнил все дороги бандитами. Они вели войну по-своему, не делая различия между конституционастами и либералами, и, обнаглев от безнаказанности, не довольствовались большими дорогами, а доходили до городов.

Но всадника, видимо, не страшила опасность. Он выехал с час назад, но, поскольку двигался не спеша, отъехал от города не более лье, когда вдруг заметил, что достиг развилки. Поколебавшись с минуту, всадник поехал направо и вскоре достиг груды развалин. Здесь же росли развесистые деревья, дающие густую тень. Всадник остановился, внимательно огляделся и, убедившись, что вокруг ни души, спешил. Удобно расположившись на дерне, он прислонился к стволу, сбросил плащ, открыв бледное, изможденное лицо. Присмотревшись, в нем можно было без труда узнать того самого раненого, которого Доминик спас и привез на ранчо.

Дон Антонио де Казербар, так он себя называл, был похож скорее на тень, чем на человека. Живыми остались только глаза, горящие, как у гиены. Но в немоющем теле скрывалась пламенная душа и негибкая воля. Поборов в отчаянной борьбе смерть, этот человек вновь устремился к своим зловещим замыслам.

Он сам потребовал свидания и долго ехал, прежде чем добрался, преодолевая боль, до условленного места в двух лье от Мехико. Видимо, у него были на то серьезные причины.

Несколько минут дон Антонио стоял, скрестив руки на груди и закрыв глаза, в тишине ночи, видимо, чтобы собраться с мыслями перед предстоящей встречей.

В этот момент раздался топот копыт и бряцанье сабель. К тому месту, где находился дон Антонио, приближался довольно большой отряд. Дон Антонио поднялся, чтобы встретить прибывших, человек пятьдесят. Они остановились в нескольких шагах от развалин, но оставались в седле. Только один спешил, бросил поводья и направился к дону Антонио, который, в свою очередь, пошел к прибывшему навстречу.

— Кто вы? — тихо спросил дон Антонио.

— Тот, кого вы ждете! Полковник дон Фелиппе Пери Ирсабал к вашим услугам.

— Я вас узнал, подойдите!

— Это счастье, что мы с вами встретились, — произнес полковник. — Как ваше здоровье?

— Скверно! — ответил дон Антонио, словно не замечая протянутой ему руки. Но полковник не обратил на это ни малейшего внимания.

— Вы явились не один! — произнес дон Антонио.

— Гром и молния! Верьте, дорогой сеньор, я не хочу попасть в руки молодчиков Мирамона! Мой счет живо оплатят, завладев мною. Но давайте займемся делами, надеюсь, это не омрачит радость встречи.

— Я только этого и желаю, — ответил дон Антонио.

— Генерал благодарит за доставленные сведения, они точны до мелочей, и, как только представится случай, награждает вас за труды!

Дон Антонио с презрением махнул рукой и спросил:

— Вы привезли бумагу?

— Еще бы! — ответил полковник.

— Конечно, сеньор, не сомневайтесь! — Полковник

расхохотался. — Где еще найдешь честность, если не среди людей нашего круга? Ваши условия приняты Ортегой, главнокомандующим федеральной армией, и Хуаресом, президентом республики. Вы довольны?

— Я вам отвечу, сеньор, когда увижу бумагу.

— Пожалуйста, сеньор, вот она! — сказал полковник, вынимая из кармана конверт и подавая дону Антонио.

Дон Антонио схватил конверт дрожащей рукой и распечатал.

— Вам трудно будет прочесть, ведь сейчас темно, — насмешливо заметил полковник.

— Не волнуйтесь, — с иронией ответил дон Антонио и, чиркнув о камень спичкой, зажег извлеченную им из кармана маленькую свечу.

По мере того как Дон Антонио читал, лицо его прояснялось. Дочитав до конца, он погасил свечу, сложил бумагу, бережно спрятал и обратился к полковнику:

— Сеньор, поблагодарите от меня генерала Ортего, он проявил себя как настоящий кабальеро.

— Охотно, сеньор, особенно если вы что-либо добавите к этим сведениям.

— Разумеется.

— Что же, сейчас посмотрим, дорогой сеньор, — весело ответил полковник, потирая руки.

— Послушайте! Мирамон протянет недолго. Казна у него пуста, солдаты плохо вооружены и еще хуже экипированы, жалованья второй месяц не получают и уже начинают роптать!

— Отлично! Бедный Мирамон близок к падению.

— Тем более что духовенство больше его не поддерживает.

— Однако, — ехидно заметил полковник, — вы неплохо осведомлены, дорогой сеньор.

— Разве вам неизвестно, что я атташе при испанском посольстве?

— А я и забыл, извините! Что же еще вам известно?

— Ряды приверженцев президента редеют, друзья покидают его. Чтобы успокоить общественное мнение, он решил атаковать дивизию генерала Герициобала.

— О, это интересно! Благодарю, мы примем необходимые меры! Теперь все?

— Нет еще. Доведенный до крайности и желая любым путем раздобыть деньги, Мирамон решил ограбить денежную почту, принадлежащую вашей партии.

— Знаю, — ответил полковник, — с моей легкой руки. Такое везенье, к несчастью, редко бывает, — вздохнул он.

— Еще Мирамон задумал проникнуть в британское посольство и украсть деньги конвента.

— Великолепная идея! Эти черти-еретики взбесятся. Какой гениальный человек внушил ему эту мысль? Ведь скандал с Англией неизбежен! Англия не любит шутить, когда речь идет о деньгах.

— Знаю, это дело моих рук!

— Ссньор, — торжественно произнес полковник, — вы верой и правдой послужили отечеству! Но сумма, надсью, невелика?

— Сумма кругленькая! 160 000 пиастров.

Полковник изменился в лице.

— Проклятие! — вскричал он. — Я готов сдатьсся ему! Ведь с такими деньгами можно снова начать войну!

— Там все предусмотрено. Эти деньги растают в течение нескольких дней, — возразил с недоброй усмешкой дон Антонио. — Положитесь на нас!

— Дай-то Бог!

— Вот теперь все. Сведения, я полагаю, немаловажные.

— Важнее не придумаешь! — вскричал полковник.

— Через несколько дней я сообщу вам кое-что поважнее.

— Место встречи то же?

— И место, и время, и сигнал.

— Решено! Генерал будет очень доволен!

— Перейдем теперь ко второму делу, оно касается нас двоих. Вы что-нибудь успели с тех пор, как мы расстались?

— Почти ничего. Не хватило средств на поиски, которые вы мне поручили.

— Но вознаграждение достаточно высоко?

— Я в этом не уверен, — небрежно ответил полковник. Дон Антонио бросил на него проницательный взгляд.

— Вы сомневаетесь в моей честности?

— Я никогда ни в чем не сомневаюсь, это мой принцип, — заявил полковник. — Сумма немалая. Это пугает меня.

— Что вы хотите этим сказать, дон Фелиппе?

— Сейчас объясню! — вскричал полковник. — Так будет лучше. Слушайте же!

— Я вас слушаю, говорите!

— Только не сердитесь, дорогой сеньор, дело есть дело, на вещи следует смотреть прямо!

— Совершенно верно. Продолжайте!

— Итак, вы предложили мне пятьдесят тысяч пиастров за...

— Знаю, за что. Дальше!

— Это меня устраивает. Но ведь гарантии никакой, кроме вашего слова.

— Разве этого недостаточно?

— Нет! Я считаю, что вы богаты, очень богаты, иначе не предлагали бы мне такую крупную сумму. Но где гарантия, что вы сможете ее выложить, когда придет время со мной рассчитаться?

Услышав это, дон Антонио, едва сдержав бешенство, спросил:

— Что же вам угодно?

— Пока ничего, сеньор, подождем окончания революции. Но как только мы вступим в Мексику, а этого, я надеюсь, нам недолго осталось ждать, вы отправитесь со мной к знакомому банкиру — пусть он поручится за вас и делу конец. Согласны?

— Придется согласиться.

— Несколько дней отсрочки не имеют значения. Сейчас у меня есть дела поважнее. Переговоры наши окончены и, надеюсь, вы позволите мне удалиться?

— Разумеется! Я не держу вас, сеньор! — сухо ответил дон Антонио.

— Целую ваши руки, сеньор, до следующего приятного свидания!

— До свидания!

Дон Фелиппе вежливо поклонился, вскочил на коня и ускакал вместе с отрядом.

Дон Антонио часа через два прибыл в Мексику, не переставая размышлять по дороге.

— Ну, — прошептал он, остановившись у своего дома на улице Такуба, — пусть само небо станет мне поперек дороги, я добьюсь своего!

Неизвестно, какой смысл вложил дон Антонио в эти таинственные слова, явившиеся плодом его размышлений.

Капитал конвента

Над снежными вершинами Попокатепетля занялась заря, окрасив их красноватым светом, угасли в небе последние звезды, верхушки домов стали опаловыми — начинался день.

Город Мехико еще спал, лишь изредка тишину нарушал топот ног спешивших на рынок индейцев — они несли на продажу плоды и овощи. Открывались один за другим кабачки, на стойках появлялись напитки, в ожидании тех, кто по утрам обычно пропускал рюмку-другую перед тяжелым рабочим днем.

На колокольне пробило половину пятого.

В это время с улицы Такуба выехал всадник, быстро пересек главную площадь и остановился у входа во дворец президента.

— Пароль? — спросил часовой.

— Друг! — ответил всадник.

— Проезжайте, проезжайте!

— Мне надо во дворец, — упрямо заявил всадник.

— Еще рано, приходите часа через два.

— Тогда будет поздно! Немедленно пустите меня!

— Что скажешь, Педрино? — насмешливо обратился часовой к своему товарищу.

— Я думаю, это чужеземец, — тоже с насмешкой ответил второй человек. — Принял дворец за лачугу.

— Хватит болтать, — одернул их всадник. — И так я потерял с вами много времени. Доложите обо мне дежурному офицеру. Живо!

Строгий тон, видимо, подействовал на солдат, и, пошептавшись, они согласились на законное, предусмотренное уставом требование незнакомца.

Не прошло и двух-трех минут, как дверь отворилась и на пороге появился сержант с виноградной лозой в левой руке — эмблемой его чина.

Сержант вежливо поклонился незнакомцу, попросил подождать, ушел и тотчас снова появился. За ним следовал капитан в полной парадной форме.

Всадник поздоровался с офицером и повторил свою просьбу.

— К сожалению, я вынужден отказать вам, сеньор, — сказал капитан, — приказ есть приказ. До восьми утра никого не велено пускать во дворец. Присажайте к этому времени, и все решится само собой.

Он поклонился, собираясь удалиться.

— Извините, капитан, еще одно слово! — обратился к нему всадник.

— Да, сеньор.

— Никто, кроме вас, не должен слышать того, что я скажу.

— Это легко исполнить, — ответил офицер, подходя к незнакомцу. — Говорите же!

— Незнакомец что-то шепнул на ухо капитану.

— Надеюсь, этого достаточно?

— Вполне, — ответил капитан и приказал стоявшему по стойке смирно сержанту: — Отворите ворота!

— Как вам будет угодно, сеньор!

Всадник спешил и передал поводья сержанту.

— Теперь, капитан, я попрошу вас еще об одной любезности: проводите меня туда, где меня ждут. Итак, я к вашим услугам.

— Напротив, сеньор, это я к вашим услугам и почту за честь быть вашим проводником.

Они вошли во дворец к великому удивлению сержанта и часовых.

Капитан с незнакомцем прошли длинную анфиладу комнат, в которых, несмотря на ранний час, было много посетителей — сенаторов, высших сановников, представителей духовенства и крупных торговцев. Видимо, они всю ночь провели во дворце. Лица у всех были мрачные, озабоченные.

Капитан с незнакомцем подошли к одной из дверей, охраняемой стражниками. Перед дверью расхаживал взад и вперед начальник стражи.

— Моя миссия закончена, — сказал капитан, когда к ним подошел начальник стражи.

— Мне остается лишь попрощаться с вами и поблагодарить за любезность! — ответил незнакомец.

Они простились, и капитан ушел.

— Господин президент сейчас не может вас принять. Ночью у него было экстренное заседание и его превосходительство отдал строгий приказ — никого к нему не пускать! — обратился пристав к незнакомцу.

— Его превосходительство сделает для меня исключение! — мягко возразил незнакомец.

— Не думаю, сеньор, приказ касается всех, и я не рискну преступить его.

Незнакомец подумал с минуту и снова обратился к начальнику стражи.

— Я понимаю, — сказал он, — что вы не можете нарушить приказ, но попрошу оказать мне одну услугу.

— Охотно, если только это не будет противоречить моему долгу.

— Благодарю. Вскоре вы убедитесь в том, что его превосходительство не только не разгневается, но будет признателен вам за то, что вы впустили меня.

— Я уже имел честь доложить...

— Позвольте тогда кое-что объяснить вам!

— Извольте, я вас слушаю.

— Я напишу всего одно слово на листке бумаги. Вы молча положите листок перед президентом. Если он после этого ничего не скажет, я тотчас удалюсь.

— Вам действительно так необходимо видеть его превосходительство? — спросил начальник стражи.

— Сеньор дон Ливио, — ответил незнакомец, — вы меня не знаете, но я вас хорошо знаю и мне известна ваша преданность генералу Мирамону. Клянусь честью и спасением моей души, что у меня для него очень важное сообщение.

— Я вам верю, сеньор, — сказал начальник стражи, — и если будет на то моя воля, вас примут сейчас же. Не угодно ли вам написать то, что вы хотите. Здесь на столе бумага, чернила и перья.

Незнакомец поблагодарил, взял перо, написал крупными буквами: «Адольф» — и поставил три точки, расположив их в виде треугольника.

— Возьмите! — сказал он, протягивая начальнику стражи листок.

Пристав взглянул на листок и вскричал:

— Неужели вы...

— Тише! — остановил его незнакомец, приложив палец к губам.

— Ну, разумеется, вас примут! — сказал начальник стражи и скрылся за дверью.

Почти тотчас же дверь отворилась и кто-то произнес громким голосом:

— Входите!

Незнакомец вошел.

— Входите же, дорогой мой дон Адольфо, — повторил президент. — Само небо посылает вас ко мне! — Президент поднялся навстречу дону Адольфо и протянул ему руку. Дон Адольфо пожал ее с почтением и опустил в кресло.

Имя президента Мирамона в то время гремело на всю страну. Его справедливо считали самым лучшим солдатом Мексики и прекрасным правителем. Совсем молодой, двадцати шести лет от роду, он за три года президентского правления сделал много доброго. Среднего роста, отлично сложенный, Мирамон отличался непринужденными манерами и благородной осанкой. Лицо с тонкими чертами дышало отвагой и честностью; на высоком лбу пролегли едва заметные складки — следы постоянных раздумий. Ясный и проницательный взгляд черных глаз не раз приводил в замешательство тех, на кого был устремлен. Бледность лица и синева под глазами свидетельствовали о бессонных ночах.

— Наконец-то, возвратился мой добрый гений! — вскричал Мирамон. — И я снова обрел надежду на счастье.

Дон Адольфо печально покачал головой.

— Что это значит, мой друг? — спросил президент.

— Я, кажется, слишком поздно вернулся.

— Поздно? Но почему? Неужели вы думаете, что я не способен взять реванш?

— Вы способны на все великое и благородное, генерал, но, к несчастью, вас предали.

— Это правда! — с горечью произнес Мирамон. — Я всегда поддерживал духовенство и знать, а они от меня отвернулись, бросили на произвол судьбы. Но они еще обо мне пожалеют!

— Да, генерал, и на нынешнем заседании несомненно вы поняли намерения тех, ради которых всем жертвовали.

— Понял, — ответил, нахмурившись, Мирамон. — На

все мои призывы о помощи они отвечали отказом, видимо, договорившись заранее.

— Простите за откровенность, генерал, но положение у вас критическое.

— Скажите лучше, что я на краю гибели, и вы будете ближе к истине. Казна совершенно пуста, помощи ждать неоткуда, солдаты два месяца не получают жалования и грозят разбежаться, офицеры один за другим переходят на сторону неприятеля, который быстро продвигается к Мексике. Вот вам истинное положение дел. Что вы на это скажете?

— Печально, очень печально, генерал! Простите за бесцеремонность, что же вы намерены делать?

Президент ничего не ответил, бросил лишь быстрый взгляд на Адольфо.

— Прежде чем продолжать разговор, — сказал дон Адольфо, — позвольте мне, генерал, доложить вам о моих действиях.

— Я убежден, вам многое удалось, — сказал генерал, улыбаясь.

— Надеюсь, ваше превосходительство. Прикажете начать?

— Пожалуйста, пожалуйста, друг мой! Я просто жажду узнать, что вы предприняли для защиты нашего дела.

— Простите, генерал, — с живостью вскричал дон Адольфо, — дело тут не при чем, я предан лично вам.

— Понимаю... итак, я вас слушаю!

— Во-первых, мне удалось отнять у генерала Деголладо часть денег, которые они похитили при Лагуна Сека.

— Отлично! С помощью этих денег он взял у меня Гвадалахару.

Сколько же их?

— Двести шестьдесят тысяч пиастров.

— Гм... кругленькая сумма!

— Я тоже так считаю. Потом я расправился с этим разбойником Гиелларой и его товарищем Карвахалой. С их другом Фелиппе Ирсабалом мы тоже не ладили, не считая остальных приверженцев Хуареса, тех, которым не посчастливилось встретиться со мной.

— Короче говоря, у вас на руках...

— Больше миллиона пиастров. Мне понравилось стричь

герильеросов Хуареса: они весьма бесцеремонно и просто жиреют, ловя рыбу в мутной воде. Я передам вам миллион двести тысяч. Через час они будут здесь. И вы пополните свою казну.

— Это просто великолепно!

— Я сделал, что мог, генерал!

— Будь все мои друзья такими, как вы, я смог бы дальше вести войну. К несчастью, это не так. Но если эту сумму прибавить к той, которую мне удалось раздобыть, у меня будет солидный капитал.

— Кто же дал вам сумму, о которой вы говорите?

— Один мой друг, атташе при испанском посольстве, — заявившись, ответил президент, — посоветовал мне, как ее раздобыть.

Дон Адольфо вскочил как ужаленный.

— Успокойтесь, мой друг, — произнес генерал, — я знаю, что вы ненавидите герцога, а между тем он оказал мне немало услуг, вы ведь не станете этого отрицать.

Дон Адольфо стал темнее тучи и молчал.

— После поражения при Силао, благодаря герцогу, Испания признала за мною власть, а это было для меня так важно! Вы согласны?

— Согласен, генерал. Но неужели то, что я слышал, правда?

— Что же вы слышали?

— Что, доведенный до отчаяния, вы решились на преступление.

— Это правда, — ответил генерал, низко опустив голову.

— Но, может быть, еще не поздно. Я привез деньги и, если вы позволите...

— Погодите! — жестом остановил его генерал.

В это время дверь отворилась.

— Я ведь приказал никого не пускать! — крикнул президент начальнику стражи.

— Генерал Маркес, ваше превосходительство! — с невозмутимым видом доложил начальник стражи.

Президент вздрогнул. Румянец проступил на его бледном лице.

Вошел генерал Маркес.

— Ну, как дела? — спросил президент.

— Ваш приказ выполнен, — ответил генерал, — деньги переданы в казначейство.

— Расскажите, как это было? — попросил президент с легкой дрожью в голосе.

— Как мы и договорились, я отправился с отрядом в британское консульство с просьбой выдать мне деньги, предназначенные для уплаты владельцам облигаций английского займа. Я объяснил, что вашему превосходительству необходимы средства для обороны города и что ваше превосходительство обязуется вернуть долг сполна. Об условиях этого займа я предложил консулу переговорить с вами лично. Консул ответил мне категорическим отказом, сославшись на то, что деньгами не распорядится и несет ответственность за их сохранность. Больше часа я уговаривал его, когда же убедился, что это бесполезно, решил прибегнуть к последнему средству, как вы и приказывали: велел солдатам сломать печать и взять деньги. При свидетелях они были пересчитаны. Всего миллион четыреста тысяч пиастров, которые и были тотчас же доставлены во дворец.

Окончив свой рассказ, генерал Маркес поклонился с видом человека, добросовестно выполнившего свой долг.

— А что консул? — поинтересовался президент.

— Он велел спустить флаг на здании консульства и вместе с остальными служащими покинул город, заявив при этом, что порывает всякие отношения с правительством вашего превосходительства, поскольку стал жертвой разбоя, так он и сказал, и отправляется в Яланну, где будет ждать распоряжений своего правительства.

— Благодарю вас, генерал. Мы продолжим разговор несколько позднее.

Генерал с поклоном удалился.

— Как видите, мой друг, слишком поздно. Деньги вернуть нельзя!

— Да, к великому сожалению.

— Что же вы мне посоветуете?

— Вы на краю пропасти, генерал. Разрыв отношений с Англией — самое большое несчастье, какое только могло случиться при нынешних обстоятельствах. Вы должны победить! Победа или смерть! Третьего не дано.

— Я одержу победу! — вскричал президент.

— Да поможет вам Бог! — печально произнес дон Адольфо, вставая.

— Вы уже уходите?

— Да, ваше превосходительство. Мне надо доставить вам деньги, которые я отнял у вашего недруга.

Мирамон опустил глаза.

— Простите, генерал, я не должен был этого говорить, но горе — плохой советник!

— Может быть, вам что-нибудь нужно?

— Дайте мне, пожалуйста, бланк.

Президент передал бланк и сказал:

— Увидимся ли мы еще до вашего отъезда из Мехико?

— Да, генерал. Позвольте дать вам один совет.

— Говорите, я слушаю!

— Не доверяйте этому испанскому герцогу — он вас предаст.

На этом они распрощались.

Дом в предместье

Дон Адольфо покинул дворец, сел на коня и уехал. Минувая площадь, он свернул на улицу Такуба. Было около девяти утра, в городе началось оживление, пешеходы, верховые, экипажи, повозки — все смешалось в едином потоке. Жизнь шла своим чередом, но во всем чувствовалась тревога. И в приглушенном шепоте людей, и в их возбуждении. Это не ускользнуло от проницательного дона Адольфо. Его привлекали в Мирамоне великодушие, доброта, ум, целеустремленность, а главное — любовь к родине. Но все отвернулись от Мирамона, он лишился поддержки, а ведь только он один способен был спасти страну от Хуареса, который правит силой оружия. Погруженный в свои размышления, дон Адольфо постепенно перестал замечать, что происходит вокруг. А страсти накалялись все больше и больше. Возле кабачков и лавок собирался народ, только и было разговоров, что о захвате денег генералом Маркесом. До предместья слухи эти пока не дошли, а если кто и узнал случайно, счел это проявлением президентской власти, не усматривая в том ничего худого.

Перемены в политической жизни обычно затрагивают людей состоятельных, а в предместье народ небогатый, и ему терять нечего.

Спустя немного времени дон Адольфо приблизился к Гуарито и остановился у одинокого дома, весьма скромного с виду.

Как только он подъехал, калитка открылась и послышались радостные восклицания. Вслед за тем распахнулись ворота, дон Адольфо пересек двор и у входа в дом спешился, привязав лошадь к вделанному в стену кольцо.

— Почему вы не расседлаете лошадь, дон Хаиме? — раздался приятный женский голос, — неужели снова покидаете нас?

— Да, сестра! — ответил дон Адольфо, или дон Хаиме. — Будь на то моя воля, я не расставался бы с вами. Но это от меня не зависит.

— Хорошо. Но пусть Хозе отведет вашу лошадь в корраль. Там она будет чувствовать себя лучше, чем здесь.

— Поступайте, как вам будет угодно!

— Хозе! — крикнула она слуге. — Отведите Морено в корраль и дайте ему две дачи люцерны. Милости просим! — она взяла брата под руку и ввела в дом.

Первая комната, столовая, была обставлена скромно, но со вкусом, во всем чувствовалась хозяйская рука. Стол был накрыт на троих.

— Надеюсь, вы позавтракаете с нами, брат мой?

— С удовольствием. Но прежде дайте я вас поцелую и вы расскажете, как поживает моя племянница.

— Вашу племянницу вы сейчас увидите, а кузен ее еще не вернулся.

— Я полагал, он уже здесь.

— Увы, нет! Мы все время о нем беспокоимся, как и о вас! Он как-то странно ведет себя, уедет неизвестно куда и подолгу не возвращается.

— Наберитесь терпения, Мария! Разве вы не знаете, что мы стараемся для вас и для вашей дочери? В один прекрасный день вы все поймете.

— Дай-то Бог, дон Хаиме, но мы одни в этом доме и нам страшно. В стране неспокойно, дороги кишат разбойниками, вы с Эстебаном в любую минуту можете попасть в руки Гилляра, Карвахала или Эль Рахо, этих бандитов без веры и закона. Каких только ужасов о них не рассказывают!

— Успокойтесь, сестра. Гилляр, Карвахал и сам Эль Рахо не так уж страшны, как вы себе представляете. Имейте же немного терпения! Не пройдет и месяца, как тайное станет явным и правосудие будет совершено.

— Правосудие! — прошептала со вздохом донья Мария, — вернет ли оно мне счастье, моего сына?

— Сестра, — с некоторой торжественностью произнес дон Хаиме, — стоит ли сомневаться в могуществе Бога? Надейтесь!

— Увы, дон Хаиме, способны ли вы понять, что значит для матери слово «надейтесь»!

— Неужели, Мария, мне надо без конца повторять, что всю жизнь я посвятил вам и вашей дочери, поддерживал всем, чтобы видеть вас отомщенными, занявшими свое прежнее высокое положение и счастливыми? Много лет я этого добиваюсь и сейчас близок к цели. Это и дает мне то спокойствие и уверенность, которые вы во мне видите.

— Я верю вам, брат! — вскричала Мария, обнимая его. — Потому и боюсь, даже когда вы говорите мне о надежде. Ведь я знаю, ничто вас не остановит, никакое препятствие, вы встретите опасность лицом к лицу и можете погибнуть в этой борьбе, которую ведете ради меня.

— И ради чести вашей фамилии. Не забывайте об этом, сестра. Чтобы вернуть нашему славному гербу былой его блеск. Но оставим это. Из всего, что я вам сказал, запомните одно слово: надейтесь!

— О! Благодарю вас, брат мой! — произнесла Мария.

В эту минуту открылась дверь и на пороге появилась девушка.

— А! Дядя! Мой добрый дядя! — Она подбежала к дону Хаиме и подставила вначале одну щеку для поцелуя, потом другую. — Наконец-то вы соблаговолили пожаловать к нам!

— Что с вами, Кармен, дитя мое? — ласково произнес дон Хаиме. — Вы бледны, глаза покраснели. Вы плакали?

— Это ничего, дядя, нервы шалят. Вы не привезли донна Эстебана?

— Нет, — ответил дон Хаиме. — Эстебан вернется лишь через несколько дней. Но он чувствует себя хорошо! — добавил он, переглянувшись с доньей Марией.

— Вы его видели?

— Еще бы! Всего два дня назад. Из-за меня он и задержался. Он мне понадобился. А почему мы не завтракаем? Я с голоду умираю! — сказал дон Хаиме, чтобы переманить тему.

— Мы ждали Кармен! — промолвила Мария. — Теперь можно садиться за стол.

Она ударила в тимбр. Тотчас же явился слуга.

— Можешь подавать, Хозе! — сказала донья Кармен.

Обрисуем в нескольких словах обеих женщин.

Донья Мария, сорока двух лет от роду, была все еще прекрасна, несмотря на следы глубокого горя на ее лице

и седые волосы, странным образом контрастирующие с живыми черными глазами, совсем еще молодыми. Изящные манеры великолепно сочетались с ее благородным обликом. Длинное траурное платье придавало донье Марии монашеский, пожалуй, даже аскетический вид.

Донье Кармен было немногим больше двадцати. Она была необыкновенно хороша и очень похожа на мать. То же изящество, та же ласковая улыбка, те же черные живые глаза и черные, словно нарисованные, брови, длинные ресницы, полный очарования взор. Одета она была в белое платье из кисеи, схваченное в талии широкой голубой лентой, поверх платья — кружевная накидка.

Под внешним спокойствием дона Хаиме скрывались тревога и озабоченность. То он к чему-то прислушивался, что было слышно ему одному, то впадал в задумчивость, забыв о еде, и тогда сестра и племянница легким прикосновением руки возвращали его к действительности.

— Вы что-то скрываете! — невольно вырвалось у доньи Марии.

— Я тоже, заметила, — поддакнула девушка. — Вы словно где-то далеко-далеко. Что с вами?

— Ничего, уверяю вас! — ответил дон Хаиме.

— Мы же видим, скажите, в чем дело!

— Я ничего не скрываю, Кармен, во всяком случае, того, что касается лично меня. Но в городе такое творится, что, признаться, я боюсь катастрофы.

— Неужели она возможна?

— Точно сказать не могу, но мало ли чем может кончиться народное возмущение. На всякий случай лучше не выходить сегодня из дома.

— О! Ни сегодня, ни завтра, — с живостью воскликнула донья Мария, — мы давно никуда не ходим, только к обедне!

— И к обедне не надо. По крайней мере, в ближайшее время. Зачем рисковать?

— Неужели опасность так велика?

— Как тебе сказать, сестра. Сейчас правительственный кризис. Место нынешнего правительства, возможно, займет другое. В этой ситуации, вы сами понимаете, некому защищать граждан и каждый должен заботиться о себе.

— Не пугайте нас, брат!

— Боже мой, дядя, что с нами будет? — вскричала донья

Кармен. — Эти мексиканцы внушают мне ужас, они настоящие варвары!

— Успокойтесь, они просто вздорные, сварливые, дурно воспитанные дети. Но у них доброе сердце. Я хорошо их знаю и могу поручиться за это.

— Но вы знаете, дядя, и то, как они ненавидят испанцев.

— Да, знаю. Они сторицей воздают нам за то зло, которое им причинили наши отцы. Но им неизвестно, что мы испанцы. Дона Эстебана, например, считают перуанцем, а меня — французом. В общем, опасность не так уж велика. Если будете благоразумны, бояться нечего. Кроме того, я постараюсь принять все меры, чтобы вас защитить, чтобы вы не были одни в этом доме со старым слугой.

— Вы останетесь с нами, дядя?

— Остался бы с величайшим удовольствием, мое дорогое дитя, но не смею этого обещать. Боюсь, что это исключено.

— Что же это за важные дела, из-за которых вы не можете остаться?

— Тсс... любопытная. Дайте мне лучше огня, я хочу зажечь сигару. Не знаю, куда девалось мое огниво.

Девушка подала огниво, сказав при этом:

— Знаю я вашу тактику. Когда вам нужно, меняете тему разговора. Ужасный вы человек!

Дон Хаиме рассмеялся, а через минуту сказал:

— Кстати, видели ли вы кого-нибудь из обитателей ранчо?

— Да, дней пятнадцать назад приходил Лоис с женой Терезой, принес сыр.

— Он ничего не говорил об Аренале?

— Нет, там все как обычно.

— Тем лучше!

— Постойте, постойте! Он что-то говорил о раненом.

— Что именно? — насторожился дон Хаиме.

— Точно не помню.

— Сейчас, дядя, я вам скажу. Вот, что он говорил: «Сеньорита, когда увидите вашего дядю, соблаговолите ему передать, что раненый, которого Лопес стерег в подземелье, сбежал, и розыски не дали пока результатов».

— Проклятье! — вскричал дон Хаиме. — И зачем только этот дурак Доминик не дал ему сдохнуть? Так я и знал, что этим кончится!

Заметив на лицах женщин удивление, дон Хаиме уже равнодушным тоном спросил:

— Это все?

— Да, дядя, только он очень просил не забыть сообщить вам об этом.

— О! Это не столь важно, дорогое дитя, но все равно, очень вам благодарен. А теперь я должен вас покинуть, — сказал он, вставая из-за стола.

— Так скоро! — вскричали женщины, тоже поднявшись со своих мест.

— Непредвиденные обстоятельства заставляют меня быть в эту ночь в одном месте, далеко отсюда, но я позабочусь, чтобы меня сменил дон Эстебан — вы не останетесь без защитника.

— Дон Эстебан — не вы!

— Благодарю вас! Но прежде, чем расстаться, поговорим о делах. Деньги, которые я вам оставил, когда был здесь в последний раз, должно быть, уже израсходованы?

— Нет! Мы живем очень экономно.

— Вот и прекрасно! Лучше больше, чем меньше. Дело в том, что я в настоящее время богат и могу дать вам еще шестьдесят унций, соблаговолите из взять.

Порывшись в карманах, дон Хаиме вытащил красный шелковый кошелек, наполненный золотом.

— Но что мы будем делать с такой огромной суммой? — воскликнула донья Мария.

— Что хотите, сестра. Это меня не касается! Берите же!

— Придется взять, раз вы настаиваете.

— Может быть, у вас есть еще унций сорок кроме тех, что я дал вам. Потратьте их на свои туалеты. Пусть Кармен наряжается, если это ей нравится.

— Мой добрый дядя! — вскричала девушка. — Уверена, что из-за нас вы терпите лишения!

— Пусть это вас не тревожит, сеньорита, я хочу, чтобы вы были самой красивой, а послушная племянница обязана исполнять желания дяди. Ну, теперь обе поцелуйте меня и отпустите, я и так задержался.

Женщины вышли следом за доном Хаиме во двор, помогли ему оседлать коня, донья Кармен покормила его сахаром, приласкала.

В ту минуту, когда дон Хаиме приказал слуге открыть ворота, снаружи послышался топот копыт и в ворота постучали.

— О! — воскликнул дон Хаиме. — Кто бы это мог быть? — и решительно направился к воротам.

Женщины попытались его остановить.

— Погодите, — произнес дон Хаиме, — надо узнать, кто приехал. Кто там? — крикнул дон Хаиме.

— Друг! — послышался ответ.

— Это Лоис, — сказал дон Хаиме, распахивая ворота.

— Хвала Богу! — вскричал Лоис. — Само небо посылает мне вас!

— Что случилось? — с тревогой спросил дон Хаиме.

— Большое несчастье, — ответил Лоис. — Гасиендой дель Ареналь завладела шайка Гиллера.

— Дьяволы! — вскричал дон Хаиме, бледнея от гнева. — Когда это случилось?

— Три дня назад.

Дон Хаиме увел Лоиса в дом и спросил:

— Ты голоден?

— Три дня я не ел и не пил, пока скакал сюда. Очень торопился.

— Отдохни, закуси, а потом расскажешь все подробно.

Женщины подали на стол хлеб, мясо, вино.

Пока Лоис ел, дон Хаиме в волнении ходил по комнате, сделав знак женщинам оставить его наедине с Лоисом.

Когда Лоис кончил есть, дон Хаиме спросил:

— Можешь мне рассказать все, до мельчайших подробностей?

— Я к вашим услугам, сеньор!

— Тогда говори, я слушаю!

Лоис промочил горло еще одним стаканом вина и начал свой рассказ.

Дон Мельхиор

Подробностей Лоис не знал, поэтому мог рассказать лишь то, что слышал от других.

Итак, мы покинули Оливье, теперь читатель без сомнения догадался, что это и был дон Хаиме, в тот момент, когда он расстался с доньей Долорес и графом, лье в дух от гасиенды Ареналь.

Гасиенды донья Долорес и сопровождавшие ее достигли лишь перед заходом солнца.

Дон Андрес уже беспокоился и очень обрадовался их возвращению, тем более, когда увидел Лео Корраля.

— Пожалуйста, не отлучайтесь надолго, граф, — ласково обратился он к Людовику, — хотя я, разумеется, понимаю, как вам приятно скакать верхом в обществе этой ветреницы Долорес. Но, не зная страны, легко заблудиться. Кроме того, дороги кишат разбойниками всех мастей, а им ничего не стоит убить человека.

— Мне кажется, вы преувеличиваете, — возразил граф. — Мы совершили прелестную прогулку и не заметили по дороге ничего подозрительного.

Разговаривая таким образом, они вошли в столовую, где уже был подан обед.

По обыкновению все заняли свои места. Молодые люди оживленно разговаривали, успели, видимо, сблизиться, потому что прежде такого не бывало.

Дон Мельхиор был, как всегда, мрачен и ел молча, не произнося ни слова. Несколько раз он с удивлением взглянул на сестру, но молодые люди продолжали вполголоса беседовать, ничего не замечая.

Дон Андрес сиял от радости, смеялся, шутил и ел за четверых.

Когда встали из-за стола, граф обратился к дону Андресу:
— Извините, — сказал он, — мне хотелось бы с вами поговорить.

— Я к вашим услугам! — с готовностью ответил дон Андрес.

— Право, не знаю, как вам объяснить мое дело. Боюсь, что поступил легкомысленно и бестактно.

— Вы, граф? — произнес, улыбаясь, дон Андрес. — Позвольте этому не поверить!

— Благодарю за столь лестное обо мне мнение, но выслушайте сначала меня.

— В чем же, собственно, дело?

— Вот в чем: я рассчитывал ехать прямо в Мексику, ибо не знал, что вы находитесь здесь.

— Да, да, продолжайте!

— Я написал одному из близких друзей барону Шарлю де Мериадеку, атташе при французском посольстве, о своем скором приезде и попросил снять для меня квартиру. Барон ответил на мою просьбу согласием. Вдруг я узнал, что вы живете здесь, на гасиенде, и вы были так добры, что предложили мне свое гостеприимство. Я тут же написал об этом барону и попросил не торопиться с выполнением моего поручения.

— Приняв мое приглашение, вы доказали, граф, что относитесь ко мне по-дружески и с доверием, за что я вам весьма признателен.

— Я думал, моя переписка с бароном на этом закончится, как неожиданно, нынче утром, получил от него письмо, в котором он пишет, что получил отпуск и намерен провести его со мной.

— Прекрасно! — весело вскричал барон. — Вашего друга осенила счастливая мысль!

— Вы не находите это несколько бесцеремонным?..

— Разумсется, нет! Ведь вы почти что мой зять!

— Вот именно, что «почти».

— Во всяком случае, скоро им будете. Поэтому можете считать, что вы у себя дома, и принимать всех ваших друзей.

— Если даже их наберется тысяча, — язвительно заметил дон Мельхиор, прислушивавшийся к разговору.

Граф притворился, будто не понял насмешки, и сказал:

— Вы очень любезны. Впрочем, я не сомневался в вашем дружеском ко мне расположении.

Дон Мельхиор понял скрытый смысл слов графа и в замешательстве покинул комнату.

— Когда же вы ждете барона де Мериадека? — спросил дон Андрес.

— Право, мне очень неловко, но сделать я ничего не могу. Должно быть, он будет здесь завтра утром.

— Отлично! Он молод?

— Почти мой ровесник. Но я должен предупредить вас, что он плохо знает испанский.

— Ничего, здесь есть с кем поговорить по-французски! Я сейчас же распоряжусь приготовить ему комнату.

— Я, право, в отчаянии, что доставляю вам столько хлопот.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, места у нас хватает, ему будет здесь очень удобно.

— Я знаю ваше гостеприимство, но мне кажется, ему было бы лучше вместе со мной. Мои комнаты достаточно велики, и моих слуг нам на двоих хватит.

— Но ведь это стеснит вас?

— Нисколько! Он займет одну комнату, я останусь во второй, и мы сможем болтать, когда вздумается. Ведь мы не виделись целых два года. За это время столько всего накопилось!

— Как вам будет угодно. Если позволите, я пойду распоряжусь.

На том они и расстались. Граф пришел к себе, и тотчас же в его комнаты принесли множество всякой мебели. Не прошло нескольких минут, как салон графа превратился в комфортабельную спальню. Затем граф объяснил слуге, как следует себя вести в новой, отведенной ему роли.

Утром, часов около девяти, графу доложили, что к гасиенде подъехал верхом какой-то человек, одетый по-европейски, за ним шел погонщик с двумя навьюченными мулами.

Людовик не сомневался, что приехавший никто иной, как Доминик, и поспешил ему навстречу. Дон Андрес уже стоял у входа, чтобы приветствовать гостя. В душе граф очень волновался, ведь неизвестно, как будет чувствовать себя Доминик в европейском костюме, к которому не привык. Но увидев элегантного молодого человека, непринужденно и грациозно сидевшего в седле, граф совершенно успокоился, на секунду даже усомнившись, тот ли это юноша, которого он видел накануне.

Молодые люди бросились друг другу в объятия, после чего граф представил своего друга дону Андресу.

Хозяину очень понравился молодой человек, такой красивый и изящный, и он принял его самым сердечным образом. Граф и барон пошли в свои комнаты, за ними последовал погонщик мулов, который был не кем иным, как Лоисом.

Как только багаж сняли с мулов и внесли в комнаты, барон (мы пока будем называть его так) щедро расплатился с погонщиком, который рассыпался в благодарностях, забрал своих мулов и постарался как можно скорее покинуть гасиенду, опасаясь встретить здесь кого-либо из знакомых.

Оставшись одни, молодые люди поставили у дверей Рембо, чтобы их никто не подслушал, а сами сели в спальне поговорить. Людовик сообщил барону все необходимое, описал людей, с которыми ему придется общаться, и особенно подробно остановился на доне Мельхиоре, советуя не доверять ему. Главное, барон должен помнить, что плохо понимает по-испански.

— Я долго жил среди краснокожих, — ответил барон, — и хорошо усвоил всю их науку. Вы будете удивлены, когда увидите, как хорошо я играю свою роль.

— Признаться, вы уже превзошли мои ожидания!

— Вы мне льстите. Постараюсь оправдать ваше доверие.

— Надеюсь, — сказал граф, смеясь, — ведь мы с вами школьные друзья!

— Да, с самого детства знакомы, — в тон графу ответил барон.

— Не перейти ли нам на ты?

— Пожалуй. Это пойдет на пользу дела.

— Итак, решено, мы переходим на ты!

Молодые люди, смеясь, пожали друг другу руки. В этот момент они и в самом деле были похожи на школьников, вырвавшихся на свободу.

Вскоре граф представил своего друга донье Долорес и ее брату. Донья Долорес приветливо улыбнулась в ответ на слова барона, которыми тот обратился к ней.

Дон Мельхиор ограничился молчаливым кивком головы, бросив на незнакомца подозрительный взгляд.

— Этот Мельхиор настоящий гад, — сказал барон, оставшись наедине с графом.

— Совершенно согласен с тобой! — ответил граф.

После обеда донья Долорес предложила гостям пойти на ее половину.

Во дворе они встретили дона Мельхиора, он не сказал им ни слова, но смотрел вслед, пока они не скрылись в доме.

Прошел месяц. Ничего сколько-нибудь значительного на гасиенде не произошло.

Граф с другом часто выезжали в сопровождении мажордома то на охоту, то просто на прогулку. Изредка вместе с ними отправлялась донья Долорес.

Теперь, когда граф постоянно бывал с другом, его общество меньше стесняло девушку, напротив, он его находила приятным. Она благосклонно принимала ухаживания графа, от души смеялась его шуткам, и вообще относилась к нему вполне доверительно. Но предпочтение отдавала барону. То ли потому, что он был ниже ее по положению, то ли из женского кокетства, но ей нравилось играть с этим человеком, о чьей скрытой силе она и не подозревала. Хотелось испытать свои чары на этом неискушенном юноше. Доминик не замечал или делал вид, что не замечает всех нехитрых уловок девушки. Он был с ней вежлив, предупредителен, но не больше, чтобы не вызвать ревности человека, к которому питал дружеские чувства. Он знал, что граф скоро станет мужем доньи Долорес.

Политические события между тем разворачивались с поразительной быстротой. Разведчики Хуареса уже появились в окрестностях гасиенды. Ходили слухи о том, что владения некоторых испанцев взяты приступом, преданы огню и разграблены, а хозяева их убиты.

Беспокойство в Аренале росло день ото дня. Дон Андрес, которому его испанское происхождение не сулило в будущем ничего хорошего, принимал все меры для предотвращения грядущей беды. В семье не раз обсуждался вопрос о переселении в город, но дон Мельхиор слышать об этом не хотел и по-прежнему вел себя в высшей степени странно. Невозможно было объяснить его замкнутость и отчужденность, не говоря уже о постоянных отлучках.

Оливье двно относился к Мельхиору с подозрением, имея на то веские основания. Недаром он решил привести на гасиенду Доминика под видом барона де Мериадек.

Все это усиливало антипатию графа к брату доньи Долорес, возникшую при первой же встрече с Мельхиором.

После долгих размышлений граф решил поделиться

своими опасениями с Домиником и Лео Карралем. Как-то вечером граф заметил, что дон Мельхиор верхом направляется к воротам, и удивился, как решается молодой человек один пускаться в дорогу так поздно (было около девяти часов вечера), в такую темную ночь, не боясь рыскающих в окрестностях гасиенды солдат Хуареса.

У графа не оставалось больше сомнений насчет Мельхиора, и он решил тотчас же переговорить с друзьями. Лео Карраль в это время как раз проходил через двор, и Людовик его подозвал.

— Куда вы спешите? — спросил граф мажордома.

— Что-то мне нынче очень тревожно, ваше сиятельство, и я хочу объехать вокруг гасиенды.

— Может быть, это предчувствие, — задумчиво произнес граф, — не поехать ли и мне с вами?

— Я намерен осмотреть также окрестности.

— Хорошо, велите оседлать лошадей для меня и дона Доминика, мы присоединимся к вам.

— Только не берите никого из прислуги, отправимся втроем, у меня есть план, и я опасаясь лишних глаз и ушей!

— Согласен! Через десять минут мы будем готовы!

— Лошадей я поставлю у ворот первого двора. Полагаю, вы понимаете, что необходимо захватить оружие?

— Будьте спокойны!

Граф вошел в дом, рассказал все Доминику, и вскоре оба они вышли из дома. Мажордом уже дожидался их у ворот.

— Вот и мы! — сказал граф.

— Ну, так в путь! — коротко ответил Лео Карраль.

В полном молчании выехали они с гасиенды, бесшумно закрыв ворота.

Спуск к полям проехали крупной рысью.

— Что это? — воскликнул вдруг граф, — Почему не слышно топота копыт? Лошади под нами или бесплотные духи?

— Тише, ваше сиятельство, — ответил мажордом, — здесь повсюду шпионы. А топота копыт не слышно потому, что на них надеты кожаные мешочки с песком.

— Черт возьми! Очевидно, мы отправляемся в тайную экспедицию?

— Да, ваше сиятельство, и очень важную!

— В чем же дело?

— Я не доверяю дону Мельхиору.

— Но дон Мельхиор — сын дона Андреса и его наследник!

— Зато его мать — индианка Цапотек, не знаю, чем только она прельстила моего господина! Ни ума, ни красоты, а о характере и говорить не приходится.

Мать умерла во время родов и перед смертью умоляла дона Андреса позаботиться о ребенке. Дон Андрес его усыновил и воспитал как законного сына, тем более что от второго брака у него была только дочь.

— Теперь кое-что проясняется, — заметил граф.

— Вначале все шло хорошо, дон Мельхиор надеялся после смерти отца получить наследство, но около года назад мой господин получил какое-то письмо, и после этого у него был долгий разговор с сыном.

— Да, в этом письме говорилось о моем скором приезде и предстоящем замужестве доньи Долорес.

— Вполне возможно, только никто не знал, чем кончилось объяснение отца с сыном. Мельхиор, и без того мрачный, замкнулся в себе и ни с кем не общался. С отцом почти не разговаривал, лишь в случае необходимости. Домосед, он вдруг пристрастился к охоте и, бывало, несколько дней не возвращался домой. Ваш приезд ускорил события. Дон Мельхиор, видя, что богатство, на которое он так рассчитывал, ускользает из рук, готов теперь на все, даже на преступление, чтобы овладеть им. Рассказать вам все это я счел своим долгом, ваше сиятельство, и сделал это с самыми добрыми намерениями.

— Все ясно! Я убежден, как и вы, что Мельхиор собирается предать человека, которому обязан всей жизнью. Отца!

— Знаете, что я по этому поводу думаю? — сказал Доминик. — Если представится случай, послать пулю в лоб этому негодяю и избавить от него мир!

— Вполне с вами согласен! — с улыбкой ответил граф.

В это время они спустились с горы и достигли равнины.

— Ваше сиятельство, здесь начинается самый опасный отрезок дороги, — сказал мажордом, — надо принять все меры предосторожности. Главное — ничем не выдать своего присутствия.

— Не беспокойтесь, мы будем немые, как рыбы, езжайте вперед, мы за вами последуем, шаг в шаг, как идейцы во время военных походов.

Они продвигались довольно быстро по лабиринту тропинок, где любой мог бы заблудиться, но не Лео Карраль.

Как мы уже выше сказали, ночь выдалась безлунная, небо было затянуто тучами. Тишину вокруг время от времени нарушали лишь крики птиц.

Так шли они около получаса. Наконец, мажордом остановился и сказал:

— Мы прибыли. Слезайте с коней, здесь нам ничто не грозит.

— Не показались ли вам странными крики птиц? — спросил вдруг Доминик. — Птицы так не кричат.

— Вы правы, — ответил Лео Карраль, — это перекликались часовые противника. Они обнаружили нас, но мне удалось сбить их со следа благодаря темноте и хорошему знанию местности. Они ищут нас в противоположной стороне.

— Я так и предполагал! — сказал Доминик.

Граф слушал этот разговор с большим интересом, но мало, что понимал. Впервые в жизни ему пришлось участвовать в подобной экспедиции, и он даже не подозревал, что проехал через цепь несприятельских аванпостов, что не раз был на расстоянии выстрела от часового, что чудом избежал смерти.

— Господа! Снимите с копыт лошадей мешки — они больше не понадобятся, а я пока зажгу факел! — сказал Лео Карраль.

Молодые люди с готовностью выполнили этот приказ, видя в Лео Каррале истинного вожака этого рискованного похода.

— Готово? — спросил Лео.

— Готово, — ответил граф, — но вы, вероятно, не зажгли факела, по-прежнему темно.

— Я зажег, но пользоваться им здесь опасно. Следуйте за мной!

Лео Карраль пошел впереди, остальные за ним, ведя в поводу лошадей.

Вскоре вспыхнул огонь, и они поняли, что находятся в пещере, откуда свет факела не проникал наружу.

— Где это мы, черт возьми? — спросил с удивлением граф.

— Как видите, ваше сиятельство, в пещере!

— Вижу! Но ведь не просто так вы нас сюда привели?

— Сейчас объясню. Эта пещера сообщается с гасиен-

дой, отсюда на гасиенду есть два выхода и несколько выходов в поле. Один выход на гасиенду известен только мне. Второй я сегодня завалил, опасаясь, как бы Мельхиор не обнаружил эту пещеру, я решил проверить, все ли в порядке, и заложить все проходы, исключить возможность вторжения врага этим путем.

— Браво, Лео Карраль, в камнях здесь нет недостатка, и мы можем сейчас же приняться за работу.

— Погодите, ваше сиятельство, прежде надо проверить, не опередил ли нас кто-нибудь.

— Вряд ли это возможно.

— Вы думаете? — не без иронии заметил Лео Карраль.

С этими словами он взял факел и, наклонившись, принялся внимательно осматривать землю. Потом выпрямился и с уст его сорвалось проклятье.

— Что с вами? — в один голос спросили молодые люди.

— Взгляните! — ответил он, указывая на землю.

Граф подошел, посмотрел.

— Да, нас определили! — воскликнул Лео Карраль.

— Объяснитесь же, наконец, я ничего не понимаю! — вскричал граф.

— Друг мой, — сказал Доминик, — видишь следы на песке? Они расходятся в разные стороны!

— Ну и что же?

— А то, что эти следы, возможно, оставили люди, которых Мельхиор повел в гасиенду, и сейчас они там.

— Нет, следы свежие, нас опередили всего на несколько минут. Но ничего, в конце они наткнутся на стену, я ее построил, и не так-то легко ее разрушить. Не будем отчаиваться. Бог нам поможет, и мы вовремя успеем на гасиенду. Поспешите же, лошадей оставьте! Само небо подсказало мне не заваливать второй проход, — и, размахивая факелом, мажордом с молодыми людьми бросился вперед.

Верхняя дорога, по которой они ехали к пещере, огибала холм, где стояла гасиенда. К тому же они двигались с величайшей осторожностью, чтобы не натолкнуться на врагов. Теперь же они бежали прямо, подземными ходами, и менее чем за четверть часа достигли гасиенды.

— Будите ваших людей, а я тем временем ударю в колокол, — сказал мажордом, — может быть, еще удастся спасти гасиенду!

Он бросился к колоколу, звон его вскоре поднял на но-

ги всех обитателей гасиенды. Полуодетые, обезумев от страха, они высыпали во двор.

— К оружию, к оружию! — кричали молодые люди. В нескольких словах они рассказали дону Андресу в чем дело, и пока он отдавал распоряжения по защите гасиенды, мажордом с двумя молодыми людьми и их слугами направился в сад.

Людовик и донья Долорес успели обменяться несколькими словами:

— Я иду в комнаты отца! — сказала девушка.

— Сейчас я буду там.

— Я надеюсь на вас, дон Людовик!

— Клянусь вам! Я сделаю все, что в моих силах!

— Благодарю.

В саду отчетливо слышны были удары. Это враги пытались пробить ход на гасиенду.

Защитники расположились за деревьями на расстоянии пистолетного выстрела от подземного хода.

— Только разбойники, — вскричал граф, — могут грабить мирных жителей.

— Что они разбойники, в этом вы скоро убедитесь, — насмешливо заметил Доминик.

— Будьте наготове, крикнул граф, — окажем гостям достойный прием.

Удары в подземелье между тем все усиливались, отвалился камень, за ним другой, третий — образовалось довольно широкое отверстие в стене.

Разбойники с победными возгласами устремились вперед, но были встречены ружейными выстрелами.

Битва началась.

Приступ

Несколько разбойников были убиты наповал, остальные в страхе отступили. Они не ожидали отпора, надсялись заставить обитателей гасиенды врасплох. И теперь им оставалось либо прокладывать себе дорогу под градом пуль, либо уйти.

Но владелец гасиенды был богат. Здесь было чем пожить. Как же могли бандиты отказаться от осуществления своего плана, давно задуманного и тщательно разработанного. Оборонявшиеся между тем открыли такой огонь, что разбойники высунуть голову не осмеливались. Тогда их главари, снабдив всех кирками и молотами, решили выломать стену целиком. Они понимали, что только быстрым и внезапным нападением им возможно удастся сломить сопротивление защитников гасиенды.

Они ломают стену, — сказал граф Доминику. — И если прорвутся, нам не устоять.

— Ты прав, друг, положение у нас трудное!

— Что же делать? — спросил мажордом.

— Вот что! — вскричал, стукнув себя по лбу, Доминик. — Есть у вас порох?

— Уж чего-чего, а пороха у нас, слава Богу, хватит, только зачем он нужен?

— Велите тотчас же принести бочонок, а остальное я беру на себя.

Мажордом побежал за порохом.

— Что ты собираешься делать? — спросил граф Доминика.

— Сейчас увидишь, — ответил молодой человек, сверкая глазами. — Сил у нас мало, и разбойники рано

или поздно завладеют гасиендой, но они дорого за это заплатят.

— Не понимаю, что ты задумал!

— Скоро поймешь, — сказал Доминик. — Они хотят сломать стену, я им помогу!

В это время вернулся мажордом, везя на тачке три бочонка с порохом, каждый около ста двадцати фунтов.

— Три бочонка, — весело заметил Доминик, — тем лучше, на каждого из нас по одному!

— Что же ты все-таки задумал? Скажи наконец!

— Я хочу их взорвать. За мной! — крикнул Доминик. — Делайте все, что я буду делать.

Он вышиб дно у бочонка, граф и Лео Карраль последовали его примеру.

— А теперь, обратился он к слугам — отойдите назад и продолжайте стрельбу!

Слуги графа не пожелали покинуть своего господина и остались на месте. Доминик объяснил, как надо действовать.

Они захватили бочонки и, тихо переходя от дерева к дереву, приблизились к входу в пещеру. Разбойники, ломавшие стену под непрерывным огнем, боялись выглянуть наружу и не видели, что происходит на стороне осажденных. Тем временем молодые люди уже подошли к стене.

Доминик поставил у ее основания все три бочонка с порохом, зажег фитиль и сунул в один из бочонков.

— Теперь назад, скорее! — скомандовал он шепотом, — видите, стена вот-вот рухнет! — Он побежал. За ним остальные.

В это время обитатели гасиенды, человек сорок, с доном Андресом во главе, собрались в саду.

— Вы почему бежите? За вами разбойники гонятся? — спросил он молодых людей.

— Пока не гонятся, но они недалеко, — ответил Доминик.

— Где донья Долорес? — спросил граф.

— Она на моей половине вместе с другими женщинами.

— Стреляйте! — обратился Доминик к слугам, и те снова открыли огонь.

— Рембо, — тихим голосом сказал граф, — на всякий случай отправляйтесь с Лоисом в конюшни и оседлайте

пять лошадей, одну — под дамское седло. Вы меня понимаете?

— Да, господин граф!

— Будете ждать меня в саду! Не забудьте только захватить оружие.

Слуга удалился с невозмутимым видом.

— Ах, Боже мой! Как жаль, что с нами нет Мельхиора! — промолвил дон Андрес со вздохом.

— Не беспокойтесь, он скоро появится! — заметил насмешливо граф.

— Взгляните! Что там такое? — вскричал Доминик.

Все посмотрели в указанном направлении. Стена быстро рушилась под ударами разбойников, наконец, от нее отвалилась целая глыба и упала неподалеку.

Разбойники побросали крики, схватили оружие и ринулись вперед. Вдруг раздался оглушительный взрыв, земля задрожала, облако дыма поднялось к небу, во все стороны полетели обломки.

Вопли и стоны огласили окрестности, потом наступила мертвая тишина.

— Вперед! — крикнул Доминик.

Порох сделал свое дело: вход в подземелье оказался заваленным, и пройти туда теперь не было ни малейшей возможности. Между обломками валялись убитые. Это ужасное зрелище скрыло от посторонних глаз подземелье.

— Слава Богу — мы спасены! — вскричал дон Андрес.

— Если теперь на нас не нападут с другой стороны, — возразил мажордом.

И будто в подтверждение его слов послышались выстрелы, крики, загорелись хозяйственные постройки на гасиенде. Зловещий свет озарил окрестности.

— К оружию, к оружию! — закричали слуги.

Скоро в зареве пожара появились черные силуэты, не меньше сотни, они мчались, потрясая оружием и испуская яростные вопли.

Впереди с саблей в одной руке и факелом в другой бежал молодой человек.

— Дон Мельхиор! — в отчаянии вскричал старик.

— Черт возьми! Я его попридержу! — сказал, прицелившись, Доминик.

Дон Андрес схватил его за руку, и пуля пролетела мимо.

— Ведь это мой сын! — промолвил дон Андрес.

— Уверен, вы раскаетесь в том, что спасли ему жизнь, — холодно произнес Доминик, и вместе с графом они увели старика в дом, все входы слуги забаррикадировали и открыли из окон огонь по разбойникам.

Дон Мельхиор был связан с людьми Хуареса.

Мажордом сказал графу всю правду. Мельхиор, узнав о предстоящем браке сестры, понял, что на наследство ему теперь рассчитывать нечего, и решил пойти на все, чтобы богатство не ускользнуло из рук. Он вошел в сговор с Гилляром, пообещав на определенных условиях сдать гасиенду. Гилляр пообещал, хотя обещания своего выполнить не собирался. Было условлено, что половина отряда под началом опытных и смелых офицеров попытается неожиданно напасть на обитателей гасиенды, застав их врасплох и проникнув туда через подземный ход, а вторая половина во главе с Гилляром и Мельхиором нападет со стороны хозяйственных построек, слабо защищенных.

Гилляр не знал еще, что половина его отряд погибла. С оставшимися при нем солдатами он вел жестокий бой с защитниками гасиенды, которые сражались не на жизнь, а на смерть, только бы не попасть в руки шайки Гилляра, самой жестокой из всех.

Гилляр не ожидал такого отчаянного, упорного сопротивления и был в бешенстве, тем более что он не знал о судьбе второй половины отряда, которая давно должна была присоединиться к нему.

Взрыв он слышал, но не придал ему никакого значения. Он уже собирался отправить людей на поиски неизвестно куда исчезнувших солдат, как вдруг услышал победные возгласы и увидел в окнах гасиенды потрясавших оружием бандитов. Им удалось проникнуть на гасиенду благодаря Мельхиору. В то время, как главные силы осаждали дом с фасада, Мельхиор с несколькими головорезами залез в окно, про которое в суматохе забыли, и неожиданно появился в доме со своими людьми.

Началась резня. Никакие мольбы о пощаде не помогали. Слуг убивали и через окна выбрасывали во двор.

Наконец, они достигли большого зала. Двери были настежь распахнуты, но бандиты невольно остановились при виде открывшегося их глазам зрелища.

В зале зажжены были свечи, и он весь сиял.

Один угол был забаррикадирован. Там находились донья Долорес, женщины и дети. Перед баррикадой не-

подвижно стояли дон Андрес, граф, Доминик и Лео Карраль. У каждого в одной руке был пистолет, в другой — ружье.

Перед ними стояли два бочонка с порохом.

— Осторожно, кабальеро! — раздался голос графа. — Еще шаг, и мы все взлетим на воздух.

Бандиты застыли на месте. Они сразу поняли, что с графом шутки плохи.

Дон Мельхиор в бешенстве затопал ногами.

— Чего вы хотите?

— От вас ничего, мы честные люди и с такими, как вы, дела не имеем.

— Вы будете убиты, проклятые французы!

— Не советую вам приводить вашу угрозу в исполнение! — сказал граф, направив дуло пистолета на один из бочонков.

Бандиты с криками попятились назад.

— Не стреляйте, не стреляйте! Сейчас придет полковник!

Появился Гилляр. Этому разбойнику нельзя было отказать в смелости.

Он протиснулся вперед, вежливо поклонился дону Андресу и молодым людям и, небрежно свернув сигарету, окинул их насмешливым взглядом.

— Прекрасно, прекрасно, кабальеро! — весело сказал он. — Вы отлично придумали! Примите же мою похвалу! Эти французы, — продолжал он, сам с собой рассуждая, чертовски изобретательны, из любого положения найдут выход. Вот и сейчас готовы отправить нас в рай.

— Вы совершенно правы, мы это сделаем, если потребуется.

Некоторых ваших солдат мы уже отправили в мир иной.

— Что вы сказали, — спросил, бледнея, Гилляр. — Каких солдат?

— Тех, что лежат в подземелье, — спокойно ответил граф. — Вы можете их там найти!

При этих словах бандитов проняла дрожь. Наступило молчание, Гилляр размышлял.

Наконец, он поднял голову, огляделся. Лицо его было совершенно спокойно.

— Не подать ли вам огня? — спросил Доминик, подходя к Гилляру со свечой в руке. — Закуривайте, пожалуйста!

Гилляр зажег сигарету.

— Весьма вам признателен, сеньор! — сказал он, возвращая свечу, и продолжал: — Итак, вы хотели бы знать, каковы будут условия вашей капитуляции?

— Вы ошибаетесь, сеньор, — спокойно возразил граф, — не нашей, а вашей. Условия будем ставить мы!

— Вы? — с удивлением воскликнул полковник.

— Да, мы, ваша жизнь в наших руках.

— Позвольте, — заметил Гилляр, — ведь вы вместе с нами взлетите на воздух!

— Мы к этому готовы!

— Оставим препирательства, — сказал Гилляр, — и перейдем к делу. Мы — люди дела. Чего вы желаете?

— Сейчас я вам объясню! — ответил граф.

После битвы

Гилляр с невозмутимым видом курил свою сигарету. Левая рука его лежала на длинной сабле в ножнах до самого пола. Поза у него была непринужденная, взгляд — добродушный, он с наслаждением курил, выпуская кольца ароматного дыма.

— Извините, господа, — сказал он, — прежде чем приступить к делу, я хотел бы вам кое-что сказать.

— Мы слушаем вас, сеньор! — ответил граф.

— Мы можем договориться, это мое искреннее желание, только не требуйте невозможного. Я думаю, мне не надо вам объяснять, что я, как и вы, готов к самому худшему. Потому что чувствую, что рано или поздно закончу так свою жизнь. К тому же в столь очаровательном обществе приятно отправиться даже в ад.

Несмотря на иронический тон, граф понял, что Гилляр полон решимости и не дрогнет перед опасностью.

— Мы и не собираемся требовать невозможного. Просто хотим воспользоваться своим преимуществом.

— Вполне разделяю ваше желание, но я неплохо знаю французов, их часто заносит.

— Не беспокойтесь, — невозмутимо ответил граф, — с нами этого не случится. Мы не потребуем, чтобы вы покинули гасиенду, ибо прекрасно понимаем, завтра вы снова будете здесь.

— До чего же вы проникательны, сеньор. Но давайте поговорим о деле.

— Я готов. Итак, вы нам вернете оставшихся в живых слуг.

— Согласен!

— Вместе с их оружием, лошадьми и небогатым имуществом.

— Тоже согласен. Дальше!

— Вы позволите нам уехать, куда мы пожелаем: дону Андресу де ля Крусу, его дочери, мажордому Лео Карралю, моему другу, мне, а также женщинам и детям, которые здесь находятся.

Гилляр поморщился.

— Что еще?

— Вы не ответили, согласны вы на это?

— Согласен. Что дальше?

— Я и мой друг — иностранцы, французы, и, насколько мне известно, Мексика пока не воюет с моим отечеством.

— Пока, вы верно сказали, — насмешливо заметил Гилляр.

— Потому мы вправе надеяться на ваше покровительство.

— Но вы против нас сражались?!

— Да, чтобы защитить себя. Мы не нападали.

— Чего же вы хотите?

— Увезти все наше имущество!

— Это все?

— Почти. Принимаете вы наши условия?

— Принимаю!

— В таком случае, остается исполнить одну маленькую формальность.

— Какую именно?

— Речь идет о заложниках.

— Разве я не обещал вам их освободить?

— Обещали!

— Так чего же вам еще надо?

— Я уже сказал, речь идет о заложниках. Вам, допустим, я мог бы доверить жизнь друзей и свою, но ваши солдаты способны на все! Кто поручится, что они не ограбят нас или того хуже. Ведь у вас не регулярные войска, где дисциплина и порядок.

Гилляр, польщенный словами графа, сказал с улыбкой:

— Возможно, вы и правы. Сколько же вам нужно заложников?

— Всего только одного. Как видите, немного!

— Да, в самом деле. Кого же именно?

— Вас, — коротко ответил граф.

— Черт возьми! — воскликнул Гилляр. — Ваш выбор недурен. Меня одного вам вполне достаточно! Только вряд ли я соглашусь. Кто поручится за мою жизнь?

— Я могу поручиться! А французский дворянин слов на ветер не бросает, — с достоинством ответил граф.

— Ну что же, — продолжал Гилляр с деланным добродушием, придававшим ему необыкновенное обаяние, — я согласен проверить, как умеют французы держать свое слово, чем они так гордятся. Я стану вашим заложником, но сколько времени я должен пробыть у вас? Для меня это важно.

— Вы проводите нас до города и можете возвращаться. Если хотите, возьмите с собой человек десять в сопровожающие.

— Хорошо! Теперь я ваш кабальеро. Дон Мельхиор, пока меня не будет, отряд возглавите вы!

Граф что-то шепнул на ухо мажордому и снова обратился к Гилляру:

— Сеньор, прикажите, пожалуйста, привести наших слуг, а Лео Карраль сделает необходимые распоряжения относительно нашего отъезда.

Гилляр велел своим людям привести слуг. Одежда на них была изорвана, вся в крови, их осталось человек пятнадцать. Но оружие им вернули, согласно условиям.

Гилляр, не дожидаясь приглашения, прошел за баррикаду.

Дон Мельхиор понимал всю неловкость своего положения, особенно теперь, когда остался один на один с обитателями гасиенды. Он хотел было улизнуть, но дон Андрес обратился к нему повелительным тоном:

— Остановитесь, Мельхиор, мы не можем просто так расстаться, тем более, что вряд ли придется еще когда-нибудь встретиться. Нам надо объясниться!

Дон Мельхиор вздрогнул, лицо его покрылось бледностью, но он тут же взял себя в руки, гордо вскинул голову и спросил:

— Что вам от меня нужно? Говорите, я слушаю!

В продолжение какого-то времени старик смотрел на сына со смешанным чувством гнева, любви, грусти, презрения. Наконец, сделав над собой усилие, он заговорил:

— Вы хотели бежать? Не потому ли, что содеянное вами внушает вам ужас? Или же вы в ярости оттого, что не удалось убить меня, вашего отца? Бог помешал вашим

гнусным замыслом, а меня наказал за мою слабость, за то, что я принял вас в свое сердце. Я дорого за это заплатил, но теперь, наконец, пелена спала с моих глаз. Будьте вы прокляты! И пусть это проклятье вечно тяготеет над вами! Уходите же! Я не желаю больше вас видеть!

Куда девалась наглость Мельхиора! Под тяжестью устремленного на него сверкающего взгляда отца он побледнел, задрожал, низко опустил голову и стал медленно пятиться назад, словно увлекаемый какой-то неодолимой силой. Разбойники с ужасом расступились перед ним.

Воцарилось тягостное молчание, даже разбойники не остались равнодушными к отцовскому проклятью.

Первый пришел в себя Гилляр.

— Напрасно вы это сделали, — сказал он дону Андресу.

— Я знаю, — ответил грустно старик, — он не простит мне этого. Но что может он еще сделать, изломав мне жизнь!

Дон Андрес поник головой и погрузился в глубокое раздумье.

— Остерегайтесь его, — сказал Гилляр, — я знаю дона Мельхиора. В его жилах течет кровь индейца!

В это время к старику подошла донья Долорес и села рядом с ним. Но старик был ко всему безучастен, он даже не заметил приближения дочери.

Девушка взяла его руки в свои, нежно поцеловала, и ее ласковый голос постепенно успокоил дона Андреса.

— О, дорогой отец! Взгляните на меня, вашу дочь. Я обожаю вас! Не предавайтесь отчаянию. Неужели вы разлюбили меня?

Дон Андрес поднял мокрое от слез лицо и привлек к себе дочь.

— О, я — неблагодарный, — сказал он с глубоким чувством, — я усомнился в бесконечной доброте Всевышнего. У меня есть дочь, я не одинок, и не все еще потеряно.

— Да, отец, Господь послал вам испытание, но Он не покинет вас в вашей горе, ваш неблагодарный сын расскается, снимите с него проклятье и позвольте на коленях вымолить прощение! Он не может не любить вас, такого благородного, доброго, великодушного!

— Никогда больше не упоминай мне об этом человеке, — ответил старик суровым голосом, — он для меня больше не существует, у тебя нет брата, да никогда и не было. Прости, что я тебя обманул, этот негодяй никогда

не был членом нашей семьи. Я сам заблуждался, полагая, что это чудовище мой сын.

— Успокойтесь, отец, ради Бога!

— Не покидай меня, дитя мое, будь рядом со мной, чтобы я не чувствовал себя одиноким и смог побороть отчаяние. Повторяй, что ты меня любишь, эти слова словно бальзам для моей души.

Разбойники тем временем разбежались по дому, грабя и разрушая все, что попадалось под руку, ломая замки. Только комнаты графа они не трогали согласно уговору. Слуги едва управлялись, навьючивая на мулов багаж. Разбойники сначала насмехались над ними, а потом предложили свои услуги и принялись помогать. Уговор есть уговор. Бандитам даже на пришлось в голову взять хоть что-нибудь себе из этих ценных вещей.

С их помощью багаж графа и Доминика был очень скоро навьючен на трех мулов, и оставалось только оседлать лошадей. Разбойники и за это охотно взялись.

Наконец, все приготовления к отъезду были закончены, и Лео Карраль вернулся в дом сообщить об этом.

— Господа! — сказал граф. — Как только вы пожелаете, можно ехать.

— Ну, так скорее, скорее в путь!

Они вышли из дома, окруженные разбойниками. Те криками выражали свое озлобление, но не смели приблизиться в страхе перед своим командиром.

Наконец все сели на лошадей. Гилляр приказал солдатам до его возвращения во всем повиноваться дону Мельхиору и велел трогаться. В караване было всего человек шестьдесят, включая детей и женщин, уцелевших во время резни. До нападения на гасиенде было не менее двухсот слуг.

Гилляр ехал впереди, по правую руку от графа, за ними — донья Долорес, между отцом и Домиником, далее следовали слуги и мулы во главе с Лео Карралем и в самом конце десять разбойников, сопровождавших Гилляра.

Они спустились с холма и вскоре выехали на равнину. Было два часа ночи, вокруг царил мрак, холод пронизывал до костей, и путники дрожали под своими плащами.

Минут через двадцать они выехали на дорогу и стали двигаться быстрее. До города оставалось не более пяти-шести лье, и они надеялись добраться туда на восходе солнца или чуть позднее.

Вдруг небо и все вокруг озарилось багряным светом — горела гасиенда.

При этом печальном зрелище дон Андрес печально вздохнул. Никто не проронил ни слова. Только Гилляр решился заговорить. Он убеждал графа в том, что война имеет свои жестокие законы, дон Андрес давно известен как приверженец Мирамона, врага Хуареса, и то, что произошло, вполне закономерно. Граф понимал, что спорить с этим человеком бесполезно, и потому не возражал. Уже три часа находились они в пути.

Небо стало светлеть, и на его фоне уже вырисовывались соборы с высокими колокольнями. Граф остановил караван и обратился к Гилляру.

— Сеньор, вы честно исполнили свой долг, примите же благодарность от меня и моих друзей. До города не более двух лье. И вы можете возвращаться обратно.

— Вы правы, сеньор, теперь я вам больше не нужен. Еще раз хочу выразить вам свое сожаление по поводу случившегося, но не моя в том вина.

— Пожалуйста, хватит об этом, — перебил его граф, — теперь уже ничего не исправишь, так стоит ли огорчать себя напрасными сожалениями.

Гилляр поклонился.

— Еще одно слово, граф! — сказал он шепотом. — До Пуэбло еще часа два пути. Будьте внимательны и осторожны!

— Что вы имеете в виду, сеньор?

— Неизвестно, что может случиться, повторяю вам, будьте осторожны.

— Прощайте, сеньор! — с поклоном ответил молодой человек.

Гилляр вежливо попрощался со всеми и вместе со своими молодчиками ускорил.

Граф задумчиво смотрел им вслед.

— Что с тобой, мой друг? — спросил Доминик.

Граф передал ему, что сказал на прощанье Гилляр.

Доминик нахмурился.

— Он что-то имел в виду. Но что? Во всяком случае, совет его надо принять к сведению.

Засада

Караван в полном молчании продолжал свой путь.

Предостережение Гилляра не шло у графа из головы. Доминик тоже встревожился. Но они об этом молчали, лишь пристально осматривали все вокруг, прислушиваясь к каждому звуку.

Было пять часов утра, время, когда природа на миг затихает, словно готовясь к грядущему дню. Все вокруг было окутано предрассветной дымкой и казалось призрачным, нереальным. Но постепенно, под лучами восходящего солнца, дымка рассеивалась, и в конце концов ночь отступила. Вдали вырисовывались верхушки городских зданий. Деревья, омытые росой, казались свежее, на листьях сверкали хрустальные капельки, колеблемые утренним ветерком ветви таинственно перешептывались. Завели свои песни птицы.

Караван с трудом продвигался по узкой тропинке, стиснутой с обеих сторон искусственными холмами, с плантациями агавы. Эти растения загораживали всю местность, и ее невозможно было просматривать.

Граф наклонился к Доминику:

— Друг мой, — сказал он так, чтобы остальные не слышали, — у меня недоброе предчувствие. Никак не могу забыть слова Гилляра, сказанные мне напоследок. В них предсказание какого-то страшного несчастья. Хотя ничто не предвещает его: город близко, а вокруг тишина.

— Именно тишина и тревожит меня, — ответил Доминик. — Мы здесь в ловушке. Лучшего места для засады не найдешь.

— Что же делать? — прошептал граф.

— Не знаю, единственное, что нам остается, принять все меры предосторожности. Пусть дон Андрес с доньей Долорес едут впереди, предупреди слуг, чтобы держали ружья наготове, а я пойду на разведку, и если обнаружу неприятеля, постараюсь сбить его со следа.

С этими словами Доминик соскочил с лошади, взял ружье и, взобравшись на холм, исчез в кустарнике.

Граф тем временем сделал все, как велел Доминик. Самым надежным и хорошо вооруженным слугам велел ехать в арьергарде и быть наготове, при этом не объяснив им, в чем дело, чтобы не поднимать паники. Мажордом, словно угадав намерения графа, не дожидаясь приказа, окружил дона Андреса с дочерью преданными слугами, а сам уехал вперед шагов на сто.

Донья Долорес еще не пришла в себя после событий последней ночи и машинально исполняла все, что ей велели, не вникая в суть дела и не сознавая опасности положения. Ее беспокоил только отец, впавший в протрацию.

На протяжении всего пути он, несмотря на мольбы дочери, не произнес ни слова, был бледен, ко всему безучастен и ехал, опустив голову. По телу его время от времени пробежала дрожь, в безжизненном взгляде застыла тоска.

Преданный господину и молодой госпоже Лео Карраль хорошо понимал, что в случае нападения старик не в силах будет пальцем пошевелить, и приказал слугам всячески его оберегать от опасности.

— Я вижу, вы тоже предчувствуете опасность! — сказал граф, знаком подозвав Лео Карраля.

Лео Карраль кивнул головой.

— Дон Мельхиор не успокоится, пока не отомстит.

— Вы считаете его способным на подобную низость?

— Этот человек ни перед чем не остановится.

— Что же, он — изверг?

— Нет, — ответил мажордом, — он метис, к тому же завистлив и самонадеян. Он хорошо знает, что без богатства ему не достичь ни славы, ни почета, а это для него главное в жизни. И он пойдет на все, чтобы добиться своего!

— Даже на убийство отца?

— Даже на убийство отца!

— Вы говорите такие страшные вещи!

— Что поделаешь, если это действительно так?

— Слава Богу, мы приближаемся к городу, а там нам уже ничего не страшно.

— Только приближаемся, но еще не доехали. Недаром говорят: «От кубка до рта целая пропасть».

— Надеюсь, что ничего страшного не случится.

— Я тоже надеюсь. Но вы меня звали, ваше сиятельство.

— Я вот что хочу вам сказать. В случае нападения скачите с доном Андресом и его дочерью в город, а мы постараемся задержать неприятеля.

— Даю вам слово, что к моему господину враги приблизятся только через мой труп. Будут еще какие-нибудь распоряжения, ваше сиятельство?

— Нет, больше ничего! Возвращайтесь на ваше место. И да поможет вам Бог!

Мажордом поклонился и вернулся к дону Андресу и его дочери.

В это время появился Доминик.

— Удалось тебе что-нибудь разузнать? — спросил граф.

— И да и нет! — ответил вполголоса Доминик.

Он был мрачен, брови нахмурены. При взгляде на него граф еще больше встревожился.

— Говори же, в чем дело?

— Ты все равно не поймешь, — ответил Доминик.

— Может быть и пойму! Говори!

— Справа, слева и позади дорога свободна — я в этом убедился. Опасность ждет впереди, ближе к городу!

— Как ты это определил?

— По особым, мне одному понятным приметам. Живя в прериях, я научился распознавать их с первого взгляда. Там иначе нельзя, за неосторожность заплатишься жизнью. Так вот, слушай. От самого Ареналя за нами ехал многочисленный отряд, только не по нашей дороге, а правее, на расстоянии ружейного выстрела. В полулье отсюда они сделали крюк, взяв влево, но потом прибавили ходу, перегнали нас и теперь едут по нашей тропинке. А мы следом за ними.

— Что же ты из этого заключаешь?

— А то, что положение наше хуже некуда. Врагов слишком много, чтобы мы могли с ними справиться. Тропинка постепенно сужается и становится круче, минут через пятнадцать-двадцать мы выедем к равнине. Там враг нас и подстерегает.

— Я все понимаю, но, к несчастью, мы не можем избежать опасности и будем двигаться только вперед.

— Это очень печально, — промолвил Доминик со вздохом, бросив взгляд на донью Долорес. — Если бы дело касалось только нас, молодых мужчин, все было бы очень просто. Мы дорого продали бы свою жизнь. Но с нами старик и юная девушка. Наша гибель их не спасет.

— Мы сделаем все, чтобы оградить их от опасности.

Они пустили лошадей вскачь и достигли места, где тропинка круто поворачивала на равнину.

— Приготовиться, — шепотом приказал граф. Но едва проехали поворот, как все в ужасе остановились.

Тропинка была завалена деревьями, камнями, сучьями. В засаде было человек десять. Со всех сторон сверкало на солнце оружие. Впереди гордо восседал на коне дон Мельхиор.

— У каждого свой черед, — сказал он, злобно расхохотавшись. — На этот раз, кабальеро, ваша жизнь в моих руках и условия буду диктовать я.

— Подумайте, прежде чем исполнить свое намерение, сеньор! Вы опозорите своего командира, с которым мы честно договорились.

— Мы не солдаты регулярного войска. Мы — партизаны, — ответил Мельхиор, — и ведем войну по своим правилам. Поэтому нам все равно, что о нас думают. А вот в вашем положении чем праздно рассуждать, не лучше ли поинтересоваться, на каких условиях я соглашусь вас пропустить?

— Условий мы никаких не примем, кабальеро, мы прорвемся силой, чего бы это нам ни стоило.

— Попробуйте! — с издевкой произнес Мельхиор и скомандовал своим солдатам: — Пли!

На путников градом посыпались пули.

— Вперед! Вперед! — крикнул граф.

Слуги знали, что им не одолеть противника, но сражались они с необыкновенным мужеством.

Дон Андрес вырвался от дочери и с одной только саблей в руках ринулся в бой.

Натиск был так силен, что слуги пробились через заграждение и сошлись лицом к лицу с противником, пустив в ход холодное оружие.

Враги, окопавшиеся на холмах, не решались стрелять, опасаясь в общей свалке ранить своих.

Дон Мельхиор никак не ожидал такого сопротивления. Он рассчитывал на легкую победу, ибо находился в вы-

годном положении. И сейчас, когда надежды его не оправдались, наглость уступила место страху. Одержит ли он победу, все обошлось бы. Но что скажет Гилляр сейчас, когда узнает о гибели своих самых храбрых солдат?

Между тем сражавшихся слуг оставалось все меньше и меньше.

Лошадь под доном Андресом пала, но старик, несмотря на раны, продолжал сражаться.

Вдруг у него вырвался вопль отчаяния. Дон Мельхиор как тигр бросился на слуг, окружавших донью Долорес, и, опрокидывая и убивая их, схватил девушку и ускакал, бросив на произвол судьбы своих солдат. Солдаты же, видя всю бессмысленность этой страшной резни, рассеялись в разные стороны, освобождая каравану дорогу.

Похищение доньи Долорес произошло так быстро и неожиданно, что никто этого не заметил, пока не раздался крик дона Андреса.

Граф и мажордом бросились в погоню за доном Мельхиором.

Мельхиор мчался с быстротой ветра, под ним был отличный конь, кони преследователей устали и бежали из последних сил.

Доминик осторожно поднял лежавшего на земле тяжело раненного дона Андреса и сказал ему:

— Не отчаивайтесь, сеньор, я спасу вашу дочь!

Старик с благодарностью взглянул на него и лишился чувств.

Доминик же, перепоручив старика заботам слуг, вскочил на лошадь и тоже поскакал за похитителем.

Он понял, что дон Мельхиора не догнать и что скоро он скроется из виду, но дон Мельхиор вдруг свернул и стал забирать вправо, казалось, еще немного, и он приблизится к своим преследователям, которые, в свою очередь, старались перерезать ему дорогу. Доминик остановил лошадь, спешил и взвел курок. Судя по всему, дон Мельхиор вскоре должен был очутиться шагах в ста от него.

Доминик осенил себя крестным знамением, прицелился и спустил курок.

Конь дона Мельхиора с простреленной головой рухнул на землю.

В это время вдали показался отряд верховых, они мчались к засаде.

Впереди ехал Гилляр.

Он подскакал к Мельхиору, опередив графа и мажордома.

Мельхиор тем временем, преодолевая боль, поднялся с земли и попытался поднять лежавшую без чувств донью Долорес.

— Черт возьми! — вскричал Гилляр. — Вы, сеньор, поступаете, как вам вздумается, устраиваете засады. Но прежде чем снова с вами связаться, я лучше сверну себе шею!

— Сейчас не время для шуток, — ответил дон Мельхиор, — моя сестра лежит без сознания!

— А кто виноват? — крикнул Гилляр. — Чтобы похитить свою сестру, неизвестно зачем, вы пожертвовали двадцатью храбрыми солдатами! Но больше такое не повторится, клянусь! Теперь все кончено!

— Что вы хотите этим сказать? — надменно спросил дон Мельхиор.

— Я попросил бы вас доставить мне удовольствие и убраться отсюда, куда вам будет угодно, только не в одном со мной направлении. Я не желаю вас знать! Надеюсь, вы меня поняли?

— Хорошо понял, сеньор, и не собираюсь злоупотреблять вашим терпением. Дайте мне двух лошадей, для меня и сестры, и я тотчас уеду.

— Лошадей? Больше вы ничего не хотите? Что же до вашей сестры, то вряд ли вам позволят ее увезти. Видите? Сюда приближаются три всадника!

Дон Мельхиор понял, что сопротивление бесполезно, скрестил руки на груди и, бледный от злобы, с вызывающим видом ждал.

Гилляр, между тем, пошел всадникам навстречу. Увидев его, граф, Доминик и Лео Карраль, а это были они, встревожились. Кто знает, что у этого бандита на уме?

Гилляр рассеял их сомнения, сказав:

— Вы вовремя подросли, сеньоры. Надеюсь, вы не заподозрили меня в непорядочности и верите, что никакого отношения я ко всему этому не имею?

— Разумеется, — вежливо ответил граф.

— Весьма вам за это признателен. Как я понимаю, вы хотите увезти эту молодую особу?

— Совершенно верно, сеньор!

— А если я не позволю вам? — спросил Мельхиор.

— Я разmozжу вам голову, сеньор, — холодно произнес

Гилляр. — Лучше не сердите меня, а убирайтесь по-хорошему, не то я отдам вас в руки ваших врагов.

— Что же, я уйду, мне ничего больше не остается, — с затаенной обидой ответил дон Мельхиор и обратился к графу: — Мы еще встретимся, сеньор, и, надеюсь, силы тогда будут равны.

— Вы уже раз просчитались. Бог мне помог и, если понадобится, снова поможет!

— Это мы еще увидим! — глухо сказал Мельхиор, намереваясь удалиться.

— Не желаете ли узнать, что с вашим отцом? — гневно спросил Доминик.

— У меня нет отца! — в ярости вскричал дон Мельхиор.

— Вы правы, нет! — с презрением ответил граф. — Потому что вы убили его!

Дон Мельхиор вздрогнул, бледность покрыла его лицо, на губах появилось подобие улыбки и с криком:

— Дорогу! Дорогу убийце! — он стал удаляться.

Все расступались, с ужасом глядя на него.

— Да, сущий дьявол, — сказал Гилляр, качая головой и крестясь. Глядя на него, перекрестились и солдаты.

Доминик бережно взял на руки донью Долорес, положил на лошадь графа и повез.

Наконец, все, вместе с Гилляром, возвратились к дону Андресу. Слуги уже успели перевязать ему раны.

Граф распорядился соорудить из веток носилки, постелить плащи и положить на носилки дона Андреса с дочерью. Старик все еще не приходил в себя.

На прощанье Гилляр сказал графу:

— Нет слов, чтобы выразить вам свое сочувствие в связи с постигшим вас несчастьем. Дон Андрес — испанец, и все испанцы — враги Мексики. Но в нынешнем своем положении старик вызывает глубокую жалость.

Молодые люди поблагодарили разбойника за сочувствие и тронулись в путь. Один из слуг поскакал вперед, чтобы сообщить родственникам дона Андреса о его прибытии, и они выехали навстречу.

Осложнения

Лоис замолчал.

Дон Хаиме слушал его спокойно, не прерывая, только глаза лихорадочно блестели.

— Это все? — спросил он Лоиса, когда тот кончил свой рассказ.

— Все, ваша милость!

— Каким образом вы узнали все подробности этого ужасного происшествия?

— От Доминика. От расстройства он едва не лишился рассудка и, как только узнал, что я отправляюсь сюда, велел мне вам все рассказать...

— Больше у него не было для меня никаких поручений? — перебил дон Хаиме Лоиса, сверля его взглядом.

Лоис, смешавшись, пробормотал:

— Ваша милость!

— К черту церемонии! — вскричал дон Хаиме. — Выкладывай все начистоту.

— Ваша милость, я, кажется, совершил оплошность!

— Так я и думал! Что же вы натворили?

— Да вот у Доминика был такой несчастный вид, он так горевал, что не знает, как вас найти, что я...

— Что вы не могли придержать свой длинный язык и сказали ему...

— Где вы живете, ваша милость!

Лоис виновато опустил голову, как настоящий преступник.

Некоторое время длилось молчание. Наконец, дон Хаиме снова заговорил:

— Ну и конечно же, вы выболтали ему, под каким именем я скрываюсь.

— Разумеется, — простодушно ответил Лоис. — Иначе он не смог бы вас разыскать.

— Справедливо! Значит, он скоро приедет?

— Возможно!

— Ну, хорошо!

Дон Хаиме прошелся по комнате и, приблизившись к Лоису, стоявшему неподвижно, спросил:

— Вы один приехали в Мехико?

— Нет, вместе с Лопесом, ваша милость, я оставил его в гостинице у Белемской заставы, где он ожидает меня.

— Отправляйтесь к нему, но пока ничего не говорите, а через час, но не раньше, придете вместе с ним, может быть, вы оба мне понадобятся!

— Не сомневайтесь, ваша милость, явимся!

— Ну, а теперь до свидания!

— Виноват, ваша милость, у меня к вам письмо.

— От кого?

Лоис пошарил в кармане, вытащил аккуратно запечатанный конверт и отдал его дону Хаиме.

— Вот оно!

Дон Хаиме взглянул на конверт.

— Дон Эстебан! — воскликнул он с радостью и сорвал печать.

В конверте была шифровка:

«Все в порядке, наш человек сам идет в ловушку. В субботу, в полночь, пароль «Надежда».

Корду.»

Дон Хаиме порвал записку и спросил Лоиса:

— Какой сегодня день?

— Сегодня? — переспросил Лоис с удивлением.

— Ну не о вчерашнем же и не о завтрашнем дне речь!

— Да, ваша милость, нынче вторник.

— Почему же ты сразу мне не ответил?

Когда дон Хаиме бывал взволнован, он обращался Лоису на ты. Лоис это знал и всегда угадывал настроение дона Хаиме.

Дон Хаиме снова прошелся по комнате, о чем-то размышляя.

— Могу я идти? — робко спросил Лоис.

— Ты еще десять минут назад должен был уйти! — резко ответил дон Хаиме.

Лоис поклонился и вышел.

Не успел он уйти, как к дону Хаиме пришли донья Мария с дочерью. Лица их были взволнованы. Они робко приблизились к дону Хаиме, и донья Мария спросила:

— Плохие вести, дон Хаиме?

— О, да, сестра, хуже некуда!

— Не расскажете ли нам, что случилось?

— Не стану скрывать, тем более что речь идет о людях, вам небезразличных.

— О Боже! — вскричала Кармен, всплеснув руками. — Уж не о Долорес ли?

— Именно о ней, вашей лучшей подруге. Гасиенду Ареналь захватили и сожгли разбойники.

— О Господи! — вскричали женщины. — Бедная Долорес! А что с доном Андресом?

— Дон Андрес тяжело ранен!

— Слава Богу, что жив!

— И то и другое плохо!

— Где же они сейчас?

— В городе под защитой Лео Карраля.

— О, это преданный слуга!

— Да, но вряд ли ему одному удалось бы спасти своих господ; к счастью, на гасиенде находились два французских дворянина — граф де Соль...

— Жених Долорес? — с живостью спросила Кармен.

— Совершенно верно, и барон де Мериадек, — атташе при французском посольстве. Благодаря их отваге и удалось спасти этих благородных людей.

— Да поможет им Бог! — промолвила донья Мария. — Я их не знаю, но уже считаю друзьями.

— Скоро вы познакомитесь, по крайней мере, с одним из них — с минуты на минуту барон де Мериадек должен быть здесь.

— Мы примем его со всем радушием.

— Очень вас об этом прошу!

— Но Долорес не может оставаться в городе.

— Я тоже так думаю.

— Почему бы ей не приехать к нам? — сказала донья Кармен. — Здесь она будет в безопасности, и дон Андрес получит надлежащий уход.

— Вы совершенно правы, Кармен, пусть поживет некоторое время у нас. Но первым делом я должен увидаться с доном Андресом и узнать, в каком он состоянии, можно ли его перевезти сюда.

— Брат! — сказала донья Мария. — Вы говорите только о донье Долорес и ее отце, а о доне Мельхиоре ни слова!

Дон Хаиме помрачнел.

— Не случилось ли с ним беды? — продолжала допытываться донья Мария.

— Дай Бог, чтобы случилось! — в сердцах ответил дон Хаиме. — Никогда больше не упоминайте имени этого человека. Он изверг!

— Боже мой! Вы не пугайте меня, дон Хаиме!

— Ведь я вам говорил, что гасиенда Ареналь захвачена разбойниками! А знаете, кто их туда привел? Дон Мельхиор де ля Крус!

— О Боже! — вскричали женщины.

— Мало того! Когда им удалось вырваться с гасиенды и отправиться в город, он вместе с бандитами напал на них по дороге.

— Какой ужас!

— Это еще не самое страшное! Дон Мельхиор задумал убить родного отца, чтобы завладеть наследством, на которое не имеет никакого права.

— Настоящее чудовище! — произнесла донья Мария.

Женщины были дружны с семьей де ля Крус, донья Кармен и донья Долорес с детства вместе воспитывались. Девушки любили друг друга, как сестры.

Неудивительно поэтому, что несчастье семьи дона Андреса глубоко опечалило и донью Марию, и ее дочь. Однако на их просьбы привести дона Андреса и донью Долорес к ним дон Хаиме ответил:

— Я постараюсь, но обещать не могу. Сегодня же отправлюсь в Пуэблу, вот только дождусь барона де Мериадека.

— Впервые я отпущу вас с легкой душой, — ласково сказала донья Мария.

В это время заскрипели ворота и послышался топот копыт.

— Вот и барон! — сказал дон Хаиме и вышел навстречу гостю.

На самом деле это был Доминик, явившийся под видом барона.

Дон Хаиме протянул ему руки и, выразительно на него посмотрев, обратился к нему по-французски:

— Добро пожаловать, дорогой барон, я с нетерпением ждал вас!

Молодой человек понял, что еще какое-то время должен оставаться инкогнито.

— Весьма сожалею, что заставил вас ждать, дон Хаиме, я мчался во весь опор, но вы сами знаете, путь неблизкий.

— Да, знаю, — с улыбкой ответил дон Хаиме, — но позвольте мне вас представить дамам, они жаждут познакомиться с вами.

— Барон Карл де Мериадек, атташе при французском посольстве, мой лучший друг, — произнес дон Хаиме, подводя гостя к донье Марии и донье Кармен.

— Дорогой барон, честь имею представить вам донью Марию, мою сестру, и ее дочь, донью Кармен.

Молодой человек почтительно поклонился.

— А теперь, — весело сказал дон Хаиме, — будьте как дома, испанское гостеприимство вам известно, располагайте нами, как вам будет угодно, мы к вашим услугам!

Они сели за стол подкрепиться, и дон Хаиме сказал:

— Вы можете говорить совершенно откровенно, барон, дамам уже известно ужасное происшествие в Аренале.

— Оно более ужасно, чем вы, вероятно, предполагаете, — заметил молодой человек. — Вы не безразличны к судьбе этой несчастной семьи, и я боюсь вас огорчить дурными вестями.

— Да, мы очень дружны с доном Андресом и его прелестной дочерью! — сказала донья Мария.

— Увы, ничего хорошего я вам сообщить не могу.

Он замолчал в нерешительности.

— Расскажите, пожалуйста, все!

— Много говорить не придется. Бандиты Хуареса овладели Пуэблой — город сдался без сопротивления.

— Подлые трусы! — вскричал дон Хаиме, ударив кулаком по столу.

— Разве вы не знали?

— Конечно нет! Я был уверен, что город находится под властью Мирамона.

— В городе начались грабежи, иностранцев, особенно испанцев, бросают в тюрьмы, многих расстреляли без суда. Всем арестованным места не хватает, и под тюрьмы стали использовать монастыри. Словом, творится что-то невообразимое!

— Продолжайте, мой друг! А что дон Андрес?

— Вы ведь знаете, что дон Андрес тяжело ранен?

— Да, знаю.

— Вряд ли он выживет, однако начальник Пуэблы, не вняв просьбам знатных горожан, вступившихся за старика, приказал схватить его по обвинению в государственной измене. Так написано в приказе. Как плакала бедная донья Долорес, как умоляла пощадить ее несчастного отца! Ничего не помогло. Его бросили в тюрьму, а дом, где он жил, разграбили и разрушили.

— Какое варварство!

— О, это еще не все! Дон Андрес на суде отрицал свою виновность, и тогда его стали пытаться.

— Пытать! — вскричали все, охваченные ужасом.

— Да, умирающего старика подвергли страшным пыткам, но он оставался непреклонен, и палачи ничего не могли сделать.

— Но это за гранью возможного! — вскричал дон Хаиме. — Несчастный, конечно, умер?

— Когда я уезжал, был еще жив. Суд над ним продолжается, палачи не спешат, они играют со своей жертвой.

— А Долорес, бедняжка! — воскликнула Кармен. — Как она, должно быть страдает!

— Донья Долорес исчезла, ее похитили.

— Похитили? — вскричал дон Хаиме. — И вы не закончили с собой, и смеете мне об этом рассказывать?!

— Я хотел умереть, но не удалось, — с жаром промолвил мнимый барон.

— Я найду ее! — сказал дон Хаиме. — Ну, а где граф?

— Граф в отчаянии, вместе с Лео Карралем они отправились на поиски, а я поспешил к вам!

— И хорошо сделали! На мою помощь можете рассчитывать. Ну, а граф и Лео Карраль в Пуэбле?

— Только Лео Карраль, граф укрылся со своими слугами на ранчо. Один из слуг, Ибарри, кажется, так его зовут, каждый день отправляется в город к мажордому.

— Вы сами решили прийти ко мне?

— Да, но прежде посоветовался с графом.

— Вы поступили правильно. Сестра, приготовьте для доньи Долорес комнату.

— Вы привезете ее?

— Привезу или погибну!

— Мы отправляемся? — с нетерпением спросил Доминик.

— Без промедления. Подождем только Лоиса и Лопеса. Они сейчас подойдут.

— А Лоис здесь?

— Да. Это он сообщил мне о захвате гасиенды.

— Я прислал его к вам.

— Знаю. Ваша лошадь устала и останется здесь, я дам вам другую.

— Согласен!

— Надеюсь, вам известны имена главных преследователей дона Андреса?

— Их трое: первый — дон Антонио де Касебар.

— С чем вас и поздравляю! — с иронией произнес дон Хаиме. — Это тот самый негодяй, которому вы так благо-родно спасли жизнь.

— Я уничтожу его! — крикнул Доминик.

— Вы разве его ненавидите? — удивился дон Хаиме.

— Убить его и то мало! Через два дня после вступления в город войск Хуареса он появился и тотчас исчез. Но кровавый след за ним тянется.

— Мы его отыщем. Кто еще?

— Неужели не догадываетесь?

— Дон Мельхиор, верно?

— Да!

— Отлично! Теперь я знаю, где искать донью Долорес: это он похитил ее.

— Вполне возможно.

— Кто третий?

— Третий — молодой человек элегантной наружности, с нежным голосом и аристократическими манерами. Говорят, он опаснее двух других вместе взятых и, хотя не занимает никакого поста, обладает огромной властью. Я слышал, он тайный агент Хуареса.

— Как его имя?

— Дон Диего Исагирре.

— Прекрасно, — с улыбкой сказал дон Хаиме, — дело не так безнадежно, как я предполагал.

— В самом деле?

— Уверен в этом.

— Да поможет вам Бог! — вскричали женщины, молитвенно сложив руки.

Донья Мария с той самой минуты, как в доме появился барон, то есть Доминик, все время испытывала беспокойство и не сводила глаз с молодого человека, пока он разговаривал с доном Хаиме. Сама не зная отчего, она так расчувствовалась, что комок подступил к горлу и она го-

това была расплакаться, хотя видела барона впервые в жизни. Напрасно старалась она припомнить, где могла слышать этот проникающий в душу голос, видеть это прекрасное благородное лицо с такими знакомыми чертами. Воспоминания путались, скрыв прошлое глухой стеной.

Дон Хаиме следил за выражением лица доньи Марии, догадывался, в каком она состоянии, но сохранял невозмутимый вид.

Пришли Лоис и Лопес. Доминик уже успел оседлать лошадь, которую дал ему дон Хаиме.

— Едем, — сказал дон Хаиме, вставая, — время не терпит!

Доминик простился с дамами.

— Надеюсь, мы еще увидимся? — спросила донья Мария.

— Вы очень любезны. Почту за счастье воспользоваться вашим приглашением!

Когда мужчины выходили, донья Мария удержала брата за руку.

— Вы знаете этого человека? — спросила она дрожащим голосом.

— Разумеется!

— Он в самом деле француз?

— По крайней мере, все так считают, — ответил дон Хаиме, внимательно глядя на сестру.

— Я, наверное, сошла с ума, — прошептала она с глубоким вздохом, выпустив руку брата.

Дон Хаиме улыбнулся, но ничего не ответил.

Вскоре послышался топот копыт — всадники мчались во весь опор.

Неожиданность

Всю дорогу, до самого вечера, всадники хранили молчание. Уже на заходе солнца показалось на обочине разрушенное ранчо. По знаку дона Хаиме все остановились.

Из ранчо вышел человек, бросил взгляд на приехавших и молча ушел. Через несколько минут он снова появился, но уже с задней стороны ранчо, ведя на поводу двух оседланных лошадей. На них пересели дон Хаиме и Доминик. Еще на двух, которых вывел незнакомец, пересели Лоис и Лопес.

— В путь! — скомандовал дон Хаиме.

Всадники мчались так быстро, что в темноте ночи были похожи на летящих по воздуху призраков. Они проскакали всю ночь. Около пяти утра снова переменили коней и двинулись дальше. Уже пятнадцать часов не сходили они с седла, но не обнаруживали ни малейших признаков усталости.

Время близилось к десяти, когда в лучах яркого солнца засверкали купола собора в Пуэбле.

Примерно в полулье от города они по знаку дона Хаиме свернули с дороги на еле заметную тропинку, скрытую в тростнике, и через час достигли широкой лужайки, где стоял шалаш.

— Здесь мы остановимся, — сказал дон Хаиме. — Пусть Лоис отправится на свое ранчо, где сейчас находится граф де ля Соль со своими слугами, и приведет их сюда, а ты, Лопес, пойдешь за провиантом.

— А мы с вами останемся здесь? — спросил Доминик.

— Нет, я отправлюсь в Пуэблу! — ответил с улыбкой дон Хаиме.

Но как только Лопес и Лоис ушли, дон Хаиме с Домиником вошли в шалаш.

Такие шалаши мексиканцы называют «эрманадо», что значит «сплетенный из веток». Несмотря на неказистый вид, они очень удобны. Защищают и от дождя, и от солнца. Внутри шалаша, разделенного на две половины плетеной перегородкой, было очень уютно.

Дон Хаиме, а за ним и Доминик сразу перешли во вторую половину. Вдруг дон Хаиме остановился, вытащил из-под кучи сена клинок и стал копать землю.

Доминик взглянул на него с удивлением.

— Что вы делаете?

— Как видите, открываю вход в подземелье, помогите же мне!

Вдвоем они быстро докопались до каменной плиты с приделанным к ней металлическим кольцом.

Как только плита была сдвинута, показались высеченные в скале ступеньки.

— Спустимся! — сказал дон Хаиме и зажег факел.

Доминик с интересом огляделся вокруг. Они спустились на семь-восемь метров под землю и очутились перед просторным восьмиугольным помещением с расходящимися в разные стороны подземными галереями.

Здесь сложено было всевозможное оружие и одежда. Тут же находилось ложе, покрытое листьями, заменяющими тюфяк, и шкурами вместо одеял, и висела полка с книгами.

— Это одно из моих убежищ, — сказал, улыбаясь, дон Хаиме, — есть еще несколько таких же, разбросанных по всей Мексике. Это подземелье времен ацтеков. Очень давно мне рассказал о нем один старый индеец. Ведь эта провинция когда-то была святым местом, где совершались языческие обряды и стояло множество храмов. Подземные ходы позволяли священникам незаметно перемещаться и, словно бы чудом, появляться то здесь, то там, будто они вездесущи. Позднее эти подземелья превратились в убежища для индейцев во время преследований их испанцами. Проникнуть сюда незаметно нельзя. Ходы, которые перед вами, с одной стороны ведут к обелиску в Чолулу, с другой — к центру Пуэблы, есть также и другие выходы. Во время борьбы за независимость повстанцы с большой пользой для себя пользовались подземельем, нынче же про него совсем забыли.

— Позвольте, — сказал Доминик, внимательно выслушав дон Хаиме, — вы говорите, что проникнуть сюда незаметно нельзя.

— Совершенно верно.

— Не могу понять, почему?

— Очень просто. Видите эту галерею?

— Вижу.

— Так вот, она доходит до единственной тропинки, по которой можно к нам проникнуть и кончается небольшим, скрытым ветвями отверстием, через которое, я не берусь вам объяснить почему, сюда доносятся все звуки, даже едва уловимые, причем с необыкновенной отчетливостью. Поэтому, если кто-то приблизится, мы сразу услышим.

— В таком случае все в порядке.

— К тому же в случае необходимости это отверстие можно закрыть, есть другой ход, по галерее, которая за вами.

Вдруг дон Хаиме стал раздеваться.

— Зачем вы это делаете? — спросил Доминик.

— Хочу облачиться в монашеское одеяние и пойти за «языком», чтобы узнать, как обстоят дела в Пуэбле. Жители там очень религиозны, и в монашеском одеянии я, не вызывая подозрений, добуду нужные мне сведения.

Доминик сел и задумался.

— Что с вами, мой друг, вы грустите?

— Да, мне грустно, — вздрогнув, ответил молодой человек почти шепотом.

— Почему? Разве я не обещал вам отыскать донью Долорес?

Доминик побледнел и опустил голову.

— Презирайте меня, я подлец!

— Вы, дон Доминик? Великий Боже, вы нарушили клятву?

— Нет, но я предал друга, — он тяжело вздохнул, — я полюбил его невесту. — Последние слова он произнес едва слышно.

Дон Хаиме остановил на Доминике взгляд своих ясных глаз и сказал:

— Я знал это.

— Знали? — вскричал Доминик.

— Да, знал! — повторил дон Хаиме.

— И вы не презираете меня?

— За что? Разве волен человек в своих чувствах?

— Но ведь она невеста графа!

— А она любит вас? — спросил дон Хаиме.

— Откуда мне знать? Я сам себе боюсь признаться в своей любви.

Настало долгое молчание. Дон Хаиме неспеша переодевался, внимательно глядя на молодого человека, и вдруг сказал:

— Граф не любит донью Долорес!

— Возможно ли это?

Дон Хаиме расхохотался.

— Ты, как и все влюбленные, не можешь понять, что кто-то по-другому относится к предмету твоего обожания.

— Но ведь граф на ней женится!

— Должен жениться!

— Не затем ли он приехал в Мексику?

— Затем.

— Значит, женится на ней.

Дон Хаиме пожал плечами.

— Это еще неизвестно.

— Но граф на все готов, только бы спасти донью Долорес!

— Это доказывает лишь, что граф человек благородный, но не забудьте, что с доньей Долорес его связывают узы родства, и, рискуя ради нее жизнью, он выполняет свой моральный долг.

— И все же он ее любит!

— Тогда я скажу яснее: донья Долорес не любит графа!

— Вы уверены?

— Я это знаю.

— О! Если бы я мог в это поверить, у меня оставалась бы хоть какая-то надежда!

— Вы просто мальчишка. Ну, я пошел, а вы поклянитесь, что до моего возвращения не покинете этого убежища.

— Клянусь!

— Надейтесь! Я иду по важному делу.

Дон Хаиме пожал Доминику руку и скрылся в боковой галерее.

Прислушиваясь к удалявшимся шагам, Доминик погружился в размышления. Потом прошептал:

— Он сказал: «Надейтесь!»

Но оставим пока Доминика и последуем за доном Хаиме.

Подземелье находилось примерно в полулье от города, и все расстояние надо было пройти под землей, но это несколько не беспокоило дона Хаиме. Он шел уверенно по галерее, куда через невидимые щели проникал свет и можно было без труда ориентироваться в бесчисленных лабиринтах.

Не прошло и часа, как дон Хаиме вышел к ступеням, высеченным в скале, перевел дух, поднялся наверх, нащупал пружину, надавил на нее, плита бесшумно отделилась от стены и показала выход. Оказавшись снаружи, дон Хаиме толкнул каменную плиту, которая тотчас же заняла свое прежнее положение. Дон Хаиме огляделся. Он был совершенно один в часовне при соборе в Пуэбле. Подземный ход, приведший его сюда, был скрыт находившейся в углу исповедальней.

Дон Хаиме покинул часовню и вышел на площадь Майор, совершенно безлюдную — было около полудня — время сиесты.

Дон Хаиме надвинул на глаза капюшон, низко опустил голову, медленным шагом пересек площадь и углубился в одну из примыкающих к ней улиц.

Вскоре он приблизился к красному дому с двором и садом, сплошь усаженным цветущими апельсинами и гранатами. Калитка не была заперта, только притворена. Дон Хаиме вошел и очутился на посыпанной песком аллее, ведущей к дому, с широкой верандой, типичной для Мексики. Дон Хаиме с опаской огляделся, в саду никого не было. Он двинулся дальше, но не по направлению к дому, а по боковой аллее и после нескольких поворотов попал к другому входу. От него шла дорожка, видимо, к служебным помещениям. Тут дон Хаиме поднес к губам серебряный свисток на золотой цепочке, висевший у него на шее, и легонько свистнул. Звук был удивительно нежный, мелодичный. В следующий момент раздался ответный свист, дверь отворилась, и на пороге показался человек. Обменявшись условными знаками, оба скрылись в доме. Они долго шли в полном молчании, пока не остановились у одной из дверей. Тот, что встретил дона Хаиме, отворил ее, пропустил гостя, но сам не вошел, только затворил дверь.

Комната, в которую вошел дон Хаиме, была обставлена с большим вкусом. На окнах — плотные занавеси, защищающие от солнца, на полу — тростниковые циновки, которые умеют плести только индейцы. Комнату разде-

лял на две половины висевший посредине гамак из волокон алоэ.

В гамаке крепко спал какой-то человек.

Это был не кто иной, как дон Мельхиор де ля Крус. Рядом, на низком столике из сандалового дерева, лежал нож с серебряной, инкрустированной золотом ручкой и лезвием в форме жала змеи и две прекрасной работы шестиствольных револьвера.

Даже в Пуэбле, в собственном доме, дон Мельхиор принимал меры предосторожности. И, видимо, не напрасно. Сейчас перед ним стоял один из его опаснейших врагов.

Дон Хаиме несколько мгновений смотрел на спящего, потом неслышно приблизился к гамаку, взял со стола нож и револьверы, спрятал под одежду и коснулся рукой дона Мельхиора.

Этого слабого прикосновения было достаточно, чтобы молодой человек открыл глаза и потянулся рукой к столу.

— Бесполезно, — спокойно заметил дон Хаиме. — Оружия там нет.

Дон Мельхиор сразу узнал голос Оливье.

— Кто вы? — спросил он, с ненавистью глядя на дона Хаиме.

— Неужели вы не узнали меня? — насмешливо промолвил дон Хаиме.

— Кто вы? — повторил дон Мельхиор.

— Вы хотите повнимательнее меня рассмотреть? — Оливье откинул капюшон.

— Дон Адольфо! — в ужасе прошептал молодой человек.

— Вы удивлены? Странно! — продолжал дон Хаиме, посмеиваясь. — У вас были все основания меня ожидать.

После минутного раздумья дон Мельхиор сказал:

— Может, оно и к лучшему, — и сел на край гамака с беззаботным видом.

Дон Хаиме рассмеялся.

— Вот и прекрасно! Я рад видеть вас в добром расположении духа. Давайте поговорим! Времени у нас достаточно!

— Значит, не намерение убить привело вас ко мне?

— Какие, однако, скверные мысли приходят вам в голову! Я не палач! О, нет. Да хранит меня Бог!

— И все же вы явились, чтобы убить меня, — запальчиво крикнул дон Мельхиор. — Вы — переодетый злодей!

— Вы повторяетесь, а это скучно. Обстоятельства выну-

дили меня прийти переодетым! — промолвил дон Хаиме и с издевкой спросил: — Ну что, довольны вы Хуаресом? Хорошо он вам заплатил за предательство? Я слышал, что он очень скуп, как и все индейцы, потому, вероятно, ограничился одними обещаниями?

Дон Мельхиор презрительно улыбнулся.

— Итак, вы явились сюда, чтобы побеседовать со мной об этих пустяках? — спросил он.

Дон Хаиме вскочил, выхватил из-под одежды револьверы и, бросившись к дону Мельхиору, вскричал с презрением:

— Нет, злодей! Я пришел размозжить вам голову, если вы не скажете, что вы сделали с вашей сестрой, доньей Долорес!

Пленники

Несколько секунд длилось молчание.

Его прервал дон Мельхиор. Расхохотавшись, он сказал:

— Вот видите, я был прав. Вы пришли убить меня!

— Нет, — вскричал дон Хаиме, — я не стану вас убивать. Слишком много чести для такого негодяя, как вы. Но я знаю, как добиться от вас ответа!

— Попробуйте, — ответил дон Мельхиор, закурил и стал выпускать синеватые кольца дыма. — Что же вы медлите? Я жду!

— Давайте договоримся! Я возвращаю вам свободу, а вы отдаете донью Долорес графу де ля Соль, ее родственнику и жениху.

— Это дело серьезное, — ответил дон Мельхиор, — не забывайте, что я — законный опекун сестры.

— Опекун?

— Да, отец умер!

— Дон Андрес де ля Крус умер?! — вскричал дон Хаиме.

— Увы, да! — ответил дон Мельхиор, театрально закатывая глаза. — Третьего дня вечером, а вчера утром похоронили. Бедный старик не вынес обрушившихся на нашу семью несчастий. Так больно было смотреть на него!

Снова наступило молчание. Дон Хаиме в раздумье ходил по комнате. Вдруг он вплотную подошел к дону Мельхиору и сказал:

— Отвечайте прямо — согласны вы возвратить свободу вашей сестре или нет?

— Нет! — решительно ответил Мельхиор.

— Что же, дело ваше, в таком случае пеняйте на себя! — холодно заметил дон Хаиме.

В это время дверь отворилась и вошел элегантно одетый молодой человек высокого роста.

Насмешливая улыбка тронула губы дона Мельхиора.

«Дело, однако, может обернуться для дона Адольфо совершенно неожиданным образом», — подумал дон Мельхиор со злорадством.

Молодой человек между тем поклонился и, пожимая руку дону Мельхиору, сказал:

— Я, кажется, помешал вам? — Он спокойно окинул взглядом дона Хаиме.

— Напротив, дон Диего, вы пришли весьма кстати! Но скажите, что привело вас в столь неурочный час?

— Я пришел сообщить вам приятную новость. Граф де ля Соль, ваш заклятый враг, в наших руках, но поскольку он француз, должны быть соблюдены все формальности, поэтому генерал решил отправить его под надежной охраной к президенту. И еще одна не менее приятная новость: вы назначаетесь начальником охраны.

— Черт возьми! — вскричал дон Мельхиор. — Вы — настоящий друг! А теперь взгляните на этого монаха! Узнаете вы его? Тот самый дон Адольфо, дон Оливье, дон Хаиме, еще чертего знает кто, которого мы так давно ищем.

— Не может быть! — вскричал дон Диего.

— Совершенно точно! — подтвердил дон Хаиме.

— Не пройдет и часа, как вы будете расстреляны и умрете, как бандит и изменник! — воскликнул дон Мельхиор.

— Скорее всего, он будет расстрелян, — заметил дон Диего, — но это может решить только президент: этот сеньор выдает себя за фанцуза.

— Все эти дьяволы — французы! Проклятая нация! — тихо произнес раздосадованный дон Мельхиор.

— Я не стану вам объяснять, как опасно ехать с таким спутником, и отправлю его к президенту под усиленной охраной.

— Нет, нет, прошу вас, не делайте этого! Напротив, я охотно возьму его с собой, и будьте покойны, он не уйдет от меня, несмотря на всю свою хитрость, только надо его прежде обезоружить.

Дон Хаиме, не сказав ни слова, отдал оружие дону Диего.

В это время вошел слуга и доложил, что стража прибыла.

— Вот и прекрасно! — сказал Мельхиор. — Теперь можно трогаться в путь.

Лакей подал хозяину саблю, два револьвера и плащ, пристегнул ему шпоры.

— Дон Адольфо, или как вас там величают, не соблаговолите ли покинуть комнату первым?

Дон Хаиме молча выполнил требование.

Примерно двадцать пять-тридцать солдат в разномастной одежде, а то и просто в рваньё, скорее напоминавших шайку бандитов, уже дожидались у дома. Справедливости ради, следует заметить, что лошади и оружие у них были отменные.

Они окружили графа де ля Соль и двух его слуг. Торжествующая улыбка появилась на лице дона Мельхиора при виде графа, но тот даже не удостоил взглядом своего врага.

Лошадь дона Хаиме была уже оседлана. По знаку дон Диего он вскочил в седло, кивнул графу и вплотную подъехал к нему.

Дон Мельхиор тоже сел на коня.

— До свидания, мой друг, — сказал ему дон Диего, — счастливого пути!

— Прощайте! — ответил дон Мельхиор. Они тронулись в путь. Было около двух часов пополудни, жара понемногу спадала, и город оживал. Открывались одна за другой лавки, в дверях появлялись торговцы, сонно глядя на прохожих.

Дон Мельхиор ехал впереди, с трудом сдерживая радость от сознания, что заклятые его враги у него в плену. Они ехали довольно долго, когда, наконец, командир отряда подъехал к дону Мельхиору.

— Люди устали, пора располагаться на ночлег.

— Надо найти надлежащее место.

— Неподалеку отсюда есть брошенное ранчо. Мы могли бы там прекрасно устроиться.

— Не возражаю.

Командир отряда поехал впереди и свернул по едва заметной тропинке в лес.

Не прошло и часа, как они выехали на широкую лужайку, где стояло ранчо, и спешились.

Но только дон Мельхиор вошел в дом, посмотреть, годится ли он для ночевки, как его схватили, сунули кляп, завязали глаза, завернули в плащ и связали. Все произошло с такой быстротой, что дон Мельхиор не успел опомниться. Через несколько минут он услышал удаляю-

шийся топот копыт и звон сабель и понял, что солдаты бросили его на произвол судьбы. Почти одновременно его подняли и понесли вниз по ступеням. Несли минут десять, потом опустили, на мягкое ложе, видимо, покрытое шкурами, и оставили одного. Он понял, что находится в подземелье.

Вскоре послышались шаги, дон Мельхиора подняли и опять понесли.

На сей раз его несли довольно долго, носильщики несколько раз менялись, наконец, дон Мельхиор почувствовал, что он уже не в подземелье, а наверху.

Его опустили на землю.

— Развяжите пленника! — раздался поразивший дона Мельхиора чей-то резкий голос.

Мельхиора тотчас же развязали, вынули кляп изо рта, сняли повязку с глаз.

Дон Мельхиор огляделся. Он стоял на высоком холме, а внизу простиралась равнина. Ночь была темная, вдали виднелись освещенные окна домов Пуэблы. Люди, которые его окружали, все были в масках, с зажженными факелами, в их колеблющемся на ветру пламени все казалось призрачным, нереальным.

Холодная дрожь проняла дона Мельхиора, он понял, что попал в руки масонов, потому что сам был масоном.

Масоны стояли, не шелохнувшись, как статуи.

В наступившей тишине дон Мельхиор слышал звук собственного сердца.

Наконец один из масонов выступил вперед и спросил:

— Дон Мельхиор де ля Крус, знаете ли вы, где находитесь и кто перед вами?

— Знаю! — процедил сквозь зубы дон Мельхиор.

— Признаете ли вы за нами право судить вас?

— Да! Потому что на вашей стороне сила и сопротивление бесполезно.

— Не в этом дело. И вы это прекрасно знаете, — возразил человек в маске. — По доброй воле вошли вы в наше братство, связали себя клятвой и дали нам право судить вас, если вы ее нарушите!

— Я не собираюсь оправдываться. Ведь приговор мне уже вынесен. Приступайте же скорее к его исполнению!

Человек в маске метнул на Мельхиора сверкающий взгляд.

— Дон Мельхиор, — продолжал он, отчеканивая каж-

дое слово, — знайте же, вас судят не за убийство отца, не за воровство! За измену отечеству! Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Я уже сказал, что оправдываться не желаю! — твердо заявил дон Мельхиор.

— Дело ваше! — заметил человек в маске и, воткнув в землю факел, обратился к остальным: — Братья! Какого наказания заслуживает этот человек?

— Смерти! — ответили все в один голос.

Ни единый мускул не дрогнул в лице дона Мельхиора.

— Вы приговорены к смерти, — продолжал масон, — и приговор будет приведен в исполнение тотчас же. Приготовьтесь же предстать перед Всевышним. В вашем распоряжении полчаса.

— Какую вы мне уготовили смерть?

— Виселицу!

— Что же! Эта смерть ничуть не хуже других! — заметил дон Мельхиор с горькой иронией.

— Но мы признаем за собой право только на ваше тело, а не на душу, поэтому духовник исповедует вас.

— Благодарю! — с той же иронией ответил дон Мельхиор.

Наступило молчание. Как будто все ждали мольбы о пощаде, но дон Мельхиор не проронил ни слова. Тогда масон трижды взмахнул факелом и погасил его.

В тот же момент погасли остальные факелы, и дон Мельхиор остался один во мраке. Лишь шелест листьев да треск веток нарушили тишину.

Однако приговоренный прекрасно знал, что невидимые враги следят за каждым его движением.

Каким бы смелым и отчаянным ни был человек, сколько бы ни стоял лицом к лицу со смертью в двадцать пять лет, когда жизнь только начинается и все видится в розовом свете, трудно без дрожи смириться с мыслью о смерти, спокойно смотреть в ее разверстую пасть, особенно если человек полон сил, пусть даже он испытывает угрызения совести и раскаялся в содеянном.

Неудивительно поэтому, что Мельхиор покрылся холодным потом, лицо его стало мертвенно бледным. Вдруг кто-то легонько тронул его за плечо. Мельхиор вздрогнул и поднял голову.

Перед ним стоял монах с опущенным на глаза капюшоном.

— Вот и монах! — вскричал Мельхиор.

— Встаньте на колени, сын мой, — тихо, но очень внятно произнес монах. — Я буду исповедовать вас.

Голос показался Мельхиору знакомым и он пристально посмотрел на священника. Но тот по-прежнему спокойно стоял перед ним.

Эти двое на вершине холма при слабом свете нескольких факелов в сгустившемся мраке казались какими-то неправдоподобными.

— За нами следят, — произнес монах, — старайтесь ничем не выдать себя, соберите всю свою волю. Надо поторопиться, время не терпит. Вы узнаете меня?

— Да! — прошептал дон Мельхиор. У него появилась надежда на спасение, столь свойственная человеческой природе, даже в таком, казалось бы, безвыходном положении.

— Вы — дон Антонио де Касебар!

— Да, только в монашеском одеянии. Я входил в Пуэблу, как вдруг меня окружили люди в масках, стали допытываться, действительно ли я священник, потом схватили меня и доставили сюда. Я был свидетелем суда над вами и думал, что было бы со мной, узнай они меня. Ведь я чудом спасся! Но что бы ни случилось, я готов разделить вашу участь. У вас есть оружие?

— Нет! Да и зачем оно, когда столько врагов вокруг?

— Чтобы умереть честно и избавившись от позорной казни!

— Да, вы правы! — воскликнул молодой человек.

— Тише, безумный, — прошептал дон Антонио. — я дам вам шестизарядный револьвер и кинжал, и мы будем одинаково вооружены.

— Прекрасно, — сказал дон Мельхиор, пряча оружие, — я больше не боюсь их!

— Вот теперь я узнаю моего прежнего товарища! Помните, лошади ждут нас у подножия холма. Если нам добраться до них, мы спасены.

— Что бы ни случилось, благодарю вас, дон Антонио, и если по милости Бога мы спасемся...

— Ничего не обещайте, — перебил его Антонио, — потом сочтемся.

Наконец Мельхиор поднялся с колен. Лицо его снова приобрело надменное выражение. Он знал, что дорого продаст свою жизнь.

Масоны снова появились на вершине холма. Один из них, тот самый, что объявил приговор, подошел к осужденному, от которого ни на шаг не отходил монах.

— Готовы ли вы? — спросил масон.

— Готов! — холодно ответил дон Мельхиор.

— Поставьте виселицу и зажгите факелы! — раздалась команда.

Масоны были уверены, что дон Мельхиор не сбежит, и на какой-то момент, занятые приготовлением к казни, упустили его из виду.

— Вперед! — вскричал дон Антонио, сбив с ног попавшегося на пути масона. — За мной!

— Вперед! — крикнул, в свою очередь, Мельхиор, выхватив кинжал и стреляя из револьвера. Смелость, граничащая с безумием, часто приводит к удаче. Так случилось и на сей раз. Отчаянная схватка между беглецами тайного братства быстро закончилась. Послышался удалявшийся топот копыт и насмешливый голос дона Мельхиора:

— До свидания!

Беглецы во весь опор мчались в Пуэблу.

Попытка задержать их обошлась дорого — на земле лежало десять убитых.

— Назад! Назад! — крикнул дон Хаиме смельчакам, бросившимся было в погоню. — Пусть удирают! Дон Мельхиор приговорен к смерти и приговор рано или поздно будет приведен в исполнение, но кто же другой, этот проклятый монах?

Лео Карраль, он тоже был здесь, прошептал на ухо до-ну Хаиме:

— Я узнал его, это — дон Антонио де Касебар.

— Опять он! — гневно вскричал Адольфо.

Вскоре отряд примерно из десяти человек поскакал по дороге в столицу Мексики во главе с доном Хаиме, или Оливье, или Адольфо.

Как читателю будет угодно.

Дон Диего

Дон Мельхиор не мог примириться с мыслью, что состояние отца в случае замужества сестры ускользнет из рук, и решил получить его любыми средствами. Пока же он занялся политикой, надеясь воспользоваться неразберихой в стране в своих корыстных целях. Обладая энергичным характером, недюжинным умом и склонностью к политическим интригам, он переходил из партии в партию, предлагая услуги тем, кто больше заплатит. Он умел добывать секретные сведения, поэтому в нем нуждались и в то же время его боялись. Он был членом всяких братств, товариществ, обществ, обладал талантом сочувствовать одновременно самым противоположным точкам зрения. Чтобы продать при случае за хорошую цену добытые сведения, Дон Мельхиор и вступил в масонскую ложу «Сила в союзе». Масоны, как мы уже знаем, и приговорили его к смерти. Со временем Антонио де Касебар тоже вступил в эту ложу.

Дон Антонио и дон Мельхиор, как и следовало ожидать, с первого слова поняли друг друга и подружились.

В это время с доном Антонио и случилась беда. Он был уличен в предательстве и осужден масонами на смерть. Ему дали возможность шпагой защитить свою честь, но он пал в схватке с противником, и его, раненного, бросили умирать на дороге. Но его подобрал Доминик, не зная, кого он спасает. Дон Мельхиор слышал, как приговорили дона Антонио к смерти, видел, как пал он, сраженный шпагой противника, и поклялся его спасти. Он отделился от отряда и поспешил к тому месту, где лежал дон Антонио, чтобы помочь ему и сделать своим должником, но не успел. Доми-

ник опередил его. Зато позднее дон Мельхиор помог дону Антонио бежать из пещеры, куда велел его поместить дон Хаиме. Антонио не оставался в долгу и всегда платил тем же. Дон Антонио знал всю подноготную дон Мельхиора, дон Мельхиор не знал об Антонио ничего. Этот человек был для него загадкой... Однако дон Мельхиор не терял надежды эту загадку когда-нибудь разгадать. После того как дон Антонио вырвал своего друга из рук масонов, дон Мельхиор стал неоплатным его должником. Но то ли из деликатности, то ли еще почему-то дон Антонио никогда не напоминал об этом своему сообщнику. Возвратившись в Пуэблу, дон Мельхиор первым долгом отправился в монастырь, где держал в заточении свою сестру, но, как он и предчувствовал, ее там не оказалось. Дон Антонио, выслушав эту новость, сказал:

— Только мертвые не могут убежать!

Дон Мельхиор промолчал. Да и что мог он сказать?

Поиски в Пуэбле не дали никаких результатов, настоятельница молчала, будто в рот воды набрала или же онемела.

— Поедем в Мехико, — сказал дон Антонио, — она там, если еще жива.

Неизвестно, каким образом, но уже на третий день их пребывания в городе дон Антонио обнаружил убежище девушки.

Но оставим пока дон Антонио и его друга и расскажем о том, как освободили донью Долорес.

Дон Мельхиор поместил сестру в монастырь Кармелиток и, подкупив настоятельница, добился того, что к девушке никого не пускали, письма на ее имя и написанные ею самой перехватывали. Таким образом, для доньи Долорес ее крошечная келья стала настоящей тюрьмой. У девушки не оставалось ни малейшей надежды на освобождение. Впрочем, брат ей прямо сказал, что она должна принять постриг. Только в этом случае он мог рассчитывать на наследство.

Однако для пострига необходимо было либо согласие девушки, либо особое распоряжение свыше, и тут ему пришел на помощь Диего Исагирре, секретарь губернатора, и донья Долорес была доставлена в монастырь с предписанием губернатора.

Вечером того дня, когда дон Мельхиор попал в руки своего пленника, дон Адольфо, часов около девяти, трое

укутанных в плащи всадников подъехали к воротам монастыря.

На стук вышла привратница, открыла окошечко в воротах, окинула взглядом прибывших, шепотом переговорила с одним из них и впустила его в ворота. Остальные остались ждать.

Привратница проводила незнакомца до кельи настоятельницы и доложила:

— Дон Диего Исагирре, доверенный секретарь его превосходительства господина губернатора!

После обмена приветствиями дон Диего передал настоятельнице какой-то пакет. Та вскрыла его, пробежала глазами и сказала:

— Очень хорошо! Я к вашим услугам!

— Не забудьте, пожалуйста, что вы обязаны хранить тайну. Никто не должен знать, каким образом донья Долорес покинула монастырь.

— Будьте покойны, никто не узнает.

— Если станут допытываться, скажите: «Сбежала». А теперь я вас попрошу предупредить обо всем донью Долорес.

Настоятельница тотчас же отправилась за доньей Долорес.

Молодой человек, оставшись один, изорвал в клочья привезенный приказ и бросил в камин.

— В один прекрасный день губернатор мог бы узнать, что есть некто, мастерски подделывающий его подписи, и позавидовал бы такому искусству. Но мне все равно. Пусть горит, — и он насмешливо улыбнулся.

Через четверть часа настоятельница вернулась вместе с девушкой.

— Вот донья Долорес де ля Крус. Имею честь сдать вам ее с рук на руки!

— Весьма признателен вам, и, надеюсь, вы сможете убедиться в том, что Его Превосходительство не забывает тех, кто беспрекословно исполняет его приказы.

Настоятельница низко поклонилась.

— Готовы ли вы, сеньорита? — обратился дон Диего к девушке.

— Да! — ответила донья Долорес.

— Тогда я прошу вас следовать за мной!

Девушка закуталась в плащ и, даже не попрощавшись с настоятельницей, вышла.

Настоятельница проводила их до самых ворот, низко поклонилась и, заперев ворота, вернулась обратно.

— Сеньорита, — очень вежливо обратился к девушке дон Диего, — будьте любезны сесть на коня!

— Сеньор, — ответила девушка, — я — беззащитная сирота и должна вам повиноваться, всякое сопротивление с моей стороны бесполезно, но...

— Донья Долорес, — сказал один из всадников, — нас послал за вами дон Хаимс.

— Неужели? — вскричала девушка.

— Успокойтесь, сеньорита, и садитесь скорее на коня, надо торопиться!

Девушка легко вскочила в седло.

— Теперь, господа, я вам больше не нужен, — сказал дон Диего, — прощайте, счастливого пути!

Они тронулись в путь и скоро скрылись в темноте.

«Они так мчатся, что вряд ли дон Мельхиор их догонит», — подумал дон Диего и, завернувшись поплотнее в плащ, пошел во дворец губернатора.

Донья Долорес вместе с Домиником и Лео Карралем, а это были они, скакали всю ночь. Лишь с восходом солнца они достигли заброшенного ранчо, где их дожидались дон Хаиме, граф и еще несколько друзей, к великой радости доньи Долорес.

Все вместе они отправились в Мехико, в небольшой домик, где все было приготовлено для встречи. Донья Долорес буквально упала в объятия доньи Марии и ее дочери. Дон Хаиме и остальные удалились, оставив женщин одних, чтобы они могли вволю наплакаться и наговориться. Граф снял себе жилье неподалеку и предложил Доминику поселиться вместе с ним. Решено было как можно реже посещать дом, где жила донья Долорес, чтобы не привлекать к нему внимания.

Дон Хаиме снова начал свою бродячую жизнь, лишь изредка, и то ночью, навещая молодых людей.

Лео Карраль, считая графа женихом своей госпожи, взял на себя управление домом, и граф предоставил ему полную свободу действий. Дон Хаиме во время своих редких посещений вел разговоры о самых обыденных вещах, но при прощании всякий раз просил друзей следить за соседним домом.

Так прошло несколько дней. Донья Долорес снова расцвела, и веселые голоса ее и Кармен звенели на весь дом.

Даже донья Мария заражалась этой беспечной веселостью, и на ее печальном лице изредка появлялась улыбка.

Граф и его друг вносили некоторое разнообразие в жизнь добровольных затворниц. Они боялись выйти на улицу и были отрезаны от внешнего мира. Друзья же, несмотря на предостережение дон Хаиме, посещали девушек все чаще и надолго задерживались.

Как-то вечером граф и Доминик сели от скуки играть в шахматы, но игра их мало интересовала, и каждый думал о своем. Вдруг раздался сильный стук в дверь.

— Какого дьявола принесло в столь поздний час? — вскричали друзья.

— Ведь уже далеко за полночь! — сказал Доминик.

— Если это не дон Хаиме, то я, право, не знаю, кто бы это мог быть? — произнес граф.

— Да, это, без сомнения, он, — заметил Доминик.

Дверь отворилась, и на пороге появился дон Хаиме.

— Здравствуйте, господа! Вы не ожидали меня в такой поздний час?

— Вы всегда для нас желанный гость!

— Благодарю. Вы позволите мне распорядиться, — и он обернулся к сопровождавшему его слуге: — Принеси мне, пожалуйста, ужин, Рембо!

Слуга поклонился и вышел.

Дон Хаиме положил свою шляпу и опустился на стул, обмахиваясь платком.

— Я умираю с голоду, друзья мои!

Ужин

Молодые люди смотрели на дона Хаиме с нескрываемым удивлением. Рембо еще с кем-то принес уже накрытый стол и поставил возле дона Хаиме.

— Рембо просто молодец, господа, — весело сказал дон Хаиме, — он догадался накрыть на троих в надежде, что и вы не откажетесь разделить со мной трапезу. Очнитесь от ваших дум и садитесь за стол.

— С большим удовольствием! — ответили молодые люди.

Дон Хаиме был очень оживлен и ел с большим аппетитом, сыпал шутками, анекдотами. Остроты, разные истории не сходили с его уст.

Молодые люди изумленно переглядывались и не могли понять, что происходит с доном Хаиме, тем более что лицо его под маской веселости выдавало тревогу.

Но вскоре сомнения их рассеялись, и они, забыв обо всех заботах, отдались веселью. Смех, остроты и шутки прерывались лишь звоном стаканов и стуком ножей и вилок. Когда слуги были удалены, дон Хаиме сказал, откупоривая бутылку шампанского:

— Господа! Что может быть лучше ужина! Недаром наши предки так любили вечернюю трапезу. Увы! Нынче ужин, как и прочие хорошие традиции, постепенно утрачивает свое значение. Это огорчает меня.

Он наполнил стаканы.

— Позвольте, — сказал дон Хаиме, — выпить за ваше здоровье этого вина, ваша страна славится им. — Он чокнулся со всеми и залпом осушил свой бокал.

Бутылки и бокалы опорожнялись с удивительной быстротой.

После вина подали ром и ликеры. Все изрядно захмелели, закурили сигары. Позы стали непринужденными, и завязался откровенный разговор.

— Да! — вдруг воскликнул Доминик, откидываясь на спинку кресла. — Жизнь прекрасна!

Дон Хаиме, услышав это, расхохотался.

— Bravo! Вот это настоящий философ! Как говорится, без роду, без племени, вырос, как божья трава, ни денег не имеет, ни друзей, не считая меня, а доволен жизнью. Желал бы я знать, как он докажет, что прав.

— Ничего нет легче, — не задумываясь, ответил молодой человек, — разве плохо, что я без роду, без племени, как вы говорите? Зато вся земля — моя родина, все люди — мне братья. Родители бросили меня, тем самым избавив от сыновнего долга, у меня один единственный друг, но многие ли могут даже этим похвастаться? Тем более друг надежный и верный, готовый разделить со мной и радость, и горе. Что денег нет — тоже не беда. Есть здоровье и силы, а их ни за какие деньги не купишь. Работаю я не хуже других, а может, и лучше, никому не завидую и доволен судьбой. Как видите, мой друг, не зря я сказал, что жизнь прекрасна. Докажите вы, скептик, обратное!

— Ваши доказательства, с первого взгляда неоспоримые, не так-то трудно опровергнуть, но я не стану этого делать и позволю себе лишь заметить, что никогда не был скептиком, правда, немного разочаровался в жизни.

— Объясните же, в чем дело, дон Хаиме! — разом вскричали молодые люди.

— Стоит ли объяснять! Я хочу предложить вам другое, и, надеюсь, вы согласитесь. Ночь на исходе, скоро рассвет, но спать почему-то не хочется. Не побеседовать ли нам до утра?

— С удовольствием, — промолвил граф, — ничего лучше не придумаешь.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Доминик. — О чем же мы будем говорить?

— Если позволите, я расскажу вам одну историю, которую нынче слышал от своего друга, за достоверность ручаюсь, поскольку мой друг сам был ее участником.

— Лучше рассказали бы какой-нибудь случай из собственной жизни, — промолвил граф. — Ведь у вас было столько интересных приключений!

— Вы ошибаетесь, дорогой граф! Ничего особенного в

моей жизни не было, как и у любого контрабандиста. Надеюсь, вы знаете, что это мое занятие. Все мы стараемся перехитрить таможенников, а те нас. Бывают, конечно, баталии, но кровопролитием они редко кончаются. Вот и все, что я могу рассказать о себе.

— В таком случае, я отказываюсь от своей просьбы, — сказал граф.

— Итак, мы слушаем вас, — произнес Доминик.

Дон Хаиме осушил бокал каталонского ликера и, постукивая по столу ножом, начал:

— Слушайте же, господа! Прежде всего, мне придется извиниться за некоторые пробелы и неточности в моем рассказе, но я передаю лишь то, что сам слышал, и при всем желании не смогу дополнить или объяснить того, что очевидец, случайно или в силу каких-то своих соображений, утаил. Во всяком случае, история, уверен, вас заинтересует. В какой стране происходили события, не имеет значения, допустим, в Германии. Люди везде люди и подвержены одинаковым порокам. Очевидно лишь, что действие происходит в прежние времена, в чем вы сами убедитесь. Итак, в Германии жила богатая и очень знатная семья, принадлежавшая к древнейшему роду. Вы, без сомнения, знаете, что немецкая аристократия, пожалуй, самая старинная в Европе и сохранила до настоящего времени почти все свои традиции. Члена этой семьи, князя, назовем его Оппенгейм фон Шлезвиг и скажем, что у него было два сына, один года на два, на три старше другого. Оба были хороши собой, наделены талантами и прекрасно воспитаны. В Германии, в отличие от Америки, уклад жизни до сих пор патриархальный, и авторитет отца непререкаем. Мальчики росли, и с годами стало ясно, что они совершенно разные. Старший был добрым, послушным, не забывал о доме, старался не запятнать чести старинного рода. Младший же посещал сомнительные заведения, не гнушаясь даже самыми гнусными притонами. Отец все это видел и не раз строго отчитывал сына. Тот обещал исправиться, но обещания так и оставались обещаниями.

В это время Франция объявила Германии войну. Князь Оппенгейм фон Шлезвиг одним из первых откликнулся на призыв императора и стал под знаменем Германской армии, сыновья последовали за ним в качестве адъютантов, совершая свой первый поход. Вскоре по прибытии их

на место вышел приказ командующего отправиться на фуражировку. В схватке с неприятельскими фуражирами князь упал с коня. Когда к нему подоспели на помощь, он был уже мертв. И тут выяснилось одно странное обстоятельство: он был убит выстрелом в спину.

Дон Хаиме умолк, потом попросил Доминика наполнить бокал. Доминик наполнил бокал пуншем, дон Хаиме залпом выпил, отер пот с лица и продолжал:

— Сыновья были недалеко и тотчас поспешили к убитому отцу. Трудно описать их горе. Старший замкнулся в себе, младший же бурно выражал свои чувства, плакал, кричал и никак не мог успокоиться. Так и не удалось выяснить, каким образом князь, любимый солдатами, мог погибнуть от пули в спину.

Молодые люди вернулись домой. Старший принял родовой титул и стал главой семьи. В Германии существует право старшинства, поэтому младший полностью зависел от старшего, но последний, не желая ущемлять брата, предоставил в его распоряжение все состояние матери стоимостью в два миллиона и дал ему титул маркиза.

— Вы хотите сказать, герцога? — уточнил граф.

— Совершенно верно, — согласился дон Хаиме. — Мы, республиканцы, почти не знакомы со всякими титулами, попросту пренебрегаем ими.

— Дальше, дальше! — произнес нетерпеливо Доминик. Дон Хаиме продолжал:

— Герцог обратил свое состояние в наличность, попрощался с братом и отправился в Вену. Князь остался в своих владениях и лишь изредка получал вести от брата, но и этого было достаточно, чтобы выселить герцога за пределы государства. Герцог безропотно покорился.

Несколько лет герцог путешествовал по Европе, изредка извещая брата о переменах к лучшему. Неизвестно, верил ли в это князь, но он счел возможным не только известить брата о своей женитьбе на девушке из богатого аристократического рода, но и пригласить его на свадьбу, в надежде, что герцог за дальностью расстояния не придет. Но князь просчитался. Брат явился как раз накануне торжества и был принят со всеми подобающими почестями.

Герцог вел себя во всех отношениях безукоризненно, не упуская случая доказать брату, что с прошлым покон-

чено, и князь не только простил его, но и стал полностью доверять.

Сначала соседи принимали герцога неохотно, но потом, из уважения к семье, переменяли к нему свое отношение, и он занял прежнее положение в обществе. Не знаю, по какому случаю должны были состояться народные празднества. Возглавил их князь и по совету брата, чтобы привлечь аристократов, согласился сам принять в них участие. Предполагалось устроить турнир, и к назначенному дню съехались представители самых знатных родов, чтобы вместе с князем принять в них участие.

Жена князя носила под сердцем дитя и, движимая дурным предчувствием, уговаривала мужа не принимать участия в турнире, герцог ее горячо поддерживал, но князь не мог нарушить свое обещание и, посмеявшись над страхами жены, уехал к месту сбора.

Через час его принесли почти бездыханным. Там, где другие находят забаву, князь по роковой случайности встретил смерть.

Герцог сильно горевал по поводу нелепой и поистине страшной смерти брата. Все свое состояние князь завещал брату в случае, если у жены родится дочь, если же сын, он становится наследником и титула, и имущества, а до совершеннолетия остается под опекой дяди.

При известии о смерти мужа княгиня до срока разрешилась от бремени девочкой. Таким образом, герцог вошел в полное владение всем имуществом брата.

Княгиня, несмотря на любезное предложение деверя, не согласилась жить из милости в замке, где была полновластной хозяйкой, и переехала к родным.

Дон Хаиме умолк.

— Ну, как вам нравится эта история? — спросил он с насмешливой улыбкой.

— Прежде чем ответить, я хотел бы услышать продолжение! — сказал граф.

Дон Хаиме бросил на него выразительный взгляд.

— Значит, вы думаете, есть продолжение?

— У всякой истории есть две стороны, внешняя и внутренняя.

— Что вы хотите этим сказать?

— То есть ложная и истинная. Ложная — это внешняя, она является пищей для толков и пересудов. Истинная —

это внутренняя, тайная, известная лишь двум-трем самым близким людям.

— Вы хотите, чтобы я открыл вам имя злодея? — вскричал дон Хаиме.

— Да!

Дон Хаиме задумался, потом вскинул голову, выпил залпом бокал вина и сказал:

— Ну, так слушайте, клянусь, вы не пожалеете, что потратили время.

Тайна раскрыта

Некоторое время длилось молчание.

Наконец, дон Хаиме заговорил:

— У княгини был брат, молодой человек лет двадцати двух, умный и энергичный, он был очень хорош собой, отчаянно смел, пользовался успехом у женщин, сам был к ним неравнодушен, но при этом очень серьезно относился к жизни.

Октав, так мы назовем брата княгини, любил свою сестру и уговорил ее покинуть замок, где она жила с мужем, что княгиня и сделала, взяв с собою вдовью часть наследства. Несмотря на любезность новоиспеченного князя, что-то отталкивало от него Октава, хотя отношения они поддерживали и время от времени навещали друг друга.

Октав во время этих встреч держался холодно, не отвечая на сердечные излияния князя, всеми силами старавшегося завоевать симпатии молодого человека. Княгиня жила вдали от света и всю себя отдала воспитанию дочери, которую обожала. Она так и не сняла траур по мужу, потому что страдала, как и в день его гибели. Имени деверя она не могла слышать и, если Октав случайно его произносил, бледнела, устремив на брата горящие лихорадочным блеском, полные слез глаза.

Получив титул и все родовое имущество, князь решил, что пора позаботиться о наследнике, и нашел себе невесту из старинного, знатного и очень богатого рода. Все, казалось бы, обещало возвеличить и обогатить и без того могущественный и богатый дом Оппенгейм фон Шлезвиг. Невеста была молода и прекрасна и принадлежала к боковой линии правящего дома Габсбургов. Понятно поэто-

му, что князь торопился со свадьбой. Уже прошло восемь лет после трагических событий на турнире. Октав как-то собрался по делам в город Брюнен, где в двадцати от своего замка.

Он простился с сестрой, сел в почтовую карету и тронулся в путь.

На следующий день около восьми вечера он приехал в Брюнен и остановился в принадлежавшем ему доме недалеко от главной площади и дома губернатора.

Брюнен, прелестный городок, расположенный на берегу реки, с населением в пятнадцать-шестнадцать тысяч. В нем и поныне сохранился патриархальный уклад жизни.

При въезде в город Октав, к своему удивлению, заметил, что улицы заполнены народом, так что карета едва продвигалась вперед. Царило необычайное оживление, все здания, а особенно площади были иллюминированы. Уже дома, за ужином, Октав поинтересовался причиной всеобщего веселья, и вот что он узнал.

Тироль, как известно, страна гористая — это австрийская Швейцария. Горы там кишат разбойниками, которые грабят путников и так обнаглели, что нападают на деревни и даже предместья. Много лет назад один ловкий и предприимчивый бандит собрал шайку смельчаков и держал в страхе всю страну, нападая на путешественников, грабя и сжигая деревни и отваживаясь даже выступать против солдат, посылаемых на поимку бандитов, нанося им значительный урон. Мало-помалу его стали считать непобедимым. Власти, разумеется, не могли с этим смириться и приняли решительные меры. Но довольно долго это ни к чему не приводило. Главарь шайки каким-то непостижимым образом узнавал заранее, что против него замышляется, и избегал расставленных ловушек.

Но где были бессильны сила и хитрость, там пришло на помощь предательство. Один из шайки Красной Руки (так называл себя главарь шайки), считавший себя обделенным при дележе добычи, решил отомстить главарю и выдать его властям.

Через неделю Красная Рука вместе со своей шайкой неожиданно попал в руки солдат.

Несколько человек, которым удалось ускользнуть, одни, без главаря и поддержки, не могли долго продержаться и тоже были схвачены солдатами. Суд над разбойниками

продолжался недолго, все они были приговорены к смерти, и приговор был тотчас же приведен в исполнение. Только главарь и его ближайшие помощники еще были живы. Им уготовили более жестокую казнь, которая должна была состояться на следующий день.

По этому случаю и был устроен праздник в Брюнене. Со всех сторон стекались люди посмотреть на казнь того, кто так долго держал их в страхе, и уже с вечера заполнили улицы и площади.

Октав не был любопытен, после двух дней пути устал и, наскоро поужинав, отправился на покой.

Но когда он входил в спальню, явился лакей и что-то шепнул камердинеру.

— Что там еще? — спросил, обернувшись, Октав.

— Извините, господин барон, — почтительно ответил лакей, — там какой-то человек желает видеть ваше сиятельство.

— В такой поздний час? — вскричал барон. — Возможно ли это? Да и кто знает о моем приезде? Скажите, чтобы приходил завтра, сегодня уже поздно.

— Я говорил, ваша милость, а он твердит, что дело неотложное.

— Странно! Каков из себя этот человек?

— Священник, ваша милость. У него для вашей милости очень важное сообщение.

Заинтригованный столь необычным визитом, Октав поправил на себе одежду и вышел в приемную.

Священник ожидал его, стоя посреди комнаты. Он был уже далеко не молод. Седые волосы падали на плечи, лицо дышало добротой и покоем.

Барон почтительно склонился перед священником и жестом пригласил его сесть.

— Извините меня, господин барон, — промолвил священник, тоже с поклоном, продолжая стоять, — я духовник при тюрьме. Вы, вероятно, слышали о поимке бандитов?

— Кое-что слышал.

— Эти несчастные почти все казнены, остался их предводитель, но его ждет смерть. Перед тем как предстать перед судом всевышнего, этот человек покаялся в совершенных им кровавых делах. Не знаю, как он узнал о вашем приезде, но воспринял его как перст судьбы, призвал меня к себе и попросил съездить за вами.

— За мной? — вскричал молодой человек. — Что может быть общего между мною и этим несчастным?

— Не знаю, господин барон, он этого не объяснил. Сказал лишь, что желает открыть вам какую-то тайну.

— Все, что вы говорите, милостивый государь, поражает меня. Ведь я этого человека совершенно не знаю! Какая может быть между нами связь?

— Это он, без сомнения, объяснит вам при встрече. Не отказывайтесь от свидания с ним. Много лет я состою духовником при тюрьме и немало повидал на своем веку преступников накануне казни. Поверьте, в эти последние часы люди не лгут. Самые храбрые и сильные становятся слабыми перед тайной загробной жизни, перед вечностью. Они порывают с этим миром и уповают лишь на милосердие Божье. Красная Рука, так зовут преступника, должен умереть завтра и не надеется на спасение. Для чего может он призывать вас к себе сейчас, на пороге смерти, как не для того, чтобы покаяться в грехах своих, открыть вам, быть может, самую страшную из всех тайн, отягощающих его душу? Поверьте мне, господин, это и в самом деле перст Провидения, что вы приехали в город как раз накануне этой страшной казни. Последуйте за мной в темницу, где томится несчастный, считая минуты до свидания с вами. Быть может, эта тайна не имеет для вас особого значения, но неужели вы откажетесь утешить человека, которому суждено завтра умереть?

Молодой человек оделся и вышел вслед за священником. Было около полуночи, а народ все прибывал и прибывал. Немалых трудов стоило графу и священнику пробиться к тюрьме, со всех сторон окруженной стражей.

Тюремщик с фонарем в руке повел их в полном молчании по длинным коридорам и остановился у окованной железом двери.

— Входите, — сказал он.

Просторная камера скорее напоминала комнату. Только решетки на окнах говорили о том, что это тюрьма. Здесь стояла кровать, стол и несколько стульев, на стене даже висело зеркало. В глубине виден был черный алтарь. После вынесения приговора преступника держали в часовне, и утром и вечером туда приходил духовник помолиться за того, кто в скором времени покинет этот мир.

В этом месте рассказа граф и Доминик незаметно переглянулись, они знали, что такой обычай существует

только в Испании и подвластных ей колониях. Дон Хаиме, не подозревая, что допустил оплошность, спокойно продолжал:

— Приговоренный сидел у стола и при свете лампы читал. Когда священник с бароном вошли, он вежливо им поклонился и сказал:

— Господа, садитесь, пожалуйста. Подождем очевидцев того, о чем я вам буду рассказывать, я пригласил их, чтобы вы удостоверились в правдивости моих слов и покарали зло.

Священник и барон кивком выразили свое согласие и сели.

В наступившей тишине слышны были только шаги часового за дверью.

Преступник сел на прежнее место и углубился в размышления.

Воспользовавшись этим, барон стал внимательно его изучать.

На вид ему было под сорок. Высокий, отлично сложен, движения плавные, можно даже сказать грациозные. Гордо вскинутая голова, как у человека, привыкшего повелевать. Проницательный взгляд. Лицо его, с прекрасными чертами, было и нежным, и волевым, что придавало ему особое своеобразие. Черные как смоль, густые волосы ниспадали на широкие и могучие плечи. Костюм из черного бархата, какого-то необычного покроя подчеркивал матовую бледность лица и усиливал впечатление, производимое этим удивительным человеком. В коридоре слышались шаги, щелкнул замок, и дверь отворилась, в камеру вошли двое.

Тюремщик запер за ними дверь и удалился.

Один из вошедших был начальник тюрьмы, бодрый с виду, несмотря на свои шестьдесят лет, со спокойным лицом и коротко стриженными седыми волосами. Второй — офицер, довольно молодой с совершенно бесцветным, ничего не выражающим лицом. Он словно был создан для формы и в штатском, видимо, выглядел бы комично.

Оба поклонились и стояли в ожидании, не понимая, зачем их сюда позвали.

Заметив на их лицах немой вопрос, осужденный принялся объяснять, в чем дело.

— Господа, — сказал он — через несколько часов я предстану перед судом Божьим, более грозным, чем суд

человеческий. Я долго вел войну с законом и людьми, совершил множество преступлений, служил орудием в руках тех, кто, движимый злобой и местью, совершал кровавые преступления. Я заслужил свою кару и мужественно встречу смерть. Но прежде, чем уйти из этого мира, хочу покаяться во всех страшных грехах и молю Всевышнего не простить меня — на это я не смею надеяться, а хотя бы смягчить мою участь.

— Хорошо, сын мой, — тихо сказал духовник, — уповайте на Бога — его милосердие беспредельно.

Красная Рука долго молчал, потом снова заговорил:

— Я желал бы, прежде чем наступит мой смертный час, вернуть жизнь тем, у кого я отнял ее, но это невозможно. Мои жертвы спят мертвым сном. Но среди моих преступлений есть одно, пожалуй, самое страшное. И я хотел бы предотвратить его последствия. Затем я и позвал вас, чтобы в вашем присутствии дать показания и изобличить соучастников этого преступления. Приезд барона Октава как раз накануне моей казни не что иное, как перст Божий, указующий, что я еще не искупил свои грехи на этой земле. Я открою вам страшную тайну и хочу, чтобы при этом были свидетели, тогда можно будет покарать всех виновных.

Итак, господа, клянусь говорить правду, одну только правду и прошу вас запомнить мои слова, — он умолк, видимо, собираясь с мыслями.

Все с нетерпением ждали, что скажет преступник, особенно барон, тщетно старавшийся скрыть свое волнение под маской холодного равнодушия.

Он чувствовал, что наконец-то прольется свет на окутанное мраком прошлое его семьи, к чему он так долго и безуспешно стремился.

Преступник порывлся в столе и достал увесистую тетрадь.

— Восемь лет прошло со времени этих событий, но они так сильно запечатлелись в памяти, что, узнав о приезде барона, я за несколько часов написал эту исповедь, в которой нет ни слова лжи, и намерен вам ее прочитать, а потом попрошу всех вас под ней подписаться. Этот документ я передам барону. Его долг — защитить интересы семьи и покарать виновного. Я же был исполнителем, наемным убийцей.

— Это вы хорошо придумали, — заметил начальник

тюрьмы, — не сомневайтесь, мы подпишемся под вашей исповедью.

— Благодарю вас, господа, — сказал барон, — я не знаю, что там написано, но почти уверен, что услышу нечто, самым тесным образом связанное с судьбой моих родных.

— Вы совершенно правы, барон, — промолвил осужденный и приступил к чтению. Целых два часа читал Красная Рука, и вот в чем суть его признания: старый князь Оппенгейм фон Шлезвиг был убит им, Красной Рукой, притаившимся в кустах. Его нанял для этого черного дела младший сын князя. Став на путь преступлений и потеряв стыд и совесть, этот молодой человек под влиянием своих порочных наклонностей стремился любыми путями завладеть наследством. Он же, с холодной расчетливостью, убрал с пути старшего брата. После этого самые ужасные преступления следовали одно за другим и были описаны так правдиво и убежденно, что не могли не произвести удручающего впечатления. Как предстанут все эти преступники перед судом Божиим? Княгиня, как оказалось, родила близнецов, девочку и мальчика. Мальчик исчез, потому что был единственным прямым наследником князя.

Барон слушал, и ему казалось, что все это сон. Он не любил князя, но представить себе не мог, что тот ради золота из года в год хладнокровно совершал такие страшные преступления. Какой суд возьмет на себя ответственность предъявить человеку столько страшных обвинений, несмотря на неопровержимость доказательств? Кроме того, если предать дело огласке, это может повредить репутации семьи.

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове барона, усугубив испытываемое им страдание. Он не знал, на что решиться, а совета и помощи искать было не у кого. Осужденный подошел к барону и, подав ему тетрадь, сказал:

— Передаю этот документ в ваши руки!

Барон машинально взял тетрадь.

— Я разделяю ваше изумление и ужас, — сказал осужденный, — все, здесь изложенное, настолько страшно, что кажется неправдоподобным. Я хочу исключить всякую возможность заподозрить вас в клевете, господин барон, и прилагаю к этому документу вещественные доказательства.

— Где они? — вскричал барон.

— Здесь! Потрудитесь открыть эту сумку, там вы найдете свыше двадцати писем вашего родственника ко мне.

— О Боже! — вскричал барон. — Это невероятно!

Осужденный улыбнулся.

— Я понимаю, — ответил он, — вас удивляет, что князь Оппенгейм мог оставить такие страшные улики против себя, что при всем своем могуществе не уничтожил меня, чтобы овладеть этими неопровержимыми доказательствами его преступлений.

— Это действительно странно, — ответил барон, удивленный пронизательностью Красной Руки. — Мой родственник достаточно умен, чтобы не понимать всей опасности этих улик.

— Да, он не остановился бы ни перед чем, чтобы завладеть письмами, но он не подозревал, что они у меня. И вот почему: всякий раз, когда мы встречались, о чем он предупреждал меня письмом, я на его глазах сжигал письмо, только поддельное, а подлинное оставлял у себя. Князю в голову не могло такое прийти. После того как он избавился от новорожденного сына вашей сестры, я понял, что больше ему не понадобится, поскольку он достиг своей цели и он постарается убрать бывшего сообщника. Поэтому я уехал и три года жил за границей, пустив слух о своей смерти, в надежде, что он дойдет до князя. А спустя некоторое время я снова появился в этих местах. Князь никогда не знал моего настоящего имени. Для рыцаря с большой дороги кличка — главная защита. Она сбивает преследователей с толку. Поэтому все попытки князя проверить достоверность слухов о моей смерти оказались бы тщетными.

— Но объясните, с какой целью вы сохраняли эти письма?

— Чтобы иметь против князя оружие и в случае нужды под страхом разоблачения потребовать с него деньги, если бы мне пришла в голову мысль бросить мое опасное ремесло. Я не успел воспользоваться этой возможностью, меня схватили, но я не жалею.

— Очень вам благодарен, — ответил барон, — но не могу ли я вам отплатить за оказанную мне огромную услугу? Может быть, я могу что-нибудь для вас сделать?

Все отошли в дальний угол камеры, дав возможность барону поговорить с осужденным.

— Увы, теперь об этом поздно просить, я желал бы... — сказал осужденный и осекся.

— Говорите, может быть, я смогу чем-нибудь вам помочь.

— Смерти я не боюсь, — продолжал Красная Рука, — боюсь позора, оскорблений и насмешек этой жалкой толпы, которую еще недавно держал в страхе. Мысль об этом омрачает последние часы моей жизни. Для всех этих жестоких людей моя казнь — развлечение. Поэтому я хотел бы, когда за мной придут, быть уже мертвым. Вряд ли вы можете мне в этом помочь, господин барон.

— Вы ошибаетесь. Не только вас, но и ваших ближайших друзей, если они того пожелают, я могу избавить от унижений. Я дам вам перстень, в котором содержится яд. Стоит его понюхать, и моментально наступает смерть. Этот перстень привез мой предок. Вот он, возьмите.

— Благодарю вас, барон, — вскричал осужденный, пряча перстень на груди, — лучшей награды мне и не нужно, мы с вами квиты!

— Господа! — обратился Красная Рука ко всем присутствующим. — От души благодарю вас за то, что вы согласились прийти и быть свидетелями моего раскаяния. Выслушав меня, вы сняли камень с моей души на пороге смерти. Я хотел бы обратиться к вам еще с одной просьбой, но боюсь злоупотребить вашей добротой. Нельзя ли мне повидаться хоть на несколько минут с моими товарищами, которые так же, как и я, ожидают казни?

— Это последнее желание осужденного! — заметил духовник.

Начальник тюрьмы после некоторого колебания ответил:

— Ваша просьба будет выполнена, я распоряжусь, чтобы к вам привели ваших товарищей.

— Благодарю вас, — промолвил Красная Рука, — дай вам Бог всяческого благополучия! Вы не представляете, как благодетельствовали меня этой милостью, последней, которую вы мне можете оказать! Прощайте, господа! Да пребудет с вами вечно Господь!

Все покинули камеру, оставив осужденного в одиночестве. По дороге домой барон видел везде толпы народа.

Пробило шесть. На этот час была назначена казнь. Оживление в городе сменилось мертвой тишиной. Охваченные жаждой мести, все с нетерпением ждали исполнения приговора.

Мститель

Барон между тем, вернувшись домой, тотчас же распорядился об отъезде. Он совершенно забыл о деле, ради которого прибыл в Брюнен, а если бы даже и не забыл, все равно ничто не могло его удержать. Но во всем городе нельзя было достать лошадей раньше трех часов пополудни, и в оставшееся время барон решил отдохнуть, поскольку чувствовал себя утомленным.

Он так крепко спал, что не слышал яростных криков толпы. Вместо долгожданного зрелища ей показали трех мертвецов, которых нашли в камере ночью.

Когда барон проснулся, все было кончено, и город принял свой обычный вид.

Лошади уже ожидали у подъезда. Сборы были недолгие, и скоро барон сел в карету.

— Куда прикажете ехать, ваше сиятельство? — спросил кучер.

— В Вену! — ответил барон, усаживаясь поудобнее.

Кучер хлестнул лошадей, и карета тронулась с места.

Барон предался размышлениям.

В столь непростом деле может помочь лишь тот, у кого достаточно силы и власти, чтобы направить правосудие по правильному пути. Это — император.

Барон решил обратиться к нему за помощью и отправился прямо в Вену. Путь был неблизкий, строительство железных дорог только начиналось, поэтому такое путешествие требовало немалых сил и средств. Семь дней ехал барон и по прибытии в Вену тотчас же справился о местонахождении императора.

Барону называли Шенбрун, загородную резиденцию

Австрийского императора, примерно в полутора лье от Вены.

Барон, не теряя времени, сразу отправился в Шенбрун, чтобы поскорее получить высочайшую аудиенцию.

Происхождения барон был достаточно высокого, ему не пришлось долго ждать аудиенции. Она была назначена на третий день после его прибытия в Вену.

Императорский дворец находился, как мы уже сказали, вблизи Вены. Он был легкой, изящной постройки и в то же время не лишен величественности. В главном здании обращал на себя внимание подъезд с колоннами и широкой лесницей. Параллельно главному зданию тянулись ряды низеньких строений — служебных помещений и конюшен, которые, огибая два крыла главного здания и оставляя пространство для проезда шириной около десяти метров, по обеим сторонам стояли обелиски.

Въезд примыкал к мосту, переброшенному через небольшой приток Дуная.

Позади дворца был расположен прекрасный сад с бельведером на широкой лужайке, поросшей вокруг тенистыми деревьями, манившими к себе прохладой и веселым щебетом птиц.

Шенбрун известен еще тем, что там дважды побывал Наполеон и закончил дни свои его сын. Даже двор его этикетом и блестящими празднествами не может развеять печаль, окутавшую Шенбрун. Время его расцвета прошло, как и версальского дворца, ничто не может их оживить.

Итак, барон прибыл в Шенбрун минут за десять до аудиенции, назначенной на двенадцать часов.

Дежурный камергер уже ждал его и тотчас проводил к императору. Его Величество принял барона в зале для частных приемов, непринужденно прислонившись к камину. Император был очень любезен с бароном, и аудиенция длилась около четырех часов. О чем шел разговор между ними, так и осталось тайной, известны были только слова императора, сказанные при прощанье, когда он протянул барону руку для поцелуя и сказал:

— Я полагаю, что самое лучшее — действовать таким образом. Главное — избежать скандала в результате огласки этого ужасного дела. Это противоречило бы интересам дворянства. Можете рассчитывать на мою поддержку, барон. Воспользуйтесь моими советами, и да поможет вам Бог!

Барон низко поклонился и вышел.

В тот же вечер он выехал из Вены по дороге домой. Одновременно с ним отправился по той же дороге фельдъегерь с высочайшим указом.

Дон Хаиме прервал свой рассказ и обратился к графу де ля Соль:

— Догадываетесь ли вы, какой разговор мог произойти между императором и его подданным?

— Да, приблизительно.

— Неужели? — с удивлением воскликнул дон Хаиме. — Вы, может быть, нам об этом расскажете?

— С вашего разрешения.

— Да, конечно, пожалуйста!

— Дорогой друг дон Хаиме! Я, как вам известно, принадлежу к знати. Во Франции король не более чем первый дворянин Империи, первый между равными. Думаю, подобные отношения должны существовать везде. Что бы ни случилось с кем-нибудь из дворян, это касается в равной степени всех остальных, как и самого государя. Так, регент Франции приговорил графа Горна к жестокой казни — растерзанию на части за грабеж и убийство. Тому же, кто вступился за графа, ссылаясь на то, что он связан кровными узами с королевской фамилией, регент ответил: «Когда у меня портится кровь, я прибегаю к кровопусканию». И удалился. А дворяне не сочли для себя зазорным съехаться к месту казни. У австрийского же императора, как явствует из вашего рассказа, не хватило мужества открыто покарать виновного и вызвать, как он говорит, недовольство дворян. Нерешительный от природы, император пошел лишь на полумеры и, что вероятней всего, дал барону бланк со своей подписью, дающий право барону преследовать родственника, убить его собственноручно или подослать убийц и таким образом без суда и огласки восстановить справедливость. После расправы над князем легко будет передать жене покойного старшего брата или племянника, если удастся его разыскать, титул и состояние, похищенные путем стольких преступлений. Вот как я представляю себе разговор императора с бароном.

— Так, примерно, оно и было, только император поставил условие, чтобы барон, пока не пересечет границу, не предпринимал никаких действий против князя, а барон, в свою очередь, попросил императора помочь ему

отыскать племянника, если тот жив, на что император дал согласие.

Итак, барон вернулся в свой замок с бланком, подписанным самим императором, с высочайшим указом всем властям, как в Австрии, так и за ее пределами, оказывать барону всяческое содействие в его деле.

Барон, разумеется, не был удовлетворен подобным оборотом дела, но понимал, что большего не добиться, и смирился.

Без сомнения, барон предпочел бы громкий процесс и огласку унижительным действиям исподтишка, но выбора не было. И он, опасаясь испортить все дело, смирился.

Начал барон с поисков племянника, и тут ему сослужили службу бумаги Красной Руки, содержавшие весьма ценные сведения. Не говоря ни слова сестре, чтобы не подать ей напрасной надежды, он отправился на поиски. Вел их долго, с трудом, но не безуспешно. Ему посчастливилось в конце концов найти племянника, хотя тот и не подозревал, что человек, воспитавший его, не родной отец. Даже сестре барон не хотел ничего говорить, пока не настигнет жестокая кара убийцу ее мужа.

Барон не раз встречался лицом к лицу со своим врагом и мог с ним давно покончить, но ждал подходящего момента. Барон не собирался добиваться победы в честном поединке с князем, а жаждал увидеть его обесчещенным, покрытым позором.

Довольно долго дон Хаиме молчал.

Ночь подходила к концу, и в полуоткрытые окна проникал беловатый свет. Пламя свечей уже не казалось таким ярким, как в темноте. Город просыпался, далекие колокола звали прихожан к заутрене. Дон Хаиме ходил по комнате, бросая изредка взгляды на своих друзей.

Доминик, откинувшись на спинку кресла, прикрыв глаза, курил свою индейскую трубку. Граф де ля Соль, постукивая пальцами по столу, внимательно следил за доном Хаиме. Потом резко вскинул голову, пристально посмотрел на дона Хаиме и спросил:

— Вы закончили свою историю?

— Да! — коротко ответил дон Хаиме.

— Вам нечего больше добавить?

— Нечего!

— Простите меня, мой друг, но я вам не верю!

— Я вас не понимаю, граф!

— Извольте, я объяснюсь, только не перебивайте меня!

— Согласен, раз вы этого требуете. Итак, я вас слушаю. — Дон Хаиме снова начал ходить по комнате.

— Друг мой, — начал граф, — первое симпатичное лицо, встретившееся мне в Америке, было ваше, и хотя положение у нас с вами различное, судьбе было угодно постоянно сводить нас, что и привело в конце концов к глубокой сердечной привязанности. Нельзя сойтись с человеком, не изучив его характера, и потому я к вам присматривался, как и вы ко мне, без сомнения. Полагаю, не ради одного только ужина вы так неожиданно, ночью, явились сюда. Это на вас непохоже: вы самый воздержанный человек из всех, кого я когда-либо видел; кроме того, слушая вас, я себя спрашивал, зачем вы, такой скупой на слова, особенно если речь идет о какой-нибудь тайне, стали бы нам рассказывать эту, пусть даже весьма увлекательную, историю. Тем более, если она не имеет к нам никакого отношения. Выходит, не ради ужина явились вы к нам и не для того, чтобы доставить нам удовольствие, а с тайной целью рассказать нам эту историю. Напрасно вы напускаете на себя безразличный вид, будто события, о которых вы нам поведали, вас мало интересуют. Отсюда я делаю вывод, что вы чего-то не договариваете, точнее, чего-то ждете от нас.

— Это совершенно очевидно! — поддакнул Доминик.

— Да, вы правы, — ответил дон Хаиме. — Ужин явился только предлогом. Я пришел нынче ночью с единственной целью рассказать вам эту историю.

— Вот и прекрасно! — весело воскликнул Доминик. — Теперь, по крайней мере, вы сказали нам правду!

— Однако признаюсь вам, — грустно добавил дон Хаиме — мне страшно!

— Чего же вы боитесь? — вскричали молодые люди.

— Боюсь развязки. Она будет ужасна! Я хотел было обратиться к вам за помощью, но стоит ли молодым и счастливым впутываться в столь страшное дело? Нет, друзья! Лучше забудьте то, что я вам рассказал! Это vino мне ударило в голову!

— Нет! Клянусь честью, дон Хаиме, не бывать этому! — вскричал с жаром граф. — Клянусь от имени нас обоих! Вы нуждаетесь в нашей помощи, и мы окажем вам ее с радостью. Не знаю, что за неведомая сила связывает вас со всеми этими событиями, но вы не вправе отвергать

нашу поддержку в минуту опасности. Этим вы оскорбляете нас, будто мы трусливы и малодушны и не достойны вашей дружбы.

— Вы неверно поняли меня, дорогой граф, — возразил дон Хаиме, — никогда ничего подобного мне и в голову не приходило. Просто я не хочу подвергать вас опасности, втягивая в историю, к которой вы не имеете никакого отношения.

— Извините, друг мой! Если она вас касается, то и мы, ваши друзья, к ней причастны.

— Хорошо, будь по-вашему, — сказал дон Хаиме после некоторого молчания, — раз вы настаиваете, будем действовать вместе! Надеюсь на нашу удачу.

— Мы не обманем ваших надежд! — сказал граф.

— Ну, так в путь! — вскричал Доминик, вскакивая из-за стола.

— Нет, еще не пришло время, но ждать придется не долго, поверьте! А теперь последний бокал, и до свидания! Да, чуть было не забыл: если я почему-либо не смогу прийти за вами, вот мой пароль: «один плюс два — три», нетрудно запомнить, не правда ли?

— Разумеется!

— Итак, до свидания!

Средь бела дня

Маленький домик в предместье, где донья Долорес нашла убежище, несмотря на свой неказистый вид, обставлен был просто, но со вкусом. К дому примыкал сад, что в Мехико редко бывает, не очень большой, но ухоженный с густыми боскетами и тенистыми деревьями, которые так и манили прохладой в полуденный зной.

Сад был излюбленным местом доньи Долорес и доньи Кармен. Они часто сюда забирались, и их звонкие голоса сливались с щебетом птиц. В доме никто не бывал, кроме дона Хаиме, графа и Доминика.

Дон Хаиме, занятый своими какими-то делами, появлялся редко и на короткое время, чего нельзя было сказать о молодых людях.

Первые дни они строго следовали совету своего старшего друга и соблюдали осторожность, но со временем стали навещать девушек все чаще и чаще, не в силах устоять перед их чарами, и бывало проводили с ними целые дни. И вот однажды, когда они весело болтали в саду, снаружи послышался шум.

Появился перепуганный слуга и сообщил, что в дом ломятся бандиты.

Граф успокоил женщин, попросил остаться в саду, а сам вместе с Домиником пошел в дом.

Здесь же весьма кстати оказался и Рембо. Он принес графу письмо.

Мужчины вооружились двустволками и револьверами и направились к двери, в которую изо всех сил колотили бандиты.

Граф велел им открыть, и тотчас же в дом ворвалось

человек десять с угрозами и криками. Увидев трех вооруженных мужчин, они остановились, как вкопанные.

Не ожидая встретить сопротивления, бандиты пришли без оружия, только с ножами и сейчас испуганно переглядывались. Ведь им сказали, что в доме только женщины.

В этот же момент граф передал свое ружье слугам, а сам вынул шестизарядный револьвер и навел на бандитов. Они стали медленно отступать, а потом опрометью бросились вон. Граф спокойно запер за ними дверь.

Молодые люди от души посмеялись над своей легкой победой и присоединились к дамам, с замиранием сердца ожидавшим их в глубине сада.

Получив хороший урок, бандиты здесь больше не появлялись.

После этого случая донья Мария всячески поощряла визиты молодых людей, удерживала, если они собирались уйти, боясь показаться навязчивыми. К ней присоединились девушки, так что вскоре граф и Доминик стали проводить почти все свое время в обществе дам.

На следующий день после ужина с доном Хаиме друзья не пришли к донье Марии, как обычно, в одиннадцать. Уже было двенадцать, а их все не было. Девушки остались в столовой, сделав вид, будто прибирают, только бы не идти в сад, где их давно уже ждала донья Мария. Они молча переставляли с места на место мебель, то и дело поглядывая на часы.

— Как вы думаете, Кармен, — спросила, наконец, донья Долорес, — почему до сих пор не пришел граф?

— Не знаю, что и думать, — ответила Кармен, — признаться я очень встревожена. В городе, говорят, неспокойно, не случилось ли с ними беды?

— О! Это было бы ужасно!

— Что мы будем делать одни в этом доме? Если бы не они, нас давно не было бы в живых.

— Тем более, что доня Хаиме здесь почти никогда нет. Девушки тяжело вздохнули, поглядели друг на друга полными слез глазами и обнялись.

Но не за себя они боялись.

— Ты любишь его? — спросила, наконец, донья Долорес подругу.

— Люблю, — прошептала в ответ Кармен. — А ты?

— И я люблю!

Теперь между девушками больше не существовало тайны.

— Когда ты его полюбила? — спросила донья Кармен.

— Не знаю, мне кажется, я всегда его любила.

— И я всегда.

Что может быть прекрасней и чище первой девической любви! Душа устремляется ввысь и парит за облаками в поисках чего-то возвышенного.

— А он любит тебя? — вкрадчиво спросила Кармен.

— Конечно, раз я его люблю!

Любовь тем и хороша, что не подвластна логике, иначе это не любовь.

— Это он! — вдруг прошептала Долорес, прижав руки к груди.

— Это он! — прошептала Кармен, тоже прижав руки к груди.

Непонятно, что так взволновало девушек, снаружи все было тихо. Однако донья Долорес и донья Кармен тотчас выпорхнули из столовой и, как две спугнутые голубки, устремились в сад.

Почти в то же время в дверь постучали, и слуга поспешил отворить дверь.

— А где дамы? — спросил, входя, граф.

— В саду, ваше сиятельство! — ответил слуга, запирая дверь.

Донью Марию и девушек молодые люди нашли в самой тенистой части сада. Донья Мария вышивала, а девушки так увлеклись чтением, что, казалось, не заметили появления молодых людей, хотя обе густо покраснели и притворились удивленными.

Молодые люди почтительно поклонились.

— Наконец-то вы пришли, господа, — сказала с улыбкой донья Мария. — А мы уже беспокоились!

— Ничего не беспокоились, — едва произнесла донья Долорес, — видимо, господа нашли себе более приятное местопребывание и потому задержались.

Донья Кармен ничего не сказала, только надула губки.

— Ну, ну, глупенькие, — ласково заметила донья Мария, — не смущайте молодых людей, видимо, у них были дела поважнее.

— Нет у них никаких дел, — пренебрежительно бросила донья Долорес. — Они совершенно свободны.

— Ладно, — в тон подруге сказала донья Кармен. — Стоит ли придирааться по пустякам!

Молодые люди окончательно растерялись. А шалуньи, глянув на них, весело рассмеялись.

Граф и Доминик изменились в лице.

— Великий Боже! — вскричал Доминик, топнув с досады ногой. — Какими же надо быть злыми, чтобы мучить нас понапрасну!

— Нас задержал дон Хаиме, — произнес граф.

— Так вы его видели? — спросила донья Мария.

— Да. Нынче ночью он к нам приходил.

Таким образом инцидент был исчерпан.

Молодые люди сели, и завязался разговор. Девушки продолжали дуться, они были рады, что ввели молодых людей в смущение, и в то же время сердились, полагая, что ни граф, ни Доминик не догадались о причине их упреков.

Молодые люди так были очарованы этими юными созданиями, чьи взгляды пьянили, а голоса были подобны райской музыке, что каждая минута, проведенная в их обществе, казалась самой счастливой.

День пролетел как прекрасный сон.

В девять вечера молодые люди попрощались и вернулись к себе.

— Тебе хочется спать? — спросил граф Доминика.

— Совершенно не хочется. А что?

— Мне надо тебе кое-что сказать.

— Прекрасно, друг мой, мне тоже.

— В таком случае, приготовим грог, будем курить и болтать.

— Не возражаю.

Молодые люди сели и закурили сигары.

— Какой прекрасный день! — сказал граф.

— Еще бы! Другим он и не мог быть в таком обществе.

И молодые люди, будто сговорившись, разом вздохнули.

— Хочешь быть откровенным? — рсшительно спросил граф.

— С тобой всегда, и ты это знаешь, — ответил Доминик.

— Ну, так слушай. Ты, вероятно, догадываешься, зачем я приехал в Мексику.

— Насколько я помню, ты говорил, что намерен жениться на твоей родственнице, донье Долорес де ля Крус.

— Совершенно верно! Но ты не знаешь, при каких обстоятельствах мы были помолвлены. Я хотел бы отказаться от этого брака, но не могу.

— Неужто это правда? — вскричал Доминик.

— Сейчас я тебе все объясню. Нас помолвили еще в колыбели родители. Я узнал об этом уже, когда стал взрослым и пришло время выполнить обещание родителей.

Сама мысль жениться на незнакомой девушке, которую я никогда не видел, внушала мне отвращение. Но пришлось смириться. С чувством глубокого сожаления расстался я со своей счастливой беспечной жизнью в Париже, среди друзей, и отправился в Мексику. Дон Андрес де ля Крус принял меня с расprostертыми объятьями и представил дочери, моей невесте. Донья Долорес отнеслась ко мне более чем холодно; ее, вероятно, тоже пугал брак с незнакомым человеком. Отец даже не сказал ей о нашей помолвке, что я узнал уже позднее. Ее холодность меня радовала, в глубине души я надеялся, что брак наш расстроится. И это, несмотря на то, что донья Долорес очень хороша собой.

— О, да! — прошептал Доминик.

— Мало того, у нее прекрасный характер, светлый ум, прелесть и очарование женщины.

— Все, что ты говоришь, сушая правда, — ответил Доминик.

— И все же, я не могу ее полюбить. Это выше моих сил, а между тем долг обязывает меня заключить этот союз, тем более теперь, когда донья Долорес осталась без отца, незащищенная от своего мстительного и злобного брата. В общем, я жених. И обязан выполнить свой долг. Такова была последняя воля ее отца. Но я люблю...

— Кого? — спросил Доминик, дрогнувшим голосом.

— Донью Кармен!

— Благодарение Богу! — воскликнул Доминик.

— Что это значит, Доминик?

— Я тоже люблю, — ответил молодой человек, — люблю донью Долорес, и ты мне подал надежду. — Граф пожал Доминику руку, и они обнялись.

— Будем надеяться, — сказал граф, тихонько высвобождаясь из объятий друга.

Человек со средствами

Было два часа пополудни. Погода выдалась тихая, безветренная и, равнина, казалось, уснула, измученная палящим солнцем, на прихотливых извивах серо-белой скалистой дороги искорками сверкал слюдяной сланец.

Воздух был совершенно прозрачным, что естественно для жаркого сухого климата, до самого горизонта все просматривалось. Однако из-за однообразия красок пейзаж был каким-то тоскливым.

На развилке стоял небольшой белый дом с итальянской крышей.

Неотесанные бревна у входа поддерживали балкон, сверху до низу забранный решеткой и поэтому похожий на клетку.

Это была вента — типичная мексиканская гостиница.

Привязанные у столба, стояли лошади, устало опустив головы с потными боками.

Неподалеку в тени, прямо на земле, укутавшись в плащи и выставив ноги на солнце, спали люди.

Это были партизаны-гверильясы. Полусонный часовой, прислонившись к стене, сторожил сложенное в козлы оружие, точнее делал вид, что сторожит.

Под навесом у входа сидел, покачиваясь в гамаке, офицер, брэнча на гитаре и напевая надтреснутым голосом.

Из гостиницы вышел толстый низенький человек с плутовскими глазами и насмешливым лицом и подошел к гамаку.

— Дон Фелиппе, — обратился он с поклоном к незадачливому гитаристу, — не соблаговолите ли отобедать?

— Уважаемый хозяин, — чванливо ответил офицер, — я попросил бы вас не забывать, что у меня есть чин и называть меня полковником.

— Извините, ваша милость, — ответил хозяин, низко кланяясь. — Я простой человек и плохо разбираюсь в чинах.

— Ладно, ладно, я прощаю. Что же до обеда, то я пока воздержусь. Дождусь одного человека и вместе с ним буду обедать. Он скоро явится.

— Мне очень жаль, господин полковник, что все остынет. Обед удался на славу.

— Что же тут поделаешь! Впрочем, накрывайте на стол, я чертовски голоден.

Хозяин ушел, а офицер вылез из гамака, отложил гитару, закурил и с папиросой в зубах вышел из-под навеса, пристально вглядываясь в горизонт. Вдруг он увидел мчавшегося во весь опор всадника, окутанного облаком пыли, и радостно вскрикнул. Он узнал человека, которого так долго ждал.

— Ну и жара! Черт побери, я просто изнемогаю! — вскричал всадник, осадив лошадь.

— Здравствуйте, дон Диго, рад вас видеть, — промолвил полковник, протягивая прибывшему руку, — я уже не надеялся увидеть вас здесь. Обед готов, с дороги, я уверен, вы здорово проголодались!

Хозяин провел обоих мужчин в отдельное помещение, где, усевшись за стол, они с жадностью накинудись на стоявшую перед ними еду.

Сначала ели молча, сосредоточенно, потом, утолив голод, устроились поудобнее в креслах и закурили.

Напоследок хозяин принес бутылку каталонского ликера и ушел.

Когда рюмки были наполнены, дон Диго заговорил:

— Да, дорогой мой полковник, теперь мы, слава Богу, насытились и можем поболтать!

— С большим удовольствием, — ответил, усмехнувшись, полковник.

— Сейчас вам расскажу, какой у меня был вчера разговор с генералом, — продолжал дон Диго. — Я советовался с ним насчет одного дела, которое хотел поручить вам, и знаете, что мне ответил генерал: не делайте этого, дон Диго, полковник Филиппе хоть и способный, но никчемный и с предрассудками, он не поймет, что дело, которое вы ему

предлагаете, в высшей степени патриотичное, и увидит в нем одну только денежную сторону; он посмеется над вами и над вашими двадцатью пятью тысячами пиастров, хотя это и кругленькая сумма. Но раз вы назначили ему свидание, отправляйтесь хотя бы для того, чтобы собственными ушами услышать, как он вас одернет, когда вы рискнете предложить ему это дело, и откажется от дела и от ваших пиастров.

Полковник что-то промычал в ответ, очень заинтересованный «кругленькой суммой».

Дон Диего украдкой за ним наблюдал.

— Итак, — сказал он, бросив папиросу, — пожалуй, я не буду с вами говорить о деле, генерал был прав.

— Гм! — снова промычал полковник.

— Жаль, конечно, но, видимо, придется обратиться к Гилляру, быть может, он решительнее вас.

— Гилляр — плут! — с негодованием вскричал дон Фелиппе.

— Знаю, — не стал возражать дон Диего, — но выхода у меня нет, я предложу ему задаток в десять тысяч пиастров и уверен, он не откажется, тем более что дело в высшей степени благородное.

Полковник наполнил стаканы, дело, видимо, его очень заинтересовало.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Шутка ли, десять тысяч пиастров!

— Да, не больше и не меньше, к тому же я не из тех, кто будет даром разыскивать среди приятелей нужных людей.

— Но нет, Гилляр — вам не приятель.

— Совершенно верно, поэтому мне не очень хотелось бы к нему обращаться.

— А что за дело?

— Это тайна!

— Так ведь я ваш друг! Не сомневайтесь, буду нем как могила.

Дон Диего сделал вид, будто думает, потом спросил:

— Вы даете слово молчать?

— Клянусь честью!

— В таком случае я расскажу в нескольких словах. Вы знаете не хуже меня, полковник, сколько сейчас лицемерных людей. Они служат сразу двум партиям, торгуют без зазрения совести нашими военными тайнами, а также

тайнами неприятеля. И вот правительство Хуареса заподозрило в этой двойной игре двух человек, но они до того изворотливы и так ловко действуют, что уличить их в преступных действиях невозможно. Вот этих-то людей и надо разоблачить, захватив их секретные документы, за что будет добавлено еще пятнадцать тысяч. Располагая этими документами, главнокомандующий немедленно передаст их в военный суд. Как видите, дело это может лишь сделать честь его исполнителю.

— Да, весьма похвально. А что за люди попали под подозрение?

— Разве я их вам не назвал?

— Нет, не назвали.

— О! Это люди известные. Один — доверенное лицо при генерале Ортега, второй, если не ошибаюсь, на собственные средства вооружил целый отряд.

— А имена их?

— О, они хорошо вам известны. Я полагаю, один — дон Антонио де Касебар, второй...

— Дон Мельхиор де ля Крус! — договорил дон Фелиппе.

— Значит, вы знаете? — вскричал дон Диего с наигранным удивлением.

— Быстрое продвижение этих лиц по службе, безграничное доверие к ним президента можно объяснить только милостью к ним.

— Именно поэтому некоторые высокопоставленные особы считают необходимым разобраться в том, что это за люди.

— Что это за люди, я знаю, — вскричал дон Фелиппе, — и представлю требуемые доказательства!

— Вы готовы это сделать?

— Готов! Клянусь вам, тем более что считаю долгом всякого порядочного человека поймать с поличным злодеев. Лучше меня, — добавил он с многозначительной улыбкой, — этого никто не сделает.

— Дай Бог, чтобы это было так, полковник! Если только дело завершится успехом, могу заверить вас, что благодарное правительство не ограничится в своем вознаграждении деньгами.

Дон Фелиппе самодовольно улыбнулся, поняв, что это намек на повышение, о котором он так мечтал.

Дон Диего, словно не замечая этой улыбки, вытащил

объемистый кошелек, достал сложенный вчетверо листок и передал дону Фелиппе. Тот жадно схватил его, и лицо его на какой-то момент приняло хищническое выражение.

Это был чек на десять тысяч пиастров.

Дон Диего поднялся.

— Вы уже уходите? — спросил полковник.

— Да, о чем весьма сожалею.

— До скорого свидания, дон Диего!

Молодой человек вскочил на лошадь и ускакал.

— Ну, — прошептал он, — мерзавцы, кажется, попадутся в ловушку.

Полковник после ухода дона Диего снова залез в гамак, взял гитару и стал еще громче бренчать.

Любовь

Долорес и Кармен были в саду одни. Укрывшись в глубокие рощи, где цвели апельсины, лимоны и гранаты, они вели задушевную беседу. Донья Мария, сославшись на нездоровье, осталась дома. Но скорее всего она просто хотела дать возможность девушкам посекретничать, а заодно прочесть письмо от дона Хаиме, доставленное надежным человеком.

Девушки, оставшись одни, принялись верить друг другу свои нехитрые тайны. Предметом разговора, как вы могли догадаться, была любовь. Но изливая душу друг другу, они мысли не могли допустить, чтобы объясниться с молодыми людьми — гордость не позволяла.

Девушкам, чистым и наивным как дети, было чуждо кокетство, присущее представительницам, так называемых цивилизованных наций, которые зачастую превращают любовь в жестокую игру. По странной случайности разговор девушек принял тот же оборот, что и разговор между графом и Домиником несколько дней назад.

— Долорес! Ты смелее меня и лучше знаешь дона Людовика, который к тому же с тобой в родстве, почему ты так холодна с ним?

— Увы, моя дорогая, — ответила донья Долорес, — положение обязывает меня быть сдержанной. Кроме графа Людовика, у меня не осталось родных, много лет назад родители нас обручили.

— Как могли родители обручить детей без их согласия, заведомо обрекая их на несчастливую жизнь?

— В Европе, говорят, это принято. К тому же мы, жен-

щины, должны безропотно подчиняться мужчинам, словно рабыни.

— Да, это так, но если бы мы воспротивились этому...

— В этом случае мы вызвали бы только презрение, испортили бы себе репутацию.

— Значит, ты готова вопреки голосу сердца согласиться на этот чудовищный брак?

— Что я могу тебе сказать! Сама мысль об этом браке повергает меня в отчаяние, но выхода я не вижу. Граф покинул Францию с единственной целью жениться на мне. Мой отец перед смертью взял с него слово жениться на мне. Что же я могу сделать, если обстоятельства против меня?

— А почему бы тебе не объясниться с графом? — с жаром возразила Кармен. — Может быть, тогда все решится как нельзя лучше?

— Возможно, но подобное объяснение не может исходить от меня. Граф столько добра сделал мне после смерти отца, что я не могу отплатить ему неблагодарностью и отказом на его весьма лестное для меня предложение!

— О, значит, ты любишь его, Долорес? — с досадой вскричала Кармен.

— Нет, не люблю, — ответила донья Долорес, — но, может быть, и он меня не любит. Судя по его поведению, это именно так!

— Я уверена, он меня, меня любит! — перебила ее Кармен.

— Дорогая моя, — с улыбкой ответила Долорес, — когда речь идет о любви, ни в чем нельзя быть уверенной, даже несмотря на клятвы и уверения. Допустим, граф меня любит или не любит, но можно предположить, что я его люблю, и в обоих случаях я должна ждать, когда граф сам со мной объяснится, а это непременно произойдет, и очень скоро. И тогда, клянусь тебе, Кармен, я все выскажу ему откровенно, и если не услышу от него столь же откровенного признания, мне придется покориться своей судьбе. Вот все, что я могу тебе обещать. Принять другое решение мне не позволяет мое женское достоинство.

— Дорогая Долорес, я очень страдаю и желала бы другого исхода, но понимаю, что в сложившихся обстоятельствах это для тебя единственный выход. Не сердись на меня за мою горячность — поверь, мне очень тяжело!

— А мне разве легче? Разве я счастлива? Я, может быть, еще несчастнее тебя!

В это время раздались шаги.

— Кто-то идет, — сказала донья Долорес.

— Это граф! — воскликнула Кармен.

— Откуда ты знаешь?

Девушка покраснела.

— Мне сердце подсказывает, — тихо прошептала она.

— Он как-будто один?

— Да, один!

— О, Боже! Не случилось ли чего-нибудь?

— Не дай Бог!

Граф и в самом деле пришел один. Он поклонился девушкам и стоял в ожидании, пока его пригласят подойти. Донья Долорес с улыбкой протянула ему руку, а донья Кармен потупилась, чтобы скрыть смущение.

— Милости просим, граф, — сказала донья Долорес, — что-то вы сегодня поздно!

— Я счастлив, что вы заметили мое невольное опоздание; мой друг, дон Доминик, с утра отправился по делам лье за два от города, и мне пришлось исполнить некоторые его поручения, вот причина задержки.

— Причина уважительная, и мы вас прощаем — я и Кармен, — а теперь садитесь, поболтаем немного.

— С большим удовольствием!

Граф сел рядом с девушками и, вежливо поклонившись, сказал:

— Позвольте мне, донья Кармен, выразить вам мое глубочайшее почтение и справиться о вашем драгоценном здоровье.

— Благодарю вас за внимание, кабальеро, — ответила донья Кармен. — Слава Богу, я совершенно здорова, чего, к сожалению, не могу сказать о моей матушке.

— Разве донья Мария больна? — взволнованно спросил молодой человек.

— Надеюсь, ничего опасного, но все же она предпочла остаться дома.

Граф моментально встал.

— Быть может, я пришел не во время, — я удаляюсь...

— Нет, кабальеро, вы нам не чужой. Вы родственник и жених доньи Долорес, — на последних словах она сделала ударение. — А уж сколько услуг вы нам оказали, и говорить нечего. Поэтому достойны самой глубокой нашей признательности. Что бы ни случилось, всегда будете желанным гостем, — добавила с улыбкой донья Кармен.

— Вы смущаете меня, сеньориты, превознося мои ничтожные заслуги.

— Будем ли мы иметь удовольствие видеть у нас вашего друга?

— Не позднее чем через час, он будет здесь. Но вы уходите от нас, донья Кармен?

— С вашего разрешения я вас покину на несколько минут, надеюсь, донья Долорес не даст вам скучать. Пойду провожаю маму.

— Идите, сеньорита, и будьте любезны передать донье Марии мое самое горячее сочувствие и огорчение по случаю ее недомогания.

Девушка с улыбкой поклонилась и упорхнула, словно птичка.

Оставшись наедине, донья Долорес и граф ощутили неловкость. Оба чувствовали, что надо, наконец, объясниться. Но если женщине трудно сказать любящему ее человеку о своей нелюбви, то еще сложнее это сделать мужчине.

Несколько минут оба молчали, украдкой поглядывая друг на друга. Наконец граф решил, что вряд ли в ближайшее время снова наступит столь благоприятный момент для объяснения, и, сдерживая волнение, начал:

— Привыкаете ли вы потихоньку к вашему положению затворницы, на которое вас обрекли несчастливые обстоятельства нашей жизни?

— Я примирилась со своей судьбой и, если бы не печальные воспоминания, была бы совершенно счастлива.

— Рад за вас.

— Донья Мария и донья Кармен меня обожают, заботятся обо мне. Есть у меня преданные друзья. Чего же еще желать в этом мире, где полное счастье недостижимо?

— Завидую вашей философии, но на правах родственника и... друга считаю своим долгом предупредить вас, что, как бы ни были вы довольны своим нынешним положением, оно не может длиться вечно, вы не можете жить постоянно в этой милой семье, мало ли по какой причине вам придется расстаться с ней.

— Вы правы, — прошептала Долорес.

— Вы сами знаете, — продолжал граф, — что судьба людей в этой несчастной стране полна превратностей, особенно судьба девушек, таких красивых, как вы. На каждом шагу их подстерегают опасности. Я ваш родствен-

ник, если не самый близкий, то, во всяком случае, самый преданный. Надеюсь, вы в этом не сомневаетесь?

— Бог мой, конечно, не сомневаюсь! Я полностью доверяю вам и глубоко признательна за все, что вы для меня сделали.

— Только признательны? — произнес граф, сделав ударение на последнем слове.

Донья Долорес ласково на него взглянула.

— Как еще я могу назвать свое чувство, если не признательностью?

— Извините, но наше положение настолько необычно, что я, право, боюсь обидеть вас каким-нибудь неосторожным словом.

— Не надо бояться! Вы мой друг, и, что бы вы ни сказали, я со вниманием выслушаю.

— Вы меня называете другом, но ваш отец хотел...

— Да! — взволнованно прошептала донна Долорес. — Отец хотел устроить мою судьбу, но смерть ему помешала.

— Ваша судьба зависит от вас одной, — возразил граф.

Девушка с минуту подумала и сказала, бледнея:

— Воля отца для меня закон. И если вы пожелаете, я выполню его волю.

— Нет! — вскричал граф. — Я поклялся дону Андресу сделать все, что возможно, для вашего счастья. Вашу руку я мог бы принять только вместе с вашим сердцем. Но я никогда не сделаю вас несчастной, не заставлю выйти замуж против вашего желания.

— Благодарю вас, — ответила донья Долорес, опустив голову, — вы добры и благородны!

Молодой человек нежно взял ее за руку.

— Долорес, позвольте мне считать вас сестрой!

— О, да! — ответила девушка едва слышно.

— Ведь я для вас только друг?

— Увы, это так!

— Дальнейшие объяснения излишни, вы свободны!

— Что вы хотите сказать? — робко спросила донья Долорес.

— Я хочу сказать, что возвращаю вам ваше слово, но оставляю за собой право заботиться о вашем счастье и благополучии.

— Неужели это возможно?

— Вы не любите меня, Долорес, ваше сердце принадлежит другому. Наш брак принес бы несчастье нам обо-

им. Бедное дитя, в ваши юные годы вы и так перенесли много горя. Будьте же счастливы с тем, кого любите! Я сделаю все, чтобы ваш союз был поскорее заключен.

— Ах! — в слезах вскричала девушка, сжимая руку графа. — Почему я люблю не вас, такого великодушного и достойного человека!

— Сердце нам не подвластно. Но, может быть, все к лучшему! Осушите ваши слезы, дорогая Долорес, и поверьте мне ваши сердечные тайны, которые, впрочем, я и так знаю.

— Неужели? — вскричала девушка. — Откуда же?

— Он не был так скромен, как вы, дорогая Долорес, и во всем признался.

— Он меня любит! Возможно ли это?

— Сейчас он сам вам ответит, — сказал граф, услышав торопливые шаги.

В тот же момент появился Доминик.

— Ах! — воскликнула Долорес, в изнеможении опустившись на скамью, с которой было встала.

— О Боже! — вскричал, бледнея, Доминик. — Что случилось?

— Ничего особенного, донья Долорес разрешает вам объясниться.

— Это правда? — прошептал Доминик, опускаясь перед девушкой на колени.

— О мой друг! Зачем вы выдали мою тайну? — произнесла она с упреком.

— Дорогая Долорес! Ведь вы не доверили мне своей тайны. Я сам о ней догадался, — ответил граф.

— Изменник! — воскликнула девушка, погрозив пальцем. — Но погодите! Теперь и ваша тайна раскрыта!

Она убежала, оставив молодых людей одних.

Доминик, удивленный, хотел броситься за ней следом, но граф его удержал.

— Останься, у девушек свои секреты. Чего тебе еще надо — ты теперь знаешь, что она тебя любит!

— О друг мой! — вскричал Доминик. — Я счастливейший из людей!

— Эгоист, — мягко заметил граф, — только о себе думаешь, а я мучаюсь и теряю надежду.

Донья Долорес убежала, чтобы собраться с мыслями и прийти в себя от смущения.

На пороге она столкнулась с доньей Кармен и порыви-

сто обняла ее. Видя, что подруга взволнована, донья Кармен отвела Долорес в ее комнату.

Прошло довольно много времени, прежде чем Долорес успокоилась и рассказала подруге о том, что произошло в саду.

Донья Кармен очень обрадовалась этой новости. Не будет больше недомолвок, и они могут свободно мечтать о будущем. Они уверены в любви молодых людей, и нет больше препятствий на пути к их счастью.

Так рассуждала донья Кармен, уговаривая Долорес успокоиться.

Девушки не скрывают своих чувств от молодых людей, но сами ни за что не объясняются в любви из гордости.

Кармен была на несколько лет старше Долорес и умела владеть своими чувствами. Она посмеялась над слабостью подруги и уговорила ее не раскаиваться в случившемся.

Совершенно успокоившись, девушки отправились в сад, но молодых людей там уже не застали.

Неожиданное нападение

А теперь вернемся к тому времени, когда Мирамон бесцеремонно распорядился хранящимися в английском консульстве деньгами Конвента, и расскажем о событиях, тесно связанных с нашим повествованием.

Как и предсказал дон Хаиме, захват денег Конвента генералом Маркесом не мог не бросить тень на доброе имя президента. Члены дипломатического корпуса, в первую очередь, испанский посланник и управляющий делами французского посольства, прежде поддерживающие Мирамона против Хуареса, теперь считали партию умеренных, в которую входил Мирамон, погибшей, если только не произойдет какого-либо чуда. А на чудо в создавшейся ситуации рассчитывать было нечего. К тому же денег Конвента из средств, предоставленных доном Хаиме в распоряжение президента, не хватило не только на покрытие дефицита полностью, но даже малой его части. Огромные суммы ушли на выплату солдатам жалованья за три месяца, после чего Мирамон объявил вербовку новых солдат, намереваясь последний раз попытаться счастья на поле брани.

Однако Мирамон, молодой, энергичный генерал, хорошо понимал всю невыгодность своего положения по сравнению с превосходящими силами «пурос» — «чистых», как называли себя сторонники Хуареса, и потому прежде, чем прибегнуть к силе оружия, решил испытать единственное, доступное ему средство, — дипломатическое посредничество.

Испанский посланник, прибыв в Мехико, признал правительство Мирамона, и вот к нему-то и обратился в

отчаянии Мирамон, желая заручиться поддержкой представителей иностранных государств для переговоров о мире и предлагая со своей стороны соответствующие уступки.

Во-первых, условия о мире определяют представители воюющих сторон вместе с представителями Европы и Соединенных Штатов.

Во-вторых, представители воюющих сторон назначают главу республики, который сохраняет свою власть вплоть до решения этого вопроса представителями всей страны.

В-третьих, на собраниях этих же представителей будет решен вопрос о созыве Конгресса.

О том, что распри утомили Мирамона и он ничего так не желает, как мира, свидетельствует телеграмма от 3-го октября 1860 года, посланная Мирамоном испанскому послу. Вот какими словами она заканчивается: «Да исполнятся с Божьей помощью все мои пожелания, с которыми я обращаюсь к вам лично».

Как и можно было предполагать, попытка мирного решения вопроса не удалась. Почему? Это ясно каждому, даже не интересующемуся политикой.

Хуарес, овладевший большей частью мексиканской территории, чувствовал себя хозяином страны и, хотя ничего не имел против переговоров, хотел не уступок со стороны Мирамона, а полной его капитуляции.

Но Мирамон, отважный как лев, затравленный охотниками, верил в непобедимость своей шпаги и не хотел сдаваться.

Итак, 17 ноября он обратился к своим приверженцам с последним воззванием, стараясь разбудить в них веру в общее дело и заразить своей энергией.

К несчастью, в войсках Мирамону больше не верили и остались глухи к его призыву. Личные интересы и страх взяли верх. Мирамону надо было решать: либо прекратить борьбу и сложить с себя власть, либо все поставить на карту и попытать счастья с оружием в руках.

После долгих размышлений генерал решил снова взяться за оружие.

Ночь была на исходе, бледный свет проникал в комнату через занавески, споря с гаснущим пламенем свечей. Генерал вел разговор с доном Хаиме, которого не так давно принимал в этом же кабинете.

Догоравшие свечи свидетельствовали о том, что разговор начался давно, и сейчас оба склонились над большой картой, обмениваясь замечаниями.

Вдруг генерал выпрямился, опустился в кресло и прошептал:

— Зачем упорствовать вопреки судьбе?

— Чтобы победить, генерал! — ответил дон Хаиме.

— Это невозможно!

— Вы отчаялись, генерал?

— Нет, напротив, скорее погибну, чем покорюсь презренному Хуаресу, злобному и мстительному индейцу, из жалости подобранному на дороге испанцем. Этот негодяй с помощью междоусобных войн хочет привести страну к гибели.

— Что же тут поделаешь, генерал, — насмешливо заметил дон Хаиме, — может быть, испанец, о котором вы говорите, нарочно воспитал подобранного им индейца мстительным и злобным, предвидя происходящие ныне события?

— Клянусь, что никто еще никогда не замышлял столь хитроумных и коварных планов и не осуществлял их такими гнусными путями и с таким бесстыдством!

— Но ведь он — предводитель «пурос», «чистых»! — заметил с улыбкой дон Хаиме.

— Да будь он проклят! — вскричал с негодованием генерал. — У него единственная цель — погубить наше несчастное отечество.

— Почему же тогда вы не желаете последовать моему совету?

Генерал с досадой пожал плечами.

— Боже мой! Да потому, что план ваш неосуществим!

— Больше нет у вас причин для отказа? — спросил дон Хаиме.

— Кроме того, — добавил в замешательстве генерал, — раз уж вы требуете от меня откровенности, признаюсь, что ваш план ущемляет мое достоинство.

— Позвольте, генерал, мне кажется, что вы не так меня поняли.

— Не так понял?! Вы шутите, мой друг, я могу, если желаете, изложить от начала до конца весь ваш план, в который вы так верите и хотите, чтобы я поверил.

— Попробуйте, — произнес дон Хаиме.

— Ну, вот он ваш план: неожиданно покинуть город, оставив артиллерию, стремительно приблизиться к неприятелю и напасть на него, застав врасплох.

— Не только напасть, но и разбить! — возразил дон Хаиме.

— Ну, разбить... — произнес с сомнением генерал.

— Именно разбить! Заметьте, генерал, ваши враги уверены, что вы заняты сейчас укреплением своих позиций в городе, ввиду предстоящей осады. Они уверенно двигаются вперед, потому что знают, что после поражения генерала Маркеса ваши сторонники избегают открытого боя.

— Все это верно, — согласился генерал.

— И потому совсем нетрудно разбить врага. Партизанская война для вас не только единственное средство борьбы, она дает вам шансы на успех, гарантирует победу над противником. Несколько удачных схваток с неприятелем, и покинувшие вас бывшие сторонники вернутся к вам, а огромное войско Хуареса растает, как снег под ярким солнцем.

— Да, да, я понимаю ваш смелый замысел.

— Обратите внимание на еще одно преимущество этого плана.

— Какое же?

— В случае поражения — погибнуть на поле брани с оружием в руках, вместо того чтобы ждать, как зверь в логове, осады врага, а потом сдаться, чтобы спасти столицу республики от ужасов междоусобной войны.

Генерал стал в волнении ходить по кабинету. Наконец, он остановился перед доном Хаиме.

— Благодарю вас, — сказал он растроганно, — за вашу откровенность, вы — единственный друг в постигшей меня беде. Я принимаю ваш план и сегодня же приступлю к его осуществлению. Который час?

— Около четырех, генерал.

— В пять я выступаю из Мехико.

Дон Хаиме поднялся.

— Вы уже покидаете меня, мой друг?

— Я вам больше не нужен, позвольте мне, генерал, удалиться.

— Но мы с вами еще увидимся?

— Во время сражения, генерал! Где именно вы намерены дать бой неприятелю?

— Здесь, — ответил генерал, — у Толуха. — Он указал место на карте. — Авангард неприятеля прибудет туда не ранее двух часов пополудни, при быстром передвижении я там буду около полудня и смогу приготовить к сражению.

— Место выбрано удачно, я предсказываю вам победу, генерал!

— Да услышит вас Бог! Но что-то не верится!

— Опять вы пали духом!

— Нет, вы ошибаетесь, это мое убеждение.

Они пожали друг другу руки, и дон Хаиме удалился. Через несколько минут он выехал за пределы Мехико и помчался по равнине.

Выступление

Мирамон сдержал слово и в пять часов утра во главе своих войск выступил из Мехико.

Его силы были незначительны — три с половиной тысячи пехотинцев и кавалерии.

Для скорости передвижения за спиной каждого кавалериста на лошади сидел пехотинец.

Операция, предпринятая президентом, была рискованной, но именно поэтому имела шансы на успех.

Сам генерал ехал со своим штабом во главе армии. Глядя на его спокойное и веселое лицо, можно было подумать, что никакие мрачные мысли его не тревожат, что, покинув Мехико, он снова обрел беспечность юноши.

Свежее утро обещало прекрасный день. От земли поднимался легкий туман, в лучах восходящего солнца он постепенно рассеивался. То здесь, то там на равнине виднелись стада. По дороге в Мехико двигались караваны. Насколько хватало глаз простирались возделанные поля без всяких следов войны — сельские жители вопреки грохоту оружия занимались своим обычным делом.

На дороге встречались также индейцы — одни гнали в город быков, другие несли фрукты и овощи, все торопились и пели песни, чтобы скоротать время. При появлении президента все с удивлением останавливались, снимали шляпы и почтительно кланялись.

Вскоре по приказу Мирамона солдаты свернули на глухую тропинку, где лошади пробирались с трудом. Тропинка становилась все круче, движение все быстрее, солдаты шли в полном молчании. Чувствовалась близость неприятеля.

Часов около десяти остановились на привале. Здесь следует сказать, что мексиканская армия в походе в высшей степени любопытное зрелище — за каждым солдатом следует жена, нагруженная провиантом, и на стоянке готовит пищу. Эти несчастные женщины обречены переносить все ужасы войны. На привале они располагаются на некотором расстоянии от солдат. Поэтому мексиканское войско во время похода издали можно принять за кочующие племена.

Во время сражения женщины остаются безучастными зрительницами, прекрасно понимая, что в случае поражения они станут добычей победителей, и, покоряясь своей участи, относятся к ней с философским спокойствием.

На сей раз все было по-другому. Генерал запретил женщинам следовать за армией, солдаты взяли с собой уже готовую пищу, и теперь не пришлось тратить время на разведение костров.

В одиннадцать часов по звуку горна все заняли свои места.

Уже недалеко был Толух. Место, где генерал собирался дать бой неприятелю. Все чаще попадались крутые овраги, дорога становилась почти непроходимой. Но с Мираном шли самые лучшие его солдаты, верные сторонники, сражавшиеся рядом с ним с самого начала войны. Они смело преодолевали препятствия, воодушевляемые своим молодым генералом, который храбро шел впереди, являя собой пример упорства и отваги.

Генерал Кабос выслал вперед двадцать надежных разведчиков, приказав им при появлении неприятеля тотчас же известить об этом.

Вдруг Миранон увидел трех всадников. Они мчались прямо к нему. Генерал прищипорил коня и поскакал им навстречу.

Двое были солдаты, третий — с виду крестьянин, но хорошо вооруженный и на отличной лошади.

— Что за человек? — спросил президент у одного из солдат.

— Этот человек, ваше превосходительство, явился к генералу и требовал свидания с вами — хочет передать вам какую-то важную бумагу.

— Кто тебя послал? — спросил президент, стоявшего навтыжку перед ним крестьянина.

— Не соблаговолит ли ваше превосходительство про-

честь сначала письмо, — ответил крестьянин, доставая из-под плаща конверт и почтительно подавая генералу.

— А, так вот кто тебя послал, — произнес президент, внимательно оглядев крестьянина. — Как твое имя?

— Лопес, ваше превосходительство.

— А твой господин близко отсюда?

— Да, генерал, в засаде, с ним триста конных.

— Значит, он послал тебя в мое распоряжение?

— Так точно, пока во мне будет надобность!

— Скажи мне, Лопес, ты хорошо знаешь эти места?

— Как же не знать! Я здесь родился, ваше превосходительство.

— Можешь указать дорогу?

— Так точно. Куда прикажете?

— А расположение неприятеля знаешь?

— Знаю, ваше превосходительство. Во главе — колонны генералов Бериосабала и Дегольядо, примерно на расстоянии лье от Толуха они сделали привал.

— А сколько отсюда до Толуха?

— Лье три, ваше превосходительство.

— Далековато! А ближе дороги нет?

— Есть. На целых две трети.

— Прекрасно! — воскликнул генерал. — По ней и отправимся.

— Только по дороге этой артиллерия не пройдет, кавалерия и то с трудом!

— У меня здесь нет артиллерии!

— Тогда позвольте, ваше превосходительство, дать вам совет.

— Говори!

— Вперед пропустите пехоту, а кавалеристы пусть спешатся и идут вслед за ней, ведя коней на поводу.

— Но это замедлит движение.

— Нет, ваше превосходительство, так мы скорее пройдем.

— Через сколько же времени мы будем в Толухе?

— Через три четверти часа.

— В таком случае ты получишь одиннадцать унций.

— Благодарствую, только не ради денег я взялся вам помочь, — с улыбкой ответил Лопес. — А вообще-то я могу считать, что эти деньги у меня в кармане.

— Тогда получай их прямо сейчас, — сказал генерал, протягивая Лопесу кошелек.

— Спасибо, ваше превосходительство. В путь отправимся, когда пожелаете, только отдайте приказ солдатам не шуметь, не разговаривать, чтобы застать врага врасплох.

Мирамон послал солдат к генералу Кабосу с приказом присоединиться к главному корпусу, затем велел кавалеристам спешиться и следовать за пехотой.

Объяснив генералу Кабосу в чем дело, Мирамон спешился и стал впереди войска, несмотря на настойчивые просьбы не подвергать себя опасности.

— Что, трогаемся? — спросил он Лопеса.

— Я готов, генерал!

Двигались в полной тишине, соблюдая порядок. Как и сказал Лопес, каменистая дорога была настолько крута, что пешему легче было передвигаться, чем конному.

— Все время будет такая дорога? — спросил президент Лопеса.

— Нет. Неподалеку от Толуха дорога становится шире, круто забирая вверх до самого перевала. Оттуда в Толух можно скакать галопом.

— Это и хорошо, и плохо, — сказал президент.

— Я вас не понимаю, ваше превосходительство.

— Очень просто. На высотах могут стоять неприятельские кордоны. Тогда план наш провалится. Вот об этом ты не подумал, когда повел нас этой дорогой.

— Извините, ваше превосходительство, враг уверен, что ваших солдат на поле боя нет, считает свою оборону вполне надежной, а меры предосторожности — излишними. Кроме того, высоты, о которых вы говорите, удалены от лагеря неприятеля, и никаких кордонов там быть не может.

Уже около полудня шли они по этой опасной дороге, как вдруг Лопес, внимательно осмотревшись, остановился.

— В чем дело? — спросил президент.

— За этим поворотом начинается крутой подъем, мы почти достигли Толуха. Позвольте мне разведать, свободны ли высоты и можно ли беспрепятственно продолжать путь.

— Иди, — сказал президент. — Я тебе доверяю, мы не двинемся с места до твоего возвращения.

Лопес снял оружие и шляпу, пополз по земле и вскоре скрылся в густых зарослях. По приказу генерала войско остановилось.

Через несколько минут к Мирамону подошли генералы. Лопеса все не было и волнение росло.

— Он, наверняка, предатель, — сказал генерал Кабос.

— Не думаю! — возразил Мирамон. — Я верю тому, кто его послал.

В этот момент из зарослей появился Лопес. Он с поклоном подошел к Мирамону и остановился в ожидании.

— Ну что? — спросил Мирамон.

— Я поднялся на вершину горы, — ответил Лопес, — осмотрел бивуак неприятеля — там нет никакого движения. Можете продолжать путь.

— Значит, нет часовых на высотах?

— Нет, ваше превосходительство!

— Проводи тогда меня до конца дороги — я хочу осмотреть местность, чтобы составить план действий.

Лопес взял ружье и надел шляпу.

— Я готов! — сказал он.

Они пошли вперед. На некотором расстоянии от них двигалось войско.

Лопес сказал правду. Вокруг все было спокойно. Мирамон внимательно осмотрел местность и очень тихо произнес:

— Теперь я знаю, что делать.

Потом обратился к Лопесу:

— Твой господин, говоришь, устроил засаду в тылу у неприятеля?

— Так точно, ваше превосходительство!

— Надо бы его предупредить, чтобы атаковал неприятеля одновременно с нами. Но как это сделать?

— Ничего нет легче, ваше превосходительство. Видите там, наверху, дерево?

— Да, вижу, ну и что?

— Мне велено срубить его верхушку, как только начнется бой. Это послужит сигналом для наступления.

— Слава Богу! — воскликнул Мирамон. — Твоему господину надо бы быть генералом, все предусмотрит. Отправляйся же быстрее к дереву и будь наготове: как только я подниму шпагу, руби верхушку. Понял?

— Так точно, ваше превосходительство. А потом что прикажете делать?

— Что хочешь!

— Слушаюсь. В таком случае, я присоединяюсь к моему господину!

И Лопес, ведя на поводу коня, направился к дереву.

Мирамон разделил пехоту на три отряда, кавалерию поставил в арьергарде. Войско двинулось к перевалу, и когда достигло его, Мирамон выхватил шпагу и, скомандовав «Вперед!», устремился вниз, увлекая за собой солдат.

Увидев, что Мирамон поднял шпагу, Лопес одним ударом срубил верхушку дерева, спустился на землю, вскочил на коня и помчался следом за войском.

Внезапное появление армии Мирамона повергло неприятеля в панику.

Разведка донесла, что все силы Мирамона — в Мехико.

Вражеские солдаты бросились было к оружию, офицеры попытались организовать оборону, но войска Мирамона уже ворвались в лагерь и с криком «Да здравствует Мирамон!» нанесли неприятелю удар.

Враги не растерялись, наскоро собрали солдат и открыли бешеный огонь, а вскоре была пущена в ход и артиллерия, угрожая пехоте Мирамона.

Дело приняло серьезный оборот: войска Хуареса численно превосходили противника, и с минуты на минуту можно было ожидать наступления.

Но неожиданно послышались воинственные крики и большой отряд кавалерии с пиками наперевес ударил врагу в тыл.

Тут же вступила в бой кавалерия Мирамона, и началась настоящая бойня. Атакованные со всех сторон войска Хуареса всеми силами старались пробиться сквозь вражеское кольцо, начали отступать, а потом обратились в бегство.

Генералы Бериосабал и Дегольядо с сыновьями, два полковника, все офицеры главного штаба и свыше двух тысяч солдат попали в плен к Мирамону вместе с четырнадцатью пушками. Со стороны Мирамона потери были невелики: семь убитых и одиннадцать легко раненных.

Бой длился около получаса и завершился полной победой Мирамона.

Последний раз судьба улыбнулась тому, кого уже обрекла на гибель.

Победа

Неожиданная и в то же время блестящая победа Мирамона над сильным и опытным врагом вернула сторонникам президента мужество и надежду.

Солдаты больше не сомневались в успехе дела, за которое сражались, и считали победу окончательной.

Один только Мирамон знал истинную цену одержанной победе.

Он слишком хорошо понимал зыбкость своего положения, чтобы тешить себя несбыточными мечтами. Но в глубине души благодарил фортуна за то, что не дала ему пасть слишком низко, как это бывает с простыми смертными.

Кавалерия, преследовавшая отступающего врага, чтобы он снова не собрался с силами, вернулась. Мирамон дал войску два часа отдохнуть и приказал возвращаться в Мехико. Возвратились на несколько часов позднее, чем предполагали. Усталые лошади двигались медленно, кавалеристы, сопровождая пленных и трофейные пушки, шли пешком, а многочисленные экипажи с багажом могли ехать только по хорошей дороге. Все это задержало войско в пути.

Было уже около десяти вечера, когда авангард экспедиционного корпуса достиг первых домов Мехико. Город был залит огнями.

Новости, как хорошие, так и плохие, распространяются с необычайной скоростью. Неудивительно поэтому, что исход сражения при Толухе, стал сразу же известен в Мехико.

Слух о блестящей победе президента передавался из уст в уста.

Радость охватила горожан. Члены муниципального совета в полном составе встретили президента у городских ворот, чтобы принести ему свои поздравления. Войска шли между стоявшими плотной стеной по обе стороны дороги людьми, которые кричали «виват», размахивали шляпами, платками, бросали петарды. Несмотря на поздний час, звонили в колокола, священники, охладевшие за последнее время к тому, кто всегда их поддерживал, сегодня старались всячески показать ему свою преданность.

Мирамон с легкой иронией отвечал на восторги толпы и сыпавшиеся со всех сторон приветственные возгласы.

У дворца он слез с лошади, заметил какого-то человека, который с улыбкой смотрел на него. Это был дон Хаиме.

Увидев его, Мирамон не мог удержаться от радостного возгласа.

— Ах, это вы, мой друг! Пойдемте же!

Ко всеобщему удивлению, он взял дона Хаиме под руку и повел во дворец.

Едва войдя в кабинет, президент бросился в кресло и отер платком катившийся со лба пот.

— Ух! — вскричал он. — Я в полном изнеможении! Эта дурацкая комедия меня так утомила.

— Рад слышать это от вас, — весело сказал дон Хаиме. — Я боялся, что успех ослепит вас.

Генерал презрительно пожал плечами.

— За кого вы меня принимаете, друг мой? Неужели я похож на человека, которого успех может ослепить? Даже самый блестящий успех не что иное, как еще одна победа, не имеющая никакого значения для того дела, за которое я борюсь.

— К сожалению, генерал, вы правы.

— Да, прав. Мое падение неизбежно, выигранное сражение лишь оттянуло его на несколько дней. Эта восторженная толпа, изменчивая и легко увлекающаяся, давно от меня отвернулась. Я знаю!

— У вас было много неудач, генерал! Но кто может утверждать, что вы не вернете потерянное, если еще раз другой победите!

— Друг мой, сейчас я победил благодаря вам. Вы ударили в тыл неприятелю, и это решило исход сражения.

— Вы склонны видеть все в мрачном свете. Уверяю вас, еще две победы, и вы спасены.

— Мы непременно будем сражаться, если только пред-

ставится возможность. Будь у меня преданные офицеры, я не сидел бы в Мехико и добился бы полной победы.

В эту минуту дверь отворилась, и на пороге появился генерал Кабос.

— Ах, это вы, генерал, — с наигранной веселостью произнес президент, протягивая генералу руку. — Чем обязан удовольствию видеть вас?

— Прошу извинить, что осмелился войти без доклада, но дело не терпит отлагательств.

Дон Хаиме хотел уйти, но президент жестом его удержал и обратился к генералу:

— Что случилось, генерал?

— Господин президент! Народ и солдаты требуют немедленного расстрела пленных офицеров, как изменников родины.

— Не может быть, — сказал президент, побледнев.

— Потрудитесь, ваше превосходительство, открыть окно, вы услышите, какой шум на площади!

— Пойти на убийство? После победы! Я никогда не совершу подобной подлости! Где пленные?

— На дворцовом дворе, под стражей.

— Прикажите их немедленно привести ко мне! Ступайте, генерал!

— Ах, друг мой, — вскричал президент, как только генерал удалился. — Чего можно ожидать от народа, напроць лишенного благородства? Что подумают о нас в Европе? Ничего, кроме презрения, мы не вызовем. А ведь народ наш по природе своей не жесток. Рабство и бесконечные революции сделали его таким. Пойдемте со мной, надо найти выход из этого положения!

Они отправились в просторный зал, где собрались самые преданные сторонники президента.

Президент сел в кресло, стоявшее на возвышении, офицеры его окружили. По знаку Мирамона дон Хаиме стал рядом с ним. В сопровождении генерала Кабоса вошли пленные.

С виду спокойные, они не могли не тревожиться об ожидавшей их участи. С площади доносились крики разъяренной толпы, жаждущей их смерти. Приверженцы президента ненавидели их.

Впереди шел генерал Бериосабал, совсем еще молодой, лет тридцати, с умным и выразительным лицом и благородной осанкой. За ним следовал генерал Дегольядо с сыновьями, затем шли два полковника и офицеры.

При их приближении президент встал и с улыбкой пошел им навстречу.

— Господа! — сказал он с поклоном. — Весьма сожалею, что обстоятельства не позволяют мне немедленно возвратить вам свободу, но я сделаю все, чтобы вы не испытывали особых тягот и задержались здесь ненадолго. Возьмите обратно ваши шпаги!

По знаку Мирамона Кабос возвратил пленным оружие.

— Господа! — продолжал президент. — Считайте себя моими гостями. Вам будут оказывать должное уважение. Об одном лишь прошу, дать честное слово офицера и дворянина не выходить отсюда без моего разрешения. Не потому что я вам не доверяю, а чтобы оградить вас от покушений на вашу жизнь.

— Благодарю вас, ваше превосходительство! — ответил генерал Бериосабал. — Мы не сомневались в вашем великодушии и клянемся честью пользоваться свободой лишь в тех пределах, какие вы нам укажете.

Президент распорядился отвести пленных в отведенные для них комнаты и хотел было вернуться к себе в кабинет, но его остановил дон Хаиме и, указав на одного из офицеров, спросил:

— Вы знаете этого человека?

— Конечно, знаю, — ответил президент. — Он всего несколько дней состоит у нас на службе и уже успел оказать мне немало важных услуг. Это испанец, зовут его Антонио де Касебар.

— О, его имя мне хорошо известно, к несчастью, я давно с ним знаком! — вскричал дон Хаиме. — Он предатель!

— Вы шутите!

— Говорю вам, он предатель, я знаю это точно, — стоял на своем дон Хаиме.

— Не убеждайте меня, — с жаром произнес президент, — мне это неприятно. Доброй ночи! Завтра непременно приходите, надо обсудить множество важных дел.

И, поклонившись, президент скрылся в своем кабинете.

С минуту дон Хаиме стоял, неприятно пораженный недоверием президента, потом прошептал:

— Если Бог захочет погубить человека, он делает его слепым.

Теперь все кончено. Дон Хаиме покинул дворец с тяжелым сердцем.

Пало-Кемадо

Итак, дон Хаиме покинул дворец. Площадь Майор опустела. Народное волнение улеглось так же быстро, как и возникло, солдат уговорили разойтись по казармам. Остальные, увидев, что своего не добьются, что пленных им не выдадут, пошумели и тоже отправились по своим лацугам. Лацуги эти находились в бедных кварталах и пользовались дурной славой. Любой, кто нуждался в убежище, находил его там.

У входа в дворец сидел Лопес, держа наготове оружие, как ему и было приказано.

Вдруг он увидел, что дверь отворилась, и он сразу догадался, что только его господин мог выйти так поздно из дворца.

— Что нового? — спросил дон Хаиме, вдевая ногу в стремя.

— Ничего особенного, — ответил Лопес.

— Ты уверен в этом?

— Почти! Да, чуть было не забыл, тут один человек выходил из дворца, так он показался мне очень знакомым.

— И давно это было?

— Нет, с четверть часа назад. А может, я ошибся. Он был совсем по-другому одет, да и видел я его мельком.

— Кто же это был?

— Пожалуй, вы не поверите, по-моему, дон Антонио Касебар.

— Отчего же не поверю! Я сам его видел во дворце.

— Ах, черт! В таком случае очень жалею, что я не подслушал их разговора.

— Он был не один? Говори же, скорее!

— Не один. К нему подошел какой-то человек.

— А этого человека ты не узнал?

— Нет. На нем была шляпа с большими полями, на-
двинутая на глаза, и плащ, в который он закутался до са-
мого носа, к тому же было темно.

— Дальше, дальше! — нетерпеливо вскричал дон Ха-
име.

— Они о чем-то поговорили, но я рассышал всего не-
сколько слов.

— Повтори-ка их, живо!

— Извольте! Один сказал: «Значит, он был там», что
ответил второй, я не уловил, а потом первый сказал:
«Ну, он не посмеет». После этого они перешли на
шепот. А потом первый сказал: «Надо отправиться ту-
да». — «Уже поздно», — ответил второй. Еще я услы-
шал два слова: «Пало-Кемадо». Они поговорили еще
немного и разошлись. Первый скрылся под порталами, а
дон Антонио свернул вправо, по направлению к парку
Букарельи. Но скорее всего он зашел в какой-то дом —
вряд ли ему придет в голову одному гулять по парку в
такое время.

— Сейчас мы это узнаем, — сказал дон Хаиме, вскочив на коня. — Дай мне оружие и следуй за мной. Лошади не очень устали?

— Совсем не устали, — ответил Лопес, подавая дону Хаиме двустволку, пару револьверов и саблю. — Как вы и приказывали, я сменил лошадей.

— Тогда в путь!

Они поскакали вдоль пустой площади и, попстляв, чтобы сбить с толку преследователей, если такие появи-
лись бы, направились в сторону Букарельи.

В Мехико запрещено ездить верхом с наступлением но-
чи без особого разрешения. Но дон Хаиме пренебрег этим
правилом, правда, ничем не рискуя: часовые равнодушно
смотрели на скакавших мимо всадников, даже не думая
их останавливать.

Отъехав довольно далеко от дворца, дон Хаиме и Лопес
надели вечерние маски, чтобы их никто не узнал.

Вскоре они достигли парка Букарельи. Дон Хаиме,
пристально вглядываясь в темноту, издал пронзительный
свист.

Тотчас же кто-то отделился от входа в парк и остано-
вился на дороге.

— Не проходил ли здесь кто-нибудь за этот час? — спросил дон Хаиме.

— Да, я видел человека, он пришел к дому справа от вас, дважды хлопнул в ладоши, через минуту дверь отворилась и вышел слуга, ведя на поводу гнедого коня и неся плащ на красной подкладке.

— Как же ты все это разглядел в темноте?

— У слуги был фонарь. Человек отругал слугу за неосторожность, вышиб у него из рук фонарь и надел плащ.

— Что было под плащом?

— Мундир кавалерийского офицера.

— Дальше?

— Он отдал свою шляпу с перьями слуге. Тот вернулся в дом и вскоре принес войлочную шляпу, пистолеты и ружье, пристегнул офицеру шпоры, и тот вскочил на коня и ускакал.

— Куда?

— В сторону площади Майор.

— А слуга?

— Вернулся в дом.

— Ты уверен, что они тебя не видели?

— Уверен.

— Хорошо. Стой тут и никуда не ходи. До свидания!

— До свидания! — человек исчез в темноте.

Дон Хаиме и Лопес повернули коней. Вскоре достигли площади Майор.

Дон Хаиме, видимо, хорошо знал, куда надо ехать, потому что, не задумываясь, сворачивал с улицы в улицу.

Вскоре они подъехали к приюту святого Антония, но не остановились. К городу уже съезжались торговцы.

В нескольких шагах от приюта, в том месте, где на скрещении шести дорог стоит каменный крест, дон Хаиме остановился и опять пронзительно свистнул.

В ту же минуту кто-то, лежавший у подножия креста, поднялся и неподвижно застыл перед доном Хаиме.

— Не проезжал ли здесь всадник на пегом коне в войлочной шляпе? — спросил дон Хаиме.

— Проезжал, — ответил незнакомец.

— Давно?

— Час назад.

— Он был один?

— Один.

— Куда поехал?

— Туда, — ответил незнакомец, указывая на вторую дорогу слева. — Должен ли я ехать с вами?

— А где твоя лошадь?

— В загоне, возле приюта святого Антония.

— Далеко, мне некогда тебя ждать. Оставайся тут!

— Слушаюсь.

Человек снова лег у подножья креста, а всадники поехали дальше.

— Он, наверняка, отправился в Пало-Кемадо, — произнес дон Хаиме.

— Вы правы, — отозвался Лопес, — как это я раньше об этом не догадался.

Они молча ехали около часа и, наконец, увидели темные контуры какого-то здания.

— Вот Пало-Кемадо, — сказал дон Хаиме.

Проехав еще немного, они остановились. Громко залаяла собака.

— Черт возьми! — произнес в сердцах дон Хаиме. — Надо уходить, проклятый пес нас выдаст.

Они пришпорили коней и помчались во всю прыть.

Но вскоре снова остановились, и дон Хаиме спешился.

— Спрячь где-нибудь лошадей, — сказал он, — и жди меня!

Лопес ничего не ответил, он не был болтлив.

Дон Хаиме тщательно осмотрел оружие, лег на землю и медленно пополз в сторону ранчо Пало-Кемадо. Приблизившись, он увидел с десятков привязанных лошадей, а рядом с ними нескольких человек.

Один, вооруженный длинным копьем, стоял у дверей. Видимо, это был часовый.

Дон Хаиме остановился, не зная, что предпринять. Однако дон Хаиме решил во что бы то ни стало узнать, что привело сюда этих людей. А решений своих, как известно читателю, дон Хаиме никогда не менял.

Те, кто был в ранчо, видимо, сделали все, чтобы не быть застигнутыми врасплох.

С необычайной осторожностью он снова пополз вперед, извиваясь, словно змея.

Он не направился прямо к ранчо, а обогнул его, чтобы убедиться, нет ли с другой стороны часового.

Как и предполагал дон Хаиме, позади ранчо не было никого.

Он осторожно поднялся с земли и осмотрелся. К дому примыкал загон для скота, обнесенный живой изгородью. Он казался совершенно пустым. Дон Хаиме нашарил в загородке отверстие и пробрался в загон, откуда уже нетрудно было пройти к дому. Его только удивило, что собака до сих пор не залаяла. А не залаяла она потому, что ее увели в дом и посадили на цепь, опасаясь привлечь внимание индейцев, которые как раз в это время несут на продажу в город свой товар.

Осмотрев стену дома, дон Хаиме нашел дверь, которая почему-то не была заперта и открылась, едва он ее толкнул.

Дверь вела в коридор, довольно темный, но из другой двери сюда проникал свет и видно было сквозь щели, что там происходит.

Большая комната была освещена единственным факелом.

Трое мужчин, закутанных в плащи, сидели за столом, уставленном бутылками и кубками, и о чем-то горячо спорили.

Дон Хаиме тотчас узнал их; это были дон Фелиппе, полковник герильерос, дон Мельхиор де ля Крус и дон Антонио де Касебар.

— Наконец-то, — радостно прошептал дон Хаиме, — я все узнаю! — и он стал прислушиваться к разговору.

Говорил дон Фелиппе. Язык у него заплетался. Он, видимо, изрядно выпил и старался в чем-то убедить своих приятелей, а те не соглашались.

— Нет, сеньоры, — упрямо твердил он, — я не отдам вам письма! Будь я проклят! Я честный человек. — Каждое слово он сопровождал ударом кулака по столу.

— Но, если вы хотите во что бы то ни стало оставить письмо у себя, хотя вам приказано передать его нам, как можем мы выполнить данное нам поручение? — возразил дон Мельхиор.

— И как мы докажем, — подхватил дон Антонио, — тем, с кем нам придется иметь дело, что это поручено именно нам?

— Это меня не касается. Как говорится, каждый сам за себя. Я — человек честный и должен блюсти свои интересы, а вы — свои.

— Вздор! — вскричал дон Антонио. — Мы рискуем головой!

— Вполне возможно, дорогой сеньор. Каждый поступает, как ему заблагорассудится. Я — честный человек и говорю прямо, что письма не отдам, если вы не дадите мне столько, сколько я попросил у вас. Почему, несмотря на ваш уговор с генералом, вы не предупредили его о сегодняшнем деле?

— Мы объяснили вам, что это было невозможно, потому что решилось все слишком неожиданно.

— Хороша неожиданность. Вот и договаривайтесь с его превосходительством сами, а я умываю руки.

— Что вы болтаете! — холодно заметил дон Антонио. — Лучше ответьте, намерены вы отдать письмо или нет?

— Нет, — стоял на своем дон Фелиппе. — Только за десять тысяч пиастров. Право, цена невысока, я честный человек!

— Подпись сеньора Бенито Хуареса настоящая драгоценность. Я не стал бы торговаться, — прошептал дон Хаме.

— Но поймите же, — вскричал дон Мельхиор, — вы поступаете как вор!

— Ну и что, — с иронией произнес дон Фелиппе, — я — вор, вы — предатели, только мы из разных партий. Вот и все различие между нами.

Оскорбленные дон Мельхиор и дон Антонио вскочили из-за стола.

— Пойдемте, — сказал дон Мельхиор, — он — настоящее животное, не желает ничего понимать.

— Самое лучшее отправиться к главнокомандующему, — произнес дон Антонио, — он проучит этого наглеца!

— Ступайте, ступайте, дорогие сеньоры, — насмешливо произнес герильеро, — счастливого вам пути, а письмо пусть останется у меня, может быть, найдется на него покупатель. Я ведь человек честный!

Переглянувшись, дон Антонио и дон Мельхиор схватились было за оружие, но затем презрительно пожали плечами и вышли.

Через несколько минут они ускакали, только и слышен был удалявшийся топот конских копыт.

— Уехали, — проворчал дон Фелиппе, налил себе вина и проглотил залпом. — Спешат, будто сам дьявол за ними

гонится. Рассердились! Ну и наплевать! Главное — письмо у меня.

Рассуждая сам с собой, герильеро поставил кубок на стол, поднял голову и задрожал: перед ним молча стоял человек, до самых глаз закутанный в плащ. В каждой руке он держал по шестиствольному револьверу.

Дон Фелиппе изменился в лице.

— Что за черт? Что вам от меня надо? — вскричал он срывающимся от страха голосом. — Не иначе как я угодил в западню!

Весь хмель сошел с дона Фелиппе. Он хотел убежать, но незнакомец предупредил:

— Ни с места! Иначе пристрелю как собаку!

Герильеро тяжело опустился на скамейку.

Сведение счетов

Дон Хаиме, стоя за дверью, слышал весь разговор до последнего слова.

Как только дон Мельхиор и дон Антонио встали, дон Хаиме быстро вышел из коридора, чтобы не попасться им на глаза, проскользнул в загон для скота, взобрался на загородку и стал ждать.

Прошло несколько минут. Все было тихо. Тогда дон Хаиме снова пробрался в коридор.

Дойдя до двери и заглянув в щель, он увидел, что дона Мельхиора и дона Антонио нет, а дон Фелиппе все подливает себе вина. Раздумывать было некогда. Дон Хаиме сунул лезвие ножа в замочную скважину, открыл дверь и тихо подошел к герильеро.

Остальное мы уже знаем.

Дон Фелиппе не был труслив, но направленные прямо на него револьверы пригвоздили его к месту.

Дон Хаиме воспользовался замешательством герильеро, быстро запер дверь, вернулся, положил револьверы на стол, сел и распахнул плащ.

— Теперь поговорим, — сказал он.

Он произнес эти слова очень тихо, но герильеро, увидев черную маску на лице чужака, в ужасе вскричал:

— Эль Рахэ!

— А, — насмешливо произнес дон Хаиме, — вы меня узнали?

— Что вам нужно? — спросил дон Фелиппе.

— Мне много чего нужно, — ответил дон Хаиме, — но давайте все по порядку, нам некуда торопиться.

Герильеро опять наполнил кубок вином и залпом его осушил.

— Будьте осторожны, — заметил дон Хаиме, — испанское вино крепкое, оно может ударить в голову, а вам сейчас лучше сохранять хладнокровие.

— Вы правы, — проворчал герильеро, схватил бутылку и запустил ее в стену. Во все стороны полетели осколки.

Дон Хаиме стал с улыбкой свертывать сигарету.

— Память, вижу, у вас хорошая, не забыли меня!

— Да, я запомнил нашу встречу в Лас-Кумбрес.

— И чем она кончилась, тоже запомнили?

Герильеро ничего не ответил, лишь побледнел.

— Значит, забыли! Я могу вам напомнить!

— Не стоит, — ответил дон Фелиппе. — Я помню, вы мне сказали тогда...

— Не продолжайте, — прервал его дон Хаиме, — я вам дал обещание и сдержу его.

— Тем лучше, — заявил дон Фелиппе. — Не все ли равно, когда умереть, сегодня или завтра. Я готов померяться с вами силами.

— Я рад, что вы настроены столь решительно, — холодно ответил дон Хаиме, — но пока умерьте свой пыл, на все все время. Сейчас речь пойдет совсем о другом.

— О чем же? — удивился герильеро.

— А вот о чем, — с улыбкой ответил дон Хаиме и, наклонившись к дону Фелиппе, сказал:

— За сколько вы хотели продать вашим благородным друзьям письмо сеньора Бенито Хуареса, которое вам велено было передать им?

Дон Фелиппе в ужасе перекрестился.

— Успокойтесь, я вовсе не дьявол, просто мне многое известно, особенно о вас. Я знаю, например, о вашей сделке с неким доном Диего; более того, я могу повторить слово в слово весь разговор, который вы вели час назад в этой комнате с доном Мельхиором де ля Крус и доном Антонио Касебар. А теперь к делу. Я хочу, чтобы вы мне отдали, понимаете, отдали, а не продали письмо сеньора Хуареса, а кстати, и другие бумаги, которые находятся при вас, я полагаю, в них много интересного.

Герильеро уже оправился от испуга и твердым голосом спросил:

— Что вы намерены с этими бумагами делать?

— Это уже вас не касается.

— А если я не отдам их?

— Я возьму силой, — спокойно ответил дон Хаиме.

— Кабальеро, — с достоинством произнес дон Фелиппе, — такому храброму, как вы, не пристало угрожать безоружному. У меня только сабля, а вы можете разом уложить двенадцать человек.

— Вы были бы правы, — возразил дон Хаиме, — если бы я собирался пустить в ход револьверы, чтобы заставить вас отдать мне бумаги, напрасно беспокоитесь — мы честно сразимся. Будем драться на саблях, это вам даст некоторое преимущество.

— Вы не шутите?

— Слово чести! Я привык сводить счета честно.

— Это вы называете сводить счета? — произнес дон Фелиппе с иронией.

— А как же иначе?

— Но почему вы так меня ненавидите?

— Я питаю к вам ненависти не больше чем к любому другому человеку вашего сорта, — сказал дон Хаиме. — Вам тогда захотелось увидеть мое лицо. Но я вас предупредил, что это будет стоить вам жизни. Возможно, я позабыл бы вас, но вот вы снова встретились на моем пути. В ваших руках очень ценные для меня бумаги, и я решил во что бы то ни стало добыть их. Не отдадите добром, придется мне вас убить. Даю вам на размышление пять минут.

— Мое решение неизменно, вы завладете этими бумагами только после моей смерти!

— В таком случае вы умрете!

Он разрядил револьверы, взял саблю и спросил:

— Вы готовы?

— Готов! — ответил дон Фелиппе поднявшись. — Но прежде чем драться, я хочу обратиться к вам с просьбой.

— Говорите!

— Ведь наш бой кончится смертью одного из нас? Не так ли?

— Совершенно верно, — сказал дон Хаиме, отшвырнув в сторону маску.

— Допустим, это буду я.

— Именно так и случится.

— Возможно, — холодно произнес дон Фелиппе. — Обещайте тогда выполнить мою просьбу.

— Обещаю, если только это возможно.

— Благодарю вас. Вот о чем я вас хотел попросить. У меня есть мать и сестра, совсем еще юная. Живут они бедно в маленьком домике недалеко от канала Лас-Вигас. В бумагах вы найдете их точный адрес.

— Продолжайте!

— Мне бы хотелось, чтобы мое имущество после смерти перешло к ним.

— Я позабочусь об этом. Но где оно, ваше имущество?

— В Мехико. Все мои деньги помещены в одном из английских банков. Вы представите мои документы, и вам выдадут всю сумму. Еще при мне имеются векселя на пятьдесят тысяч пиастров в разные иностранные банки в Мехико. По ним тоже надо получить деньги и передать матери и сестре. Клянетесь вы сделать это?

— Клянусь!

— Я вам верю. Но у меня есть еще просьба. Мы, мексиканцы, не очень хорошо владеем саблями и шпагами, так как дуэли у нас запрещены. Наше оружие — нож. Не согласитесь вы драться на ножах?

— Дуэль на ножах к лицу скорее бандитам, а не кабальеро. Но раз вы просите, я согласен.

— Весьма вам признателен. Итак, да поможет мне Бог!

— Аминь, — произнес с улыбкой дон Хаимс.

Мексиканцы, смелые от природы, в то же время очень боятся смерти. Но не колеблясь могут поставить жизнь на карту, если иного выхода нет, и тогда относятся к смерти с философским спокойствием.

Мексиканские законы запрещают дуэль, даже офицерам, поэтому нигде не происходит столько убийств, как в Мексике, ибо нет иного пути отомстить за нанесенное оскорбление. Правда, выходцы из нижних слоев дерутся на ножах. Эта дуэль имеет свои законы и их следует строго соблюдать. Дуэлянты между собой договариваются о длине лезвия, глубина раны зависит от степени оскорбления.

Дон Фелиппе и дон Хаиме отстегнули сабли и взяли каждый по длинному ножу. Такие ножи мексиканцы носят обычно в голенище правого сапога. Сняв плащи, они обернули их вокруг левой руки так, чтобы свисал один конец, короткий. Лево́й рукой парируют удары. Затем они встали в позицию, слегка расставив ноги и подавшись вперед, выставив вперед левую руку и пряча нож под плащом.

И вот начался бой не на жизнь, а на смерть.

Дон Фелиппе отлично владел этим опасным оружием. Он не раз подступал вплотную к противнику, и дон Хаиме чувствовал, как нож вонзается ему в тело. Но он дрался спокойно, изматывая силы противника и выжидая момент, когда с ним можно будет покончить одним ударом.

Противники то насакивали друг на друга, то останавливались, изнемогая от усталости, и снова начинали драться с удвоенной яростью. Весь пол был в крови.

Неожиданно дон Фелиппе прыгнул подобно ягуару на противника, но поскользнулся и потерял равновесие. Дон Хаиме воспользовался случаем и вонзил нож ему в грудь.

Несчастный испустил слабый стон и упал, как подкошенный.

Дон Хаиме склонился над ним и увидел, что нож проник в сердце. Дон Фелиппе был мертв.

— Бедняга, — произнес дон Хаиме, — ты сам этого хотел!

Дон Хаиме обшарил все карманы убитого, взял бумаги, надел маску и, кое-как закутавшись в свой продырявленный плащ, покинул ранчо. Он вышел из дому тем же путем, что и пришел. Поэтому часовой не заметил его. Дон Хаиме крикнул, подражая сове, и почти тотчас же появился Лопес, ведя лошадей.

— В Мехико! — вскричал дон Хаиме. — На сей раз, я полагаю, месть у меня в руках!

Охваченный радостью после успешно заверченного дела, дон Хаиме не чувствовал боли от полученных ран, к тому же раны были легкие.

Окончательное решение

Уже светало, когда всадники достигли приюта Святого Антония. Они поехали тише, сняли маски, кое-как привели в порядок платье, сильно пострадавшее от ночных хождений.

Не доезжая приюта, смешались с толпой индейцев, спешивших на базар, и таким образом вошли в город незамеченными.

Дон Хаиме поехал к себе на улицу Сан-Франциско.

Лопес буквально падал от усталости, несмотря на то что славно вздремнул, пока его господин находился в Пало-Кемадо, и дон Хаиме отпустил его на весь день, приказав явиться лишь к вечеру. После этого он пошел к себе в комнату. Это было типичное жилище спартанца. Деревянная кровать, покрытая шкурой буйвола, вместо подушки старое седло и еще медвежья шкура, служившая одеялом, стол, заваленный бумагами и книгами, скамья, сундук, на стенах всевозможное оружие, сбруя. В углу, за занавеской, умывальник с туалетными принадлежностями.

Дон Хаиме промыл раны соленой водой, как это делают индейцы, перевязал, сел к столу и принялся разбирать бумаги, доставшиеся ему такой дорогой ценой.

Часов в десять он сложил бумаги, спрятал в карман, накинул сарапе, надел шляпу, отороченную золотой тесьмой, и вышел из дому.

Он помнил, что дал обещание дону Фелиппе выполнить его последнюю просьбу, и с этой целью направился в город.

Домой он вернулся часам к шести вечера, сделав все, о чем его просил дон Фелиппе.

Лопес уже ждал его у дверей.

— Что нового? — спросил дон Хаиме, усаживаясь за стол и с аппетитом принимаясь за обед, который ему подал Лопес.

— Ничего особенного, — ответил слуга, — если не считать того, что приходил капитан, адъютант его превосходительства президента. Президент просит вас явиться к восьми часам во дворец.

— А еще какие ты слышал новости? Разве ты нигде не был?

— Извините, господин, я был у цирюльника.

— Что же ты там слышал?

— Только две вещи.

— Скажи-ка первую.

— Говорят, сторонники Хуареса идут сюда форсированным маршем и, возможно, через три дня будут здесь.

— Вполне возможно. Неприятель стягивает свои войска. Дальше что?

Лопес засмеялся.

— Ты чего зубы скалишь, скотина? — рассердился дон Хаиме.

— Да уж очень смешная новость, господин.

— Что же в ней смешного?

— А вы послушайте! Говорят, один из самых грозных военачальников дона Бенито Хуареса найден сегодня мертвым на ранчо Пало-Кемадо. Он убит ударом ножа в грудь.

— Неужели? — тоже с улыбкой произнес дон Хаиме. — Как же это случилось?

— Никто ничего не знает. Говорят, что полковник ездил на разведку и остановился на ночь в Пало-Кемадо. Кругом были расставлены часовые, в ранчо никто не входил, кроме двух неизвестных. Они долго разговаривали с полковником, а потом его нашли мертвым. Неизвестные скрылись. Говорят, будто они затеяли ссору с полковником и убили его. Солдаты находились всего в нескольких шагах от ранчо и ничего не слышали.

— В самом деле, очень странно!

— Кажется, этого полковника зовут дон Фелиппе Ирсабаль, — он был сущий разбойник. Чего только о нем не рассказывают!

— Что ни делается, все к лучшему, милый Лопес, не будем больше об этом говорить. — Дон Хаиме поднялся из-за стола.

— Он наверняка попадет в ад.

— Вполне возможно, если уже не попал. Я пойду немного пройду, до восьми еще есть время, а к десяти жди меня у ворот дворца с лошадьми и оружием. Может быть, нам снова придется совершить небольшую прогулку при лунном свете.

— Хорошо, господин, я буду ждать вас.

— Может случиться, я пришлю сказать тебе, что ты мне не нужен.

— Как вы прикажете, так и будет! Не беспокойтесь, господин!

Ровно в восемь дон Хаиме явился во дворец.

Его провели прямо к президенту.

Генерал Мирамон, печальный и задумчивый, расхаживал по маленькому салону в своих покоях. При виде дона Хаиме лицо его прояснилось.

— Добро пожаловать, друг мой! — сказал он, протягивая дону Хаиме руку. — Я с нетерпением жду вас, вы единственный, кто меня понимает и с кем я могу быть до конца откровенным. Давайте-ка сядем и поболтаем немного!

— Вы так печальны, генерал! У вас неприятности?

— Нет, друг мой, никаких неприятностей, но вы же знаете, что давно прошли те времена, когда я бывал весел. Я только что говорил с женой. Она так боится! Не за себя — ее томит какое-то ужасное предчувствие. Бедняжка все время плачет. Как же мне не быть печальным?

— Но почему госпоже Мирамон не уехать из города? Ведь каждую минуту можно ждать осады.

— Я предлагал ей, пытался уговорить, все напрасно. Она и слышать не хочет. Боится оставить меня. И за детей душа болит. Она просто не знает, на что решиться.

Генерал подавил вздох. Наступило молчание.

Дон Хаиме решил отвлечь президента от мрачных мыслей и спросил:

— А что ваши пленные?

— Слава Богу, все обошлось, теперь им нечего бояться за свою жизнь, и я позволил им выйти из города повидаться с родными и друзьями.

— Вот и хорошо, генерал, признаться, был момент, когда я очень боялся за них.

— Я тоже очень боялся. Ведь, кроме всего прочего, речь шла о моей чести!

— Скажите, нет ли у вас каких-нибудь новых планов?

Прежде чем ответить, генерал заглянул за портьеры, не подслушивает ли их кто-нибудь, и сказал:

— Есть. Я хочу дать решительный бой. Либо я сам паду, либо разобью врагов наголову.

— Да поможет вам Бог, генерал!

— Последняя победа вернула мне если не надежду, то мужество. Мне нечего терять, и я хочу рискнуть. Кто знает, быть может, мне повезет.

Они подошли к столу, где лежала карта Мексиканских Штатов, вся утыканная булавками.

— Дон Бенито Хуарес, — продолжал президент, — издал приказ своим войскам соединиться и двинуться форсированным маршем на Мехико, единственную нашу крепость на всей территории. Вот, взгляните, корпус генерала Ортего, численностью в одиннадцать тысяч человек, преимущественно опытных солдат, двигается из центра страны, из Гвадалахары! По пути к нему присоединяются малочисленные отряды, рассеянные по окрестностям. Амопдиа и Гааза идут из Ялапы; у них десять тысяч регулярного войска, герильеры Гилляра, Карвахалы и дона Фелиппе Нери Ирсабала.

— Дона Фелиппе не принимайте в расчет, генерал. Он мертв.

— Да, но его банда осталась!

— Это верно.

— Итак, все эти войска не замедлят соединиться, если мы им не воспрепятствуем, и возьмут нас в желанное кольцо.

— У неприятеля двадцать тысяч солдат, а чем располагаем мы?

— Но...

— Позвольте, сейчас я вам скажу: мне удастся собрать всего тысяч семь-восемь, не больше. Не густо, надо сойтись.

— На поле брани маловато, но здесь, в городе, имея превосходную артиллерию, более двухсот пушек, нелегко организовать надежную оборону. И если неприятель пойдет на осаду, это будет стоить ему большой крови.

— Допустим, мой друг. Но я — человек мирный и против кровопролитий. Город не подготовлен к осаде. Нет ни провианта, ни военных припасов, а достать нигде, все вокруг к нам враждебно отнесется. Вот и представьте, что

будет, если столица Мексики, самый прекрасный город Нового Света, подвергнется осаде. Что станет с нашими несчастными жителями! При одной мысли об этом меня бросает в дрожь!

— Я всегда знал, что вы истинный патриот. Жаль, что враги не могут вас сейчас услышать!

— Ах, Боже мой, ведь, в сущности, у меня нет врагов, я уверен. После моей гибели мексиканцы, к своему удивлению, увидят президента, свергнутого теми, кто его уважал и чьими симпатиями он пользовался.

— Да, да, генерал. Еще недавно стоило кое-кого удалить, не стану называть их имен, и все устроилось бы наилучшим образом.

— Знаю, мой друг, но это было бы подло с моей стороны. Люди, на которых вы намекаете, преданы мне, любят меня. Мы вместе либо погибнем, либо победим.

— Не стану с вами спорить, генерал, у вас слишком благородное сердце.

— Благодарю вас. И оставим это, и перейдем к делу. Я не хочу быть виновником падения столицы. Герильерос Хуареса — настоящие разбойники. Они не оставят здесь камня на камне, поверьте!

— К несчастью, вы правы, генерал. Но что все же вы намерены делать? Ведь не собираетесь вы отдать самого себя в руки врага?

— Собирался, но потом раздумал. Вот мой план, он очень прост: я возьму шесть тысяч отборных воинов, выйду из города и нападу на неприятеля, прежде чем его войска успеют соединиться. Я разобью их по частям.

— План и в самом деле очень простой, генерал, и много шансов на успех.

— Все будет зависеть от первого боя. Выиграю — значит спасен, проиграю — безвозвратно погиб!

— Бог поможет вам, генерал! Численность войск не всегда решает исход сражения.

— Поживем — увидим!

— Когда вы начнете действовать?

— Как только подготовлюсь. Думаю, дней через десять. Я очень надеюсь на вас, мой друг.

— Не сомневайтесь. Я вам предан душой и телом!

— А я и не сомневаюсь. Но хватит о политике! Поищемте к госпоже Мирандон, она сделает вас видеть.

— Сердечно тронут ее вниманием, но мне хотелось бы

еще кое о чем поговорить с вами. Речь пойдет об очень серьезном деле.

— После! Бог с ними, с делами! Наверняка, вы опять станете говорить о заговорах и изменах. Дайте мне хоть немного отдохнуть.

— Но, — возразил дон Хаиме, — завтра может быть поздно.

— Может быть, — промолвил Мирамон, — и все же не надо упускать приятных минут, ведь неизвестно, что сулит нам будущее, — и, взяв дону Хаиме под руку, Мирамон повел его во внутренние покои, где их ждала госпожа Мирамон. Это была очаровательная женщина, любящая и кроткая, истинный ангел-хранитель генерала. Высокое положение мужа ее пугало, она чувствовала себя счастливой только в семье, среди своих детей.

Слежка

Час спустя дон Хаиме вышел из дворца и вместе с Лопесом отправился к донье Марии, где застал графа и его друга. Молодые люди были так поглощены своим счастьем, что забыли обо всем на свете. Целые дни проводили они в обществе своих любимых и с беспечностью молодости совершенно не думали о будущем.

— Ах, это вы, братец! — радостно вскричала донья Мария, увидев дона Хаиме. — Вы теперь такой редкий гость!

— Все дела! — ответил с улыбкой дон Хаиме. В зале стоял накрытый стол. Слуги графа и Лео Карраль стояли с салфетками в руках и ждали, когда господы сядут за стол.

— Если вы не против, я вместе с вами поужинаю, — весело сказал дон Хаиме, — у вас два кавалера, а я буду третьим.

— Мы очень рады! — вскричала донья Кармен. Кавалеры провели дам к столу, усадили их и сами сели.

За ужином начался непринужденный разговор, как это обычно бывает в узком кругу близких друзей.

Часы уже пробили полночь.

— Боже мой! — вскричала донья Долорес. — Как поздно!

— Да, время летит незаметно, — сказал дон Хаиме, — нам пора!

Все поднялись из-за стола, и мужчины простились с дамами, обещая в самое ближайшее время снова их навестить.

В прихожей дона Хаиме ждал Лопес.

— Что тебе? — спросил дон Хаиме.

— За нами следят, — ответил слуга.

Он подвел дона Хаиме к двери и осторожно открыл

вделанную в нее форточку. Дон Хаиме увидел между постройками дома на противоположной стороне едва различимую в темноте фигуру.

— Ты, кажется, прав, — сказал дон Хаиме. — Надо это проверить. Возьми мой плащ и шляпу и ступай вместе с кабальеро. Шпион видел, как сюда вошли трое, пусть думают, что и вышло их трое. Садитесь на лошадей и поезжайте.

— По-моему, проще всего его убить, — сказал Доминик.

— К чему такая поспешность? — спросил дон Хаиме. — Надо сначала убедиться, что это в самом деле шпион, мне не хотелось бы ошибиться. Не беспокойтесь, через полчаса я буду с вами.

— До свиданья! — сказал граф, пожимая руку дону Хаиме.

— До свиданья!

Они вышли в сопровождении Лео Карраля и обоих слуг графа. Старый слуга доньи Марии с шумом захлопнул за ними дверь, но тотчас же потихоньку ее открыл.

Дон Хаиме встал у форточки, откуда хорошо была видна противоположная сторона.

Когда молодые люди отъезжали, неизвестный вышел из своего укрытия, посмотрел им вслед и вернулся обратно. Примерно через четверть часа он снова вышел, огляделся и пошел вперед. В тот же миг дон Хаиме открыл дверь и очутился лицом к лицу с незнакомцем. Тот хотел было бежать, но дон Хаиме схватил его за руку и сжал как в тисках. Несмотря на отчаянное сопротивление, он потащил незнакомца к нише, где стояла статуя Богоматери и горели свечи. Сбив шляпу с головы незнакомца, дон Хаиме заглянул ему в лицо.

— А! Это вы, сеньор Хесус Домингес, — сказал он насмешливо, — вот уж не ожидал встретить вас здесь!

Хесус Домингес ничего не ответил, только взглянул с мольбой на дону Хаиме.

— Послушай, любезнейший, — сказал дон Хаиме, тряхнув Хесуса. — Вымолвишь ты, наконец, хоть слово?

— Должно, это сам черт! — пробормотал Хесус, с ужасом глядя на человека в маске.

— Он самый, — произнес, смеясь, дон Хаиме, — так что не беспокойся, ты в хороших руках. Ну, а теперь скажи, как из герильеро и разбойника ты превратился в шпиона и, конечно, убийцу?

— Нужда заставила, господин. Я был честным, но меня оклеветали.

— Ты, честным? Убирайся отсюда, я хорошо тебя знаю. Сейчас же признавайся во всем или я убью тебя, как собаку!

— Если можно, освободите, пожалуйста, мою руку, мне кажется, вы сломали ее!

— Ладно, только не думай бежать, не то плохо тебе придется! Итак, я тебя слушаю!

— Должен вам сказать, сударь, что я и сейчас герильеро, даже получил повышение, стал лейтенантом!

— Тем лучше. Но что же ты делаешь здесь?

— Меня послали на разведку.

— На разведку? Одного? В Мехико? Ты, видно, шутишь?

— Клянусь блаженством рая, если оно мне суждено, что говорю истинную правду. К тому же я не один, со мною капитан. Он и послал меня сюда.

— Кто же он, твой капитан?

— Вы его знаете!

— Вполне возможно. Но ведь у него есть имя?

— Конечно! Его зовут дон Мельхиор де ла Крус.

— Так я и думал. Теперь мне все ясно: тебе велено следить за доньей Долорес де ла Крус?

— Точно так, сударь.

— Что еще?

— Больше ничего!

— Врешь!

— Уверяю вас...

— Нет, добром, видно, от тебя толку не добьешься. — И дон Хаиме наставил на Хесуса пистолет.

— Что вы собираетесь делать, господин?

— Как видишь, хочу продырявить тебе голову. И если тебе очень хочется отправиться к праотцам, собирайся! Тебе осталось жить две минуты.

— Но если вы убьете меня, то ничего не узнаете, — вскричал Хесус.

— Зато и ты ничего никому не расскажешь, — ответил дон Хаиме.

— Нет, уж лучше я вам открою всю правду.

— И правильно сделаешь.

— Мне приказано следить не только за доньей Долорес, но и за матерью ее подруги, и за самой подругой. И еще за всеми, кто у них бывает.

- Здорово тебе пришлось потрудиться!
- Нет, не особенно. К ним почти никто не ходит.
- И давно ты занимаешься этим почетным делом?
- Дней десять, может, двадцать.
- Значит, ты вместе с другими разбойниками пытался ворваться в этот дом?
- Да, но не удалось.
- Знаю. А хорошо тебе платят за услуги?
- Пока ничего не платили, но обещают заплатить пятьдесят унций.
- Обещания ничего не стоят. Гораздо легче посулить пятьдесят унций, чем дать десять пиастров.
- Неужели, сударь? Разве дон Мельхиор так беден?
- Да. Во всяком случае, не богаче тебя.
- Очень жаль, потому что у меня нет ничего, кроме долгов.
- Дурень ты, вот что я тебе скажу, и поделом тебе, если ничего не получишь.
- Я — дурень?
- Да, дурень. Служишь нищему, вместо того чтобы заработать хорошие деньги!
- Кто же мне их заплатит? Я охотно стал бы ему служить.
- Я в этом не сомневаюсь. Вообрази, мне вдруг захотелось дать тебе совет.
- Сделайте милость, сударь! Я постараюсь оправдать ваше доверие.
- Убирайся!
- Почему вы меня гоните?
- Гм... потому, что ты враг моих друзей, а значит, и мой.
- Ах, знай я прежде...
- Что бы ты тогда сделал?
- Не стал бы следить за вашими друзьями. Умоляю вас, испытайте меня.
- Бесполезно!
- Вы останетесь мною довольны, вот увидите!
- Дон Хаиме сделал вид, что раздумывает. Хесус Домингес с волнением ожидал ответа.
- Нет, — сказал дон Хаиме, — на тебя нельзя положиться.
- Вы плохо меня знаете! Я так вам предан, так предан...
- Дон Хаиме расхохотался.
- Твоя преданность, можно сказать, мне прямо с неба свалилась.

Так и быть, я испытаю тебя, но попробуй меня обмануть...

— Будьте покойны, господин. Что прикажете делать?

— Все докладывать о твоём господине.

— Понял! Теперь он шагу не ступит, чтобы вы не узнали об этом.

— Кто его самый близкий друг?

— Дон Антонио Касебар, они неразлучны.

— За ним тоже понаблюдай.

— Согласен!

— Вот ты и заработал полунции!

— Полунции! — радостно вскричал Хесус.

— Я дам тебе за двадцать дней вперед. Ведь ты нуждаешься в деньгах!

— Вы дадите мне десять унций?! Вперед?! Невозможно.

— Вот, получай! — Дон Хаиме вынул из кармана деньги и отдал Хесусу.

— О! — вскричал тот. — Берегитесь, дон Мельхиор!

— Будь осторожен. Дон Мельхиор и дон Антонио — люди коварные.

— Знаю я их. Но меня не проведешь! Уж будьте уверены!

— Дело твоё. Только помни: попадешься, я тебе не защитник.

— Не попадусь!

— Увидишь, что господа нечаянно обронили бумаги или ещё что-нибудь. припрядь, а потом мне принесишь. Уж очень я любопытный.

— Ладно. Потеряют — я подберу, а не потеряют — сам поищу.

— И это годится. Кстати, за бумаги плата отдельная, по три унции за каждую, конечно, если бумага стоящая.

— Согласен. А теперь, сударь, скажите, где мы будем встречаться с вами.

— Я каждый день гуляю между тремя и пятью у канала Лас-Вигас.

— Значит, до встречи!

— Только будь осторожен. До свиданья!

— До свиданья!

Дон Хаиме велел слуге доньи Марии запереть двери покрепче, а сам отправился к молодым людям.

Граф и Доминик уже беспокоились, что дон Хаиме долго нет, и хотели идти на поиски, но тут, наконец, он появился.

Дон Хаиме рассказал друзьям, как ему удалось переманить Хесуса Домингеса на свою сторону, чем очень их позабавил.

Расстались они, когда уже взошло солнце. На прощанье дон Хаиме сказал:

— Друзья мои, может быть, мои поступки вам кажутся странными, но подождите судить меня. Через несколько дней, не позднее, я нанесу решительный удар, к которому готовился столько лет. Тогда вы все поймете, наберитесь только терпения и не думайте, что это дело вас не касается. Помните данную вами клятву и будьте готовы действовать в любой момент, когда бы я вас ни позвал.

Он пожал молодым людям руки и вышел.

Прошла неделя, но ничего особенного не случилось.

Между тем в городе было беспокойно. На улицах и площадях собирался народ, обсуждались новости. Лавки в торговых кварталах открывались лишь ненадолго. Продовольственные запасы были на исходе, и цены росли: индейцы все реже приходили в город и все меньше приносили товаров.

Людей томило смутное предчувствие беды, все ждали со дня на день грозы, которая вот-вот могла разразиться над Мехико.

Дон Хаиме, на первый взгляд, вел жизнь праздную, происходящее вокруг, казалось, его нисколько не касалось. Он появлялся в городе, покуривая сигару, слушал, что говорят, верил, прикидываясь простачком.

Каждый день он прогуливался вдоль канала Лас-Вегас и будто случайно встречался с Хесусом Домингесом. Они продолжали прогулку вместе, о чем-то оживленно разговаривали и расставались очень довольные друг другом.

Однако спустя несколько дней дон Хаиме изменил свое отношение к Хесусу.

Они крупно поговорили, даже угрожали друг другу.

Во время одной из встреч дон Хаиме сказал Хесусу:

— Любезный Хесус Домингес, мне кажется, ты ведешь двойную игру. А у меня особый нюх на предателей.

— Иабааи, Господи! — вскричал Хесус Домингес. — Вы ошибаетесь, я предан вам всей душой. Разве можно изменить такому щедрому кабальеро?

— Во всяком случае, я тебя предупредил, поступай, как знаешь, а главное, не забудь принести мне бумаги, которые я жду вот уже три дня.

Дон Хаиме расстался с Хесусом, оставив его в большом затруднении.

Следует заметить, что совесть Хесуса Домингеса была нечиста.

Подозрения дона Хаиме имели под собой основания. Мысль о предательстве уже приходила в голову Хесусу. Это значит, что в любой момент он готов был его совершить.

Но сейчас Хесус решил вернуть доверие дона Хаиме и раздобыть бумаги, которые тот требует, с тем, чтобы украть их у него, если это окажется выгодным.

На следующий день в назначенный час дон Хаиме пришел на встречу с Хесусом Домингесом. Тот не замедлил явиться, клянясь, как обычно, в преданности, и передал дону Хаиме солидную пачку бумаг. Бросив взгляд на бумаги, дон Хаиме спрятал их под плащ, кинул в руку Хесусу увесистый кошелек и ушел.

— Черт возьми! — пробормотал Хесус Домингес. — До чего он сегодня злой! Надо устроить так, чтобы его застали врасплох. Хорошо, что я узнал его адрес. Пойду к дону Мельхиору и все ему расскажу, сделаю так, что он мне поверит, будто я действовал в его же интересах, чтобы втереться в доверие к врагу, и выдам его с головой. Дон Мельхиор обрадуется, еще поблагодарит меня. Да здравствуют ум и смекалка! Право же, я молодец!

Еще долго Хесус Домингес хвалил самого себя, как вдруг увидел впереди двух человек, которые шли и о чем-то горячо рассуждали.

Вдруг они обернулись и стали осыпать Хесуса бранью.

Хесус Домингес, имея при себе солидную сумму денег, решил не ввязываться в ссору и извинился.

Но незнакомцы не хотели ничего слушать, всячески его обзывая.

Терпенью Хесуса пришел конец, и в порыве негодования он схватился за нож.

Это и погубило его. Незнакомцы повалили Хесуса на землю, забили до смерти, забрали кошелек и все документы и ушли. Никто ничего не видел. Улица была пустынной.

Так погиб Хесус Домингес. Два часа спустя тело его нашли полицейские и, так как его никто не признал, закопали на одном из кладбищ. Возможно, дон Мельхиор удивлялся, куда это Хесус исчез, но поскольку не очень ему доверял, то в конце концов пришел к выводу, что Хесус избегает с ним встреч.

Начало конца

Генерал Мирамон не терял времени. Решив сделать последнюю ставку, он стал тщательно готовиться к бою.

Захват шестисот тысяч пиастров из английского консульства подорвал его репутацию, и он решил вернуть эти деньги, о чем вел переговоры с Лондоном. Британский поверенный в делах, мистер Матью, постоянно вел интриги против президента, и захват денег был своего рода ответной акцией на враждебные действия мистера Матью. Именно так объяснял Мирамон свой поступок, приведя в подтверждение найденный во время битвы при Толухе у взятого в плен генерала Дегольядо план нападения на Мехико, написанный рукой самого Матью.

Президент проказал этот план иностранным послам, а также приказал поместить его в газете. Расчет был точен. Ненависть к англичанам возросла, возросли и симпатии к Мирамону.

Огромных усилий стоило Мирамону вооружить восемь тысяч солдат. Это была ничтожная цифра в сравнении с неприятельским войском. Генерал Уерта по некоторым размышлениям решил оставить Морельхо с четырьмя тысячами солдат, что вместе с одиннадцатью тысячами Гонсалеса Ортеги, пятью тысячами Гасы Амондиа и четырьмя тысячами Аврелиано Карвахалы и Гилляра составило армию в двадцать четыре тысячи солдат, которые быстро приближались к Мехико.

Положение становилось критическим. Жители, не зная планов президента, пребывали в страхе, им везде мерещились вражеские солдаты, брошенные на осаду Мехико.

Чтобы успокоить людей и сохранить доверие к себе,

Мирамон обратился с речью к представителям города и разъяснил им свой план: сразиться с врагом за стенами города, чтобы избежать осады.

Жители успокоились и больше не поддавались на провокации тайных сторонников Хуареса.

Когда все приготовления к бою были закончены, Мирамон созвал военный совет, на котором следовало выработать окончательно план атаки. Совет длился несколько часов. Каких только планов не предлагали, ни один принят не был. Хотя среди никуда негодных попадались и подходящие.

К несчастью, генерал Мирамон, обычно рассудительный и осторожный, руководствовался личной ненавистью, а не интересами нации.

Дон Бенито Хуарес был адвокатом. Кстати, заметим, что со времени провозглашения независимости Мексики он был единственным президентом, не принадлежавшим к военному сословию. Поэтому он не мог стать главнокомандующим и поставил на пост Гонсалеса Ортегу, наделив его самыми широкими полномочиями в делах ратных. Он знал, что Ортега храбрый генерал, отличный полководец, но плохой дипломат, и боялся, как бы тот из-за своего великодушия не сорвал коварных, жестоких планов Хуареса.

Генерал Ортега победил Мирамона при Сильо. Воспоминание об этой неудаче все еще жило в сердце Мирамона, и он страстно желал смыть это позорное пятно. Вот почему, забыв осторожность, и вопреки воле своих самых мудрых советников, Мирамон требовал, чтобы в первую очередь нападение было совершено на корпус Ортеги.

Если удастся нанести поражение самому многочисленному корпусу под началом главнокомандующего, все неприятельское войско будет деморализовано и поражение его неизбежно.

Президент так горячо и убедительно доказывал свою правоту, что ему удалось получить поддержку всех членов совета. Итак, план президента был принят, он назначил на следующий день смотр войскам с последующим выступлением в поход.

Как только кончился совет, президент отправился к себе привести в порядок личные дела и сжечь некоторые компрометирующие бумаги.

До самого вечера просидел президент у себя в кабине-

те, когда вдруг ему доложили о приходе дон Хаиме. Президент велел тотчас его привести.

— Мне осталось всего несколько бумаг. С вашего разрешения, я просмотрю их.

— Сделайте одолжение! — ответил дон Хаиме, садясь в кресло. Пока президент занимался бумагами, дон Хаиме смотрел на него с неизъяснимой печалью.

— Итак, — спросил, наконец, дон Хаиме, — ваше решение бесповоротно, генерал?

— Да, жребий брошен! Я сказал бы, рубикон перейден, но смешно, право, сравнивать себя с Цезарем. Я дам бой врагам!

— Одобряю ваше решение, оно вас достойно, генерал. Позвольте спросить, на когда назначено наступление?

— Завтра, сразу же после смотра войск.

— Значит, у меня есть еще время послать двух-трех опытных разведчиков, чтобы донесли вам о положении в стане неприятеля.

— Несколько человек уже послано, и все же я с благодарностью принимаю ваше предложение, дон Хаиме.

— А теперь, будьте так добры, скажите мне, в каком направлении вы намерены выступить и чей корпус решили атаковать?

— Я хочу, как говорится, схватить быка за рога, иными словами, начать с самого Гонсалеса Ортеги.

Дон Хаиме покачал головой, но возражать не посмел.

Мирамон подошел к нему и сел рядом.

— Наконец-то я покончил с делами и теперь к вашим услугам. Догадываюсь, что вы собираетесь сказать мне что-то важное.

— Вы не ошиблись, генерал. Прочтите, пожалуйста, это. — И дон Хаиме протянул Мирамону сложенный вчетверо лист бумаги.

Мирамон прочел, но ни единый мускул не дрогнул в его лице.

— Вы взглянули на подпись? — спросил дон Хаиме.

— Да, — ответил генерал безразличным тоном, — это подпись дон Бенито Хуареса, а бумага предназначена дону Антонио Касебару.

— Именно, генерал! Теперь вы больше не сомневаетесь в том, что Антонио Касебар — предатель?

— Нисколько!

— И что вы намерены делать?

— Ничего!

— Ничего? — воскликнул дон Хаиме вне себя от удивления.

— Ничего, — подтвердил президент.

— Я вас не понимаю, генерал!

— Выслушайте меня, дон Хаиме, и вы все поймете, — сказал президент. — Дон Франциско Пачеко, чрезвычайный посол ее величества королевы Испании, оказал мне много важных услуг. После поражения при Силао, когда положение мое было весьма шатко, он не колеблясь признал мое правительство и всячески меня поддерживал. Ради меня скомпрометировал себя как дипломат, и как только Хуарес придет к власти, сеньору Пачеко придется сложить свои полномочия. Даже в настоящее время, когда положение мое почти безнадежно, сеньор Пачеко не изменил ко мне своего отношения. В случае поражения я только на него и рассчитываю. Он поможет заключить мир на относительно приемлемых условиях, не для меня, разумеется, а для города и тех, кто попал в немилость из-за дружбы со мной. Не сомневаюсь в том, что дон Касебар гнусный изменник, но он испанец, представитель знатного рода, а главное, его рекомендовал мне лично сам посланник.

— Он и сам, я думаю, в нем ошибся.

— Дело в том, что сеньор Пачеко раз и навсегда хочет покончить с тем унижительным положением, в котором оказались у нас его соотечественники.

— Да, генерал, я все это знаю.

— Что же подумает посланник, если я предам суду за государственную измену испанца, члена одной из старинных фамилий в королевстве, тем более, что он сам рекомендовал мне этого человека. Как смогу я после этого обращаться к нему за помощью? Вы скажете, что следовало бы показать это письмо посланнику и на том кончить дело. Но, друг мой, он все равно будет оскорблен. И вот почему: дон Франциско Пачеко — представитель одного из европейских дворов; он дипломат старой школы начала нынешнего века и на нас, американских правителей, смотрит свысока, поскольку глубоко убежден в своем превосходстве над нами. И если я стану доказывать, что его провел плут и насмеялся над ним, он придет в ярость, но не потому, что его обманули, а потому, что я, благодаря счастливому случаю, оказался проницательнее его и

раскрыл обман. Он никогда мне этого не простит, и я приобрету в его лице заклятого врага.

— Все, что вы говорите, генерал, весьма убедительно, и все же речь идет о предателе.

— Вы правы, но уверяю вас, если я стану победителем, он перейдет на мою сторону, как это было после сражения при Толухе.

— Да, он будет на вашей стороне, пока не представится случай окончательно предать вас.

— Скорее всего, это так. Но, кто знает, может быть, и нам удастся отделаться от него тихо, без шума?

Подумав немного, дон Хаиме сказал:

— Мне кажется, генерал, я нашел выход!

— Но прежде позвольте мне задать вам один вопрос и обещайте на него ответить.

— Обещаю, генерал!

— Вы с этим человеком знакомы, он ваш личный враг?

— Да, генерал! — признался дон Хаиме.

— Так я и думал. Недаром вы столь упорно его преследуете! Теперь послушаем, какой вы придумали выход.

— Единственное, что нас связывает, это страх потерять расположение испанского посланника?

— Да, только это.

— А что вы скажете, генерал, если сеньор Пачеко сам отступится от дона Антонио?

— Вы полагаете, это возможно?

— Более того, я принесу вам от посланника письмо, в котором он не только отречется от дона Антонио Касебара, но согласится на предание его суду.

— Боюсь, надежды ваши не сбудутся, — сказал президент.

— Это уже мое дело, генерал. Главное, чтобы на вас не пала тень.

— Это мое единственное желание, и вы знаете почему.

— Я все понимаю, генерал, и клянусь, ваше имя даже не будет произнесено.

— В свою очередь, я даю вам слово солдата расстрелять этого негодяя на площади Майор, хотя бы мне оставалось после этого пробыть президентом всего час!

— Я запомню это, генерал. К тому же у меня хранится бумага за вашей подписью. Придет время, и я сам арестую этого мерзавца! Есть у меня к вам еще просьба, генерал.

— Какая же? Говорите!

— Мне хотелось бы сопровождать вас в походе.

— Весьма признателен вам, друг мой, и очень рад!

— Я буду иметь честь присоединиться к вам в момент вашего выступления из города.

— Я зачислю вас в главный штаб.

— Эту великую милость я, к сожалению, принять не могу, — с улыбкой ответил дон Хаиме.

— Почему?

— Потому что я не один, генерал. Триста всадников, которые были со мною при Толухе, сопровождают меня и на этот раз. Во время боя мы будем рядом с вами.

— Я положительно вас не понимаю, мой друг. Вы просто чудесник.

— Надеюсь, вы скоро в этом убедитесь, генерал. А теперь позвольте с вами проститься.

— Ступайте, мой друг, я вас не удерживаю!

Пожав дружески руку президенту, дон Хаиме вышел. И вместе с Лопесом, который ожидал его у дворца, отправился домой.

Написав несколько писем, он велел слуге разнести их по адресам, переоделся, взял несколько бумаг из бронзового ящика и взглянул на часы. Было еще не поздно, и дон Хаиме отправился в испанское посольство, находившееся неподалеку от его дома.

Двери посольства еще не были заперты, слуги в нарядных ливреях ходили по двору.

Дон Хаиме обратился к слуге, стоявшему у дверей с алебардой в руках.

Тот позвал другого слугу, и дон Хаиме последовал за ним.

Возле прихожей их встретил еще один слуга с серебряной цепью на шее.

Дон Хаиме подал ему конверт со своей визитной карточкой и сказал:

— Передайте его превосходительству!

Через несколько минут слуга вернулся и, приподняв портьеру, произнес:

— Его превосходительство просит сеньора войти!

Дон Хаиме последовал за слугою, прошел несколько салонов и, наконец, подошел к кабинету посланника.

Дон Франциско Пачеко поднялся навстречу гостю и любезно раскланялся.

— Чем обязан счастью видеть вас, кабальеро? — спросил посланник.

— Прошу извинить, ваше превосходительство, что выбрал столь поздний час для визита, но иного выхода не было.

— Я рад вас видеть в любое время, — ответил посланник. По его знаку слуга пододвинул гостю стул и вышел.

— Чем могу служить вам сеньор до... — сказал посланник.

— Прошу вас, ваше превосходительство, — прервал его дон Хаиме, — даже сейчас, когда мы вдвоем, сохранять мое инкогнито.

— Как вам угодно! — ответил посланник.

Дон Хаиме вынул из сумки бумагу и подал посланнику.

— Будьте добры, ваше превосходительство, взглянуть на королевский приказ.

Посланник принял с поклоном бумагу и стал читать, прочтя, вернул дону Хаиме, который снова положил ее в сумку.

— Вы требуете, чтобы приказ был выполнен, кабальеро? — спросил посланник.

Дон Хаиме поклонился.

— Хорошо! — ответил дон Франциско Пачеко.

Он подошел к своему бюро написал несколько слов на месте с гербом Испании и штемпелем посольства, поставил подпись, приложил свою печать и сказал:

— Вот письмо его превосходительству, генералу Мирамону. Желаете ли вы передать его собственноручно или хотите, чтобы оно было послано от посольства?

— Я передам собственноручно, если позволите, ваше превосходительство!

Посланник положил письмо в конверт и отдал дону Хаиме.

— Весьма сожалею, кабальеро, — сказал он, — что не могу дать вам иных доказательств моего желания быть вам полезным.

— Честь имею выразить вашему превосходительству самую горячую признательность, — ответил дон Хаиме, почтительно кланяясь.

— Буду ли я иметь удовольствие снова видеть кабальеро?

— Непременно, ваше превосходительство, в недалеком будущем я засвидетельствую вам свое почтение.

По звонку посланника явился слуга.

Посланник с доном Хаиме обменялись церемонными поклонами; и дон Хаиме удалился.

Последнее напутствие

Утро выдалось яркое, солнечное, город принял праздничный вид, и жители ликовали. Как в лучшие мирные времена, когда все наслаждались тишиной и покоем. Люди высыпали на улицы и с шумом и песнями устремились в парк Букарельи.

Далеко вокруг разносилась военная музыка, гремели барабаны, звучали горны.

Офицеры главного штаба, в форме с золотыми галунами, в шляпах с перьями, развозили приказы.

Солдаты выходили из казарм и направлялись к парку. Артиллерия заняла позицию перед статуей короля Карла IV. Кавалерия, численностью всего тысяча сто человек, собиралась на Аламеде.

Мальчишки забавлялись, бросали петарды под ноги прохожим.

Около десяти часов утра толпа привественными криками встретила президента республики.

Мирамон ехал в окружении блестящих офицеров главного штаба.

Лицо его светилось радостью. Такая бурная, восторженная встреча свидетельствовала о том, что народ все еще любит и поддерживает его в стремлении встретить врага за стенами города и не допустить осады.

Когда он подъехал к парку, прозвучал залп из двадцати орудий, возвестивший о прибытии главнокомандующего...

Солдаты выстроились рядами, грянул марш, и президент медленно прошел по знаменитой линии, начался смотр войск.

Воодушевление толпы передалось солдатам, они тоже

встретили президента криками: «Да здравствует Мирамон!»

Генерал держался серьезно и строго, это не был обычный парадный смотр, предстоял бой не на жизнь, а на смерть, и следовало проверить готовность войск.

Мирамон убедился в том, что все его приказы выполнены. Солдаты были отлично вооружены, вид имели бодрый, так что приятно было на них смотреть. Проходя по рядам, президент обращался то к одному, то к другому солдату, одних узнавал, других — делал вид, что узнал, — испытанное средство польстить самолюбию солдата. Затем были проведены небольшие маневры. Убедившись, что солдаты хорошо подготовлены, президент горячо поблагодарил офицеров. Маневры закончились маршем, после чего войска заняли первоначальную позицию и расположились лагерем.

Мирамон из-за сильной жары решил выступить ночью.

Среди офицеров штаба, вернувшихся вместе с Мирамоном во дворец, находились дон Мельхиор де ла Крус, дон Антонио Касебар и дон Хаиме.

Дон Мельхиор удивился, увидев в военной форме того, кого знал под именем дона Адольфо и считал контрабандистом. Он поклонился ему с усмешкой, но дон Хаиме ответил на поклон весьма сухо и поспешил удалиться, чтобы не вступать в разговор.

Что касается дона Антонио, то он просто не мог узнать дона Хаиме, потому что никогда не видел его с открытым лицом.

Когда президент возвращался во дворец, дон Хаиме остановился на площади Майор и подошел к графу и Доминику, которым назначил здесь встречу.

— Вы отправляетесь вместе с войском? — спросили они дона Хаиме.

— Да, друзья, я уезжаю, но скоро вернусь. К несчастью, война будет короткой. Прошу вас, будьте особенно осторожны во время моего отсутствия, один из наших врагов остается в городе.

— Только один? — спросил Доминик.

— Да, но самый опасный. Тот, которому ты спас жизнь, Доминик.

— Я его знаю, — отвечал молодой человек, — пусть поостережется!

— А дон Мельхиор? — спросил граф.

— Этот не будет больше нас беспокоить, — ответил дон Хаиме многозначительно. — Итак, мои милые, будьте осторожны и не дайте застигнуть себя врасплох!

— Если понадобится, мы призовем на помощь Лео Карраля и наших слуг!

— И хорошо сделаете! Пусть поживут вместе с вами в доме. А сейчас мне пора. У меня есть дела во дворце. До свиданья, друзья!

Они расстались.

Дон Хаиме, придя во дворец, направился прямо в кабинет президента. Слуга хорошо его знал и тотчас же пропустил.

Мирамон как раз принимал донесения разведчиков о передвижении неприятеля.

Дон Хаиме терпеливо ждал, когда президент освободится. Наконец, они остались одни.

— Ну что, — сказал, смеясь, президент, — видели вы посланника?

— Разумеется, генерал. Вчера, выйдя от вас, сразу пошел к нему.

— А письмо принесли?

— Вот оно! — Дон Хаиме протянул Мирамону конверт.

— Что вы на это скажете? — спросил дон Хаиме.

— Это поразительно! — вскричал Мирамон. — Посланник не только отрекается от этого человека, но и дает добро на его наказание! Клянусь честью, вы сделали больше, чем обещали. Как это вам удалось?

— Я только просил дать письмо.

— Вы самый загадочный человек из всех, кого я когда-либо знал. Теперь моя очередь сдержать обещание.

— С этим можно не торопиться.

— Но я хотел бы его арестовать! Вы возражаете?

— Напротив. Но только когда вернемся.

— Как вам будет угодно.

— А что нам с ним делать сейчас?

— Мы оставим его под надзором коменданта.

— В самом деле, вы правы.

Президент написал приказ, запечатал и позвал слугу.

— Полковник Касебар здесь? — спросил он.

— Здесь, ваше превосходительство.

— Скажите ему, чтобы он отнес этот приказ коменданту. — Слуга взял приказ и вышел.

— Ну, вот и все! — сказал президент.

Дон Хаиме оставался у генерала до ночи, когда войско, сопровождаемое приветственными криками народа, выступило в поход.

Генерал покинул дворец вместе со штабом и отправился вслед за войском. На площади стоял кавалерийский эскадрон.

— Это что за всадники? — спросил Мирамон.

— Это мои люди! — ответил дон Хаиме.

Всадники были в плотных плащах и широкополых шляпах, так что видна была только нижняя часть лица и борода.

Президент внимательно всматривался в лица.

— Вы их не узнаете, — тихим голосом сказал дон Хаиме. — Бороды у них поддельные, а сами они переодеты. Но, даю вам слово, в сражении они будут не хуже других!

— Я в этом уверен и очень вам благодарен!

Наконец тронулись в путь.

Дон Хаиме обнажил шпагу, всадники заняли свои места в арьергарде. Их было триста человек.

В полночь расположились лагерем, был отдан приказ не зажигать огней. Около трех утра явился лазутчик. Его тотчас же провели к президенту.

— А, это ты, Лопес! — обрадовался генерал.

— Так точно, генерал! — ответил Лопес, улыбнувшись дону Хаиме, который сидел подле президента и курил.

— Новости есть? — спросил Мирамон.

— Так точно, генерал, и самые свежие!

— Тем лучше. Где сейчас находится противник?

— В четырех милях отсюда.

— Значит, мы скоро встретимся. Чей корпус?

— Генерала дона Хесуса Гонсалеса Ортеги.

— Bravo! — весело произнес Мирамон. — Ты славный малый. Вот! Возьми! — Он положил в руку Лопеса несколько золотых монет. — Расскажи-ка все поподробнее!

— У генерала Ортеги одиннадцать тысяч войска, из них три тысячи кавалерии. Орудий — тридцать пять.

— Ты видел его солдат?

— Я больше часа шел вместе с ними.

— Какое у них настроение?

— Они очень злы на вас, генерал.

— Можешь соснуть часок.

Лопес поклонился и вышел.

— Наконец-то, — сказал Мирамон, — мы встретимся с неприятелем!

— Сколько у вас войска, генерал? — спросил дон Хаиме.

— Шесть тысяч, из которых тысяча сто кавалерии и двадцать орудий.

— И это против одиннадцати тысяч, — промолвил дон Хаиме.

— Храбрость удвоит наши силы!

— Дай-то Бог!

В четыре утра снялись с лагеря, Лопес был в качестве проводника.

Солдаты замерзли и боевой дух их упал.

Около семи часов сделали остановку. Солдаты выстроились в боевом порядке, заняв выгодную позицию. Были расставлены по местам орудия.

Дон Хаиме приказал своим всадникам прикрыть сзади регулярную кавалерию. Закончив приготовления, сели завтракать.

В девять утра появились передовые части генерала Ортеги и начали перестрелку.

Сражения можно было избежать, но Мирамон мечтал схватиться с неприятелем.

Рядом с Мирамоном были его лейтенанты: Велес, Кабос, Нерете, Айестарап и Маркес.

Мирамон вскочил на коня и стал объезжать свое немногочисленное войско, отдавая приказы, затем поднял шпагу и крикнул:

— Вперед, молодцы!

Началось сражение.

Войско Хуареса заняло невыгодную позицию и стояло под шквальным огнем неприятеля.

Солдаты Мирамона, воспитанные своим молодым генералом — Мирамону было всего двадцать шесть лет, — творили чудеса храбрости.

И вскоре войскам Хуареса пришлось покинуть свои позиции, несмотря на численное превосходство.

Казалось, душа Мирамона переселилась в его лейтенантов! Каждый сражался за десятерых, увлекая за собой солдат. Еще немного, и сражение было бы выиграно.

Настало время пустить в ход кавалерию, и Мирамон скомандовал: «Вперед!». Но кавалеристы не двигались с места, когда же Мирамон вторично скомандовал броситься на неприятеля, солдаты с копьями наперевес бросились на своих.

Деморализованные внезапной изменой, пятьдесят всад-

ников, оставшихся на месте, рассеялись во все стороны. Пехотинцы, видя измену, сражались кое-как.

По рядам несло:

— Измена, измена! Спасайся, кто может!

Напрасно старались офицеры удержать солдат. Те были окончательно деморализованы.

Войска Мирамона больше не существовало. Ортега снова вышел победителем, но лишь благодаря гнусной измене в ту самую минуту, когда сражение им было проиграно.

Если бы триста всадников дона Хаиме могли решить исход сражения, они ни перед чем не остановились бы. Но чудес не бывает.

Смелчаки яростно бились с преследовавшей их кавалерией противника, дон Хаиме тоже продолжал вести неравный бой.

Он был свидетелем низкой измены, ставшей причиной поражения Мирамона, и хорошо видел офицера, который первым перешел на сторону неприятеля. Это был дон Мельхиор. Дон Хаиме сразу его узнал и поклялся в душе его захватить.

Он тотчас же рассказал об этом намерении своим всадникам. И те с воинственным кличем бросились на неприятеля. Триста против трех тысяч!

Завязалась отчаянная борьба. Всадники дона Хаиме смешались и врезались в ряды противника, увлекая за собой дона Мельхиора.

— К президенту! К президенту! — вскричал дон Хаиме и поскакал к Мирамону.

Лейтенанты Мирамона поклялись умереть вместе с ним.

С горечью оглядев поле битвы, Мирамон, наконец, послушался своих верных друзей и стал отступать. Из его войска уцелела едва тысяча человек. Одни были убиты, другие бежали или перешли на сторону неприятеля. У Мирамона сердце сжималось от боли. Поражение он предвидел, но не ожидал, что станет жертвой измены. Когда миновала опасность быть настигнутыми неприятелями, президент приказал остановиться и дать отдых лошадям. Прислонясь к дереву, со сложенными на груди руками и опущенной головой, он хранил мрачное молчание и никто не решался его тревожить.

Но вот к нему приблизился дон Хаиме.

— Генерал! — окликнул он президента.

Мирамон поднял голову и протянул дону Хаиме руку.

— Это вы, мой друг! Ах, зачем только я вас послушался!

— Что сделано, то сделано, генерал, — отрывисто ответил дон Хаиме, — не стоит об этом говорить. Но прежде чем мы отсюда уйдем, вы обязаны исполнить свой долг. Совершить месть.

— Что вы хотите сказать? — удивился Мирамон.

— Известна ли вам причина поражения? — спросил дон Хаиме.

— Измена! — ответил Мирамон.

— А кто изменник, вы знаете?

— Откуда мне знать! — гневно произнес президент.

— А я знаю. Видел все собственными глазами. Я наблюдал за изменником давно, поскольку догадывался о его гнусных намерениях.

— Но ведь все равно мы не можем его захватить!

— Ошибаетесь, генерал. Я его привел. Я бы и в ад пошел, только бы до него добраться!

Офицеры и солдаты ответили на эти слова одобрительными возгласами:

— Слава Богу! — вскричал Кабос. — Этого подлеца следует четвертовать!

— Приведите негодяя, будем судить! — сказал Мирамон печально.

Сердце его болезненно сжалось, жестокость была ему чужда.

— Это не займет много времени, — сказал генерал Негрете, — его казнят выстрелом в спину, и все. Как изменника.

— Но прежде надо установить личность, — добавил Кабос.

По знаку дона Хаиме солдаты привели дона Мельхиора.

Вид у него был ужасный: платье разорвано и покрыто грязью, окровавленные руки связаны за спиной.

Суд состоялся под председательством генерала Кабоса, и вскоре изменник с простреленной спиной уже был в предсмертных конвульсиях.

Лицом к лицу

К тому времени, когда генерал Мирамон вернулся в Мехико, там уже все знали о его поражении. Духовенство и аристократия, как ни удивительно, раскаивались в своем равнодушии к Мирамону, который один мог их спасти. Да и в народе президент нашел бы сейчас поддержку. Но ему и в голову не приходило обратиться к жителям с призывом помочь организовать оборону.

Сама мысль о власти претила сейчас Мирамону и единственным желанием было сложить с себя полномочия.

По прибытии в Мехико Мирамон решил прежде всего собрать дипломатов и просить их выступить в роли посредников, чтобы спасти город. Мирамон намерен был сдать Мехико без боя федеральным войскам.

И тогда французский и испанский посланники, генерал Берисабал, взятый в плен при Толухе, и генерал Айестеран, близкий друг Мирамона, тотчас же отправились к генералу Ортего, чтобы заключить почетный мир, точнее, капитулировать.

Дон Антонио Касебар изъявил желание отправиться вместе с ними. После казни друга его, Мельхиора, он стал опасаться за собственную судьбу, и его томило дурное предчувствие. Но выйти за ворота без пропуска было невозможно, и дону Антонио пришлось остаться в Мехико. Вскоре он получил письмо, подтвердившее его опасения. И без того осторожный, в силу того образа жизни, который он вел, и постоянного риска, которому подвергался, дон Антонио нанял дюжину испытанных убийц и держал их за портьерами. Как-то около девяти вечера, в тот самый день, когда возвратился Мирамон,

дон Антонио пошел к себе в спальню почитать, но этому невинному развлечению мешала нечистая совесть. Вдруг он услышал в прихожей громкие голоса. Дон Антонио быстро встал и уже хотел пойти узнать, как вдруг дверь отворилась, и на пороге показался слуга, а за ним еще девять человек: шесть мужчин в масках из серапе и три дамы.

Дона Антонио проняла дрожь, но он взял себя в руки и стоял в ожидании, когда кто-нибудь из вошедших заговорит.

— Сеньор дон Антонио, — произнес наконец один из них, выступив вперед, — я привел вашу невестку донью Марию, герцогиню де Табор, вашу племянницу донью Кармен де Табор и донью Долорес де ля Крус.

Слова эти были произнесены с такой убийственной иронией, что дон Антонио невольно попятился назад и лицо его покрылось смертельной бледностью.

— Я вас не понимаю, — сказал он, тщетно стараясь унять в голосе дрожь.

— Неужели вы не узнали меня, дон Горацио? — кротко произнесла донья Мария. — Разве страдания так сильно изменили мое лицо? Ведь я — несчастная супруга вашего брата, которого вы убили?

— Что за комедию вы здесь ломаете? — вскричал дон Антонио с гневом. — Эта женщина сумасшедшая! А вы, негодяи, берегитесь! Со мной шутки плохи!

Тот, к кому обратился дон Антонио, громко расхохотался.

— Может быть, кабальеро, вы хотите говорить при свидетелях? А нас здесь так мало!

— Может, и при свидетелях, — ответил незнакомец.

— Прошу вас, сеньоры и кабальеро, выйти к нам! — сказал дон Антонио. Тотчас портьеры приподнялись, двери отворились, и человек двенадцать вошли в комнату.

— Вот вам свидетели, — вскричал дон Антонио, усмехнувшись. — Пусть же прольется ваша кровь, вы сами этого хотели — он обратился к появившимся из-за портьер молодым людям:

— Бейте их, как собак! — и сам схватил со стола два шестиствольных револьвера.

Никто не двигался с места.

— Долой маски! — сказал один из пришедших. — Мы

должны разговаривать с открытыми лицами. — И он снял маску.

Остальные последовали его примеру.

Читатель, конечно, уже догадался, кто пришел к дону Антонио.

— Не угодно ли вам, сеньор, — сказал дон Хаиме, — открыть свое настоящее имя, как мы открыли лица? Надеюсь, вы узнали меня? Я — дон Хаиме де Бивар, брат вашей невестки. Двадцать два года я слежу за каждым вашим шагом, сеньор Горацио де Табор, и жду случая отомстить вам. И вот, наконец, Бог мне послал этот случай!

Дон Горацио смерил взглядом дона Хаиме и сказал:

— Ну и что дальше, мой благородный шурин? Вы хотите, чтобы я перестал притворяться? Извольте! Я даже согласен признать вас своим родственником. Только хотелось бы знать, до какой вы додумались мести за двадцать два года, благородный потомок Сиды Кампеадора? Смерти я не боюсь, не раз смотрел ей в глаза. Допустим, вы убьете меня. Но я унесу в могилу тайну такой страшной мести, о которой вы и не подозреваете, и снова буду в выигрыше. А вам я оставлю в наследство отчаянье, и вы поседаете в одну ночь, как поседела ваша сестра.

— Ошибаетесь, дон Горацио, — произнес дон Хаиме, — я знаю все ваши тайны. И умрете вы не от моей руки, а от руки палача. Позорной смертью. На виселице!

— Ты лжешь, негодяй! — взревел дон Горацио. — Я... я... герцог де Табор! Во мне течет королевская кровь! Я — потомок одной из самых могущественных и старинных фамилий Испании! Тебя свела с ума ненависть! Вот ты и болтаешь о виселице. В Мехико есть испанский посланник!

— Есть, — ответил дон Хаиме, — но этот посланник разрешил судить тебя по всей строгости мексиканских законов.

— Он мой друг, покровитель! Он рекомендовал меня президенту Мирамону. Да и с какой стати мне бояться здешних законов, если я иностранец?

— Да, иностранец. Но вы поступили здесь на службу, чтобы предать одно правительство и перейти на сторону другого. Письмо, которое вы хотели настойчиво получить у полковника дона Фелиппе, сейчас у меня! А письма, похищенные у вас в Пуэбле благодаря вашему двоюродному брату, дону Эстебану, которого вы даже не знаете,

находятся в руках дона Хуареса. Как видите, вы безвозвратно погибли, поскольку милосердие чуждо дону Бенито Хуаресу. Ваша главная тайна мне тоже известна, о чем вы и не подозревали. Я знаю о существовании брата доньи Кармен, близнеца, более того, я знаю, где он, и могу, когда захочу, привести его к вам. Взгляните! Вот человек, которому вы продали своего племянника! — дон Хаиме указал на Лоиса, стоявшего рядом.

— Ах! — прошептал дон Горацио, падая в кресло и лоямая в отчаянии руки. — Я погиб!

— Да, вы окончательно погибли, — промолвил с презрением дон Хаиме, — даже смерть не спасет вас от бесчестия.

— Ради Бога, ответьте, — вскричала донья Мария, подходя к шурина, — дон Хаиме сказал правду? У меня есть сын, близнец моей милой Кармен?

— Да! — прошептал дон Антонио.

— Бог да благословит вас! — произнесла донья Мария. — Где же он, мой сын? Вы отдадите мне его, не правда ли? Умоляю вас, отдайте! Ведь я никогда его не видела! Мне так хочется его приласкать! Где же он?

— Не знаю.

Несчастливая мать упала в кресло, закрыв лицо руками. Дон Хаиме подошел к ней.

— Крепись, сестра! Бедная ты моя! — сказал он.

Наступила тишина, нарушаемая лишь рыданиями доньи Марии и девушек.

Дон Горацио встал.

— Мой благородный шурин, — произнес он с некоторой торжественностью, — попросите, пожалуйста, этих кабальеро удалиться. Я хочу остаться наедине с вами и моей невесткой.

Дон Хаиме с поклоном обратился к графу.

— Друг мой, — сказал он, — будьте любезны, проводите дам в гостиную.

Граф предложил девушкам руку и увел их в соседнюю комнату.

Остальные тоже ушли.

Только Доминик остался, вперив горящий взор в дона Горацио.

— Я не знаю, — сказал он мрачно, — что здесь может случиться, поэтому уйду лишь по приказу дона Хаиме. Он меня воспитал и мой долг, как приемного сына, его защищать!

— Останьтесь, сеньор, — сказал дон Горацио с печальной улыбкой, — вы, можно сказать, принадлежите к нашей семье.

— Дон Горацио, — сказал дон Хаиме, выступив вперед, — вы украли у моей сестры сына, наследника герцогов де Табор, и считали его погибшим. Но я спас его. Доминик, обними свою мать! Мария! Вот твой сын!

— Мама, — вскричал молодой человек, бросаясь к донье Марии.

— Сын мой! — прошептала донья Мария и упала без чувств на руки Доминика.

Она была стойкой в несчастье, но перенести радость оказалась не в силах.

Доминик отнес мать на кушетку и, стиснув зубы, медленно подошел к дону Горацио.

— Убийца отца! Палач моей матери! — крикнул он. — Будь проклят!

Дон Горацио низко опустил голову, но тотчас же выпрямился.

— Бог справедлив, — сказал он, — кара моя впереди. Я знал, что племянник жив. После долгих поисков мне, наконец, удалось найти человека, которому я продал его младенцем.

— Да, — сказал дон Хаиме, — и этот Лоис, которого нужда довела до преступления, раскаялся и возвратил мне дитя.

— Так и должно было случиться, — промолвил дон Горацио дрогнувшим голосом. — Как похож этот молодой человек на моего несчастного брата! Даже голос такой же!

Он закрыл лицо руками, но потом справился с волнением и обратился к дону Хаиме:

— Брат мой, — у вас в руках все улики совершенных мною страшных преступлений. — Он подошел к шкафчику, вынул пачку бумаг и, подавая дону Хаиме, сказал: — Вот недостающие. Раскаяние закралось мне в душу. Вот мое завещание, возьмите его. Я оставляю моему племяннику все имущество. Но имя де Табор не должно быть обесчещено. Ради самого себя, ради моего племянника откажитесь от ужасной мести, которую вы мне уготовили. Даю вам слово дворянина, клянусь честью моих предков, вы будете полностью отомщены за все то горе, которое я причинил вам и вашей сестре.

Дон Хаиме и Доминик хранили молчание.

— Неужели у вас нет ни капли жалости и вы откажете мне в моей просьбе? — вскричал дон Горацио.

Тут поднялась с кушетки донья Мария, выпрямилась во весь рост и подошла к дону Горацио.

— Право мстить принадлежит одному Богу! Во имя человека, которого я любила и которого вы так жестоко у меня отняли, я вас прощаю! Молю Бога, чтобы и он вас простил!

Дон Горацио пал ниц перед доньей Марией и промолвил:

— Вы святая! Я не заслужил вашего прощения, но постараюсь тяжелой ценой искупить свои грехи!

Он хотел поцеловать руку доньи Марии, но она с ужасом отшатнулась от него.

— Вы правы, — сказал он печально, — я недостойн прикасаться к вам.

— Отчего же, — возразила донья Мария. — Ведь вы раскаялись.

И она, отвернувшись, протянула ему руку.

Дон Горацио почтительно поцеловал ее и обратился к дону Хаиме и Доминику:

— Пожалейте меня!

— Мы не вправе мстить вам!

— Вы признали свою вину, и мы больше не вправе мстить вам!

Доминик не произнес ни слова. К нему подошла мать, тихонько взяла его за руку.

— Что вам, матушка? — спросил молодой человек.

— Я простила этого человека! — сказала донья Мария.

— Матушка, — ответил Доминик. — Когда я проклял его, моими устами говорил отец. Его голос звучал из залитой кровью могилы. И это проклятье останется на нем во веки веков! Когда он предстанет перед высшим судом, Бог спросит его, как некогда спросил Каина: «Что сделал ты с братом твоим?»

Услышав это, дон Горацио упал как подкошенный.

Дон Хаиме и донья Мария отошли от него.

Так и лежал он на полу неподвижный, будто мертвец. Наконец, донья Мария склонилась над ним.

— Не надо, матушка! — остановил ее Доминик. — Не оскверняйте себя этим прикосновением!

— Но ведь я простила его! — тихо произнесла донья Мария.

Дон Горацио между тем стал понемногу приходить в себя. Он поднялся с выражением решимости на искаженной гримасой страдания лице и обратился к Доминику:

— Вы требуете мести, — сказал он, — что же, вы будете отомщены!

Он порывлся в ящике стола, что-то достал, снова запер ящик и решительно подошел к двери.

— Войдите, кабальеро, все войдите! — крикнул он громко.

В ту же минуту комната наполнилась людьми.

Только граф де ля Соль и дон Эстебан по знаку дон-Хаиме остались в гостиной вместе с девушками.

Дон Хаиме подошел к сестре и предложил ей руку.

— Пойдемте, Мария, — сказал он. — Вам больше здесь нечего делать.

Донья Мария последовала за братом. Он проводил ее в гостиную и плотно запер за нею дверь.

Послышался шум отъезжающего экипажа: женщины в сопровождении графа уехали домой.

В это время с улицы донеслось бряцанье оружия.

— Что это? — спросил с ужасом дон Горацио.

Шаги приближались, затем дверь с шумом распахнулась, и на пороге появились солдаты, префект полиции, главный алькад и полицейские.

— Именем закона, вы арестованы, Антонио Касебар! — сказал префект.

— Взять его!

— Дон Антонио Касебар больше не существует, — сказал дон Хаиме, загораживая шурину.

— Благодарю, вы спасли честь моего имени, — прошептал дон Горацио и обратился ко всем:

— Сеньоры, вот герцог де Табор. — Он указал на Доминика. — А я — преступник. Помолитесь же за меня.

— Что же вы медлите? — крикнул префект полицейским. — Берите его!

— Попробуйте! — холодно произнес дон Горацио, поднеся руку ко рту.

Он побледнел, пошатнулся и рухнул на пол.

Дон Горацио отравился. Смерть была мгновенной.

— Сеньоры, — сказал дон Хаиме префекту и главному алькаду. — Смерть преступника помешала вам исполнить свой долг. Но тело его принадлежит семье. Поэтому прошу вас удалиться.

— Да простит Бог этому несчастному его последнее преступление! — промолвил префект. — Нам здесь больше нечего делать. — Он церемонно раскланялся и вышел. За ним последовали полицейские, алькад и солдаты.

— Господа! — произнес дон Хаиме. — Помолитесь за упокой души этого великого грешника!

Все опустились на колени, только Доминик стоял неподвижно, мрачно глядя на распростертого на полу дона Горацио.

— Доминик, — сказал дон Хаиме, — неужели ты питаешь ненависть к мертвому?

— Да, — вскричал Доминик. — Я ненавижу его! Пусть будет он проклят во веки веков!

Все тотчас поднялись с колен, словно это проклятье оледенило их душу.

Эпилог ТОПОР

События между тем развивались своим чередом.

Посланники Мирамона, отправленные к генералу Ортеге, вернулись, так и не заключив мира. Положение становилось критическим. Мирамон решил пожертвовать собой и покинуть город, чтобы не усугублять и без того тяжелое положение.

Он отправился в муниципальный совет и предложил избрать президента или алькальда, близкого к победившей партии, чтобы он мог спасти город и поддержать в нем порядок.

Муниципальный совет обратился к генералу Бериосбалу, и тот великодушно согласился принять на себя эту трудную миссию.

Первым делом он обратился к иностранным послам с просьбой раздать оружие своим соотечественникам, чтобы они могли заменить дезорганизованную полицию и наблюдать за безопасностью в городе.

Мирамон в это время готовился к отъезду. Он не взял с собой жену и детей, чтобы не подвергать их риску. Мало ли что могло случиться с Мирамоном в дороге. Поэтому он оставил их в испанском посольстве.

Вообще-то Мирамон мог спокойно покинуть город, не опасаясь нападения приверженцев Хуареса. Даже противники относились к нему дружелюбно, не видя в нем врага.

Ему не раз предлагали спастись, но он с поистине рыцарской деликатностью отклонял эти предложения, не желая навлечь ненависть на тех, кто защищал его и поддерживал.

Дон Хаиме почти весь день провел с Мираном. Он утешал его, помогал собирать солдат, бродивших в нерешимости и не знавших, к кому пристать.

Граф де ля Соль и герцог де Табор, так называли теперь Доминика, весь вечер провели в обществе женщин, обсуждая случившееся накануне. Наконец они простились и отправились домой. Их беспокоило то, что долго не возвращается дон Хаиме — в городе было неспокойно. Придя домой, они сразу же хотели лечь спать, но тут слуга доложил о приходе Лопеса.

Лопес был вооружен с головы до ног, будто собрался в опасную экспедицию.

— На вас целый арсенал, Лопес! — вскричал удивленно Доминик.

— Вы к нам с каким-нибудь поручением? — спросил граф.

— Мне велено сказать вам, сеньоры: «Два плюс один — три».

— Слава Богу! — вскричали молодые люди. — Что нужно делать? Мы готовы!

— Берите оружие, вооружите слуг, оседлайте лошадей и ждите!

— Что-нибудь случилось?

— Не знаю, сеньоры, так велел передать вам мой господин.

— А сам он придет?

— Через час он будет здесь. А мне велел остаться у вас.

— Отдохните пока, Лопес, а мы велим все приготовить.

К одиннадцати часам явился дон Хаиме. Его друзья в дорожных костюмах, со шпорами на сапогах, с револьверами у пояса курили, положили сабли и ружья на стол.

— Bravo! — сказал дон Хаиме. — Пора в путь!

— Как вам будет угодно.

— Далеко едем? — спросил Доминик.

— Не думаю, но, может быть, придется драться.

— Тем лучше, — ответили молодые люди.

— У нас еще почти полчаса времени. Этого больше чем достаточно, чтобы рассказать вам о моих намерениях. Вы знаете, что мы с генералом друзья. Так вот, генерал собрал отряд человек в пятьсот и надеется в его сопровождении благополучно добраться до Вера-Крус,

где он сможет сесть на корабль. Сегодня в час ночи он должен покинуть город.

— Неужели дело дошло до этого? — спросил граф.

— К сожалению. Но не нам об этом судить.

— Какая же роль отведена нам во всей этой истории? — поинтересовался Доминик.

— Сейчас объясню, — сказал дон Хаиме. — Мирамон уверен в своих сопровождающих, а я сомневаюсь. Мирамона солдаты любят, но ненавидят многих из тех, кто вместе с ним. Мне стало известно, что солдат подбивают выдать этих людей, и не исключено, что они согласились на это. В суматохе сам Мирамон может легко оказаться в плену.

— Весьма вероятно! — произнес дон Хаиме решительно. — И я рассчитываю на вас.

— Вот и прекрасно, — воскликнули молодые люди. — Мы оправдаем ваше доверие.

— Итак, вы, я, Лопес, Лео Карраль и наши слуги составим отряд из семи человек, а это уже сила. Кроме того, я смогу спрятать генерала у вас. Вы — иностранцы, живете уединенно, не привлекая к себе внимания.

— У нас он будет в полной безопасности.

— Я изложил вам свой план, а действовать будем по обстоятельствам. Если солдаты не пойдут на измену, наша помощь не понадобится. Мы только проводим его до того места, где он уже будет в безопасности.

— В нашем молодом президенте, — сказал граф, — столько рыцарского благородства и великодушия! Я был бы счастлив оказаться ему полезным.

— Едемте же, — сказал Доминик. — Надеюсь, вы позаботились о безопасности моей матери?

— Не беспокойся. Испанский посланник выставил у ее дома охрану. Кроме того, с ней остался дон Эстебан. У него связи с Хуаресом, так что он и один ее защитит в случае необходимости.

— Итак, в бой! — весело вскричали молодые люди.

Они укутались в плащи, взяли оружие.

— С Богом! — произнес дон Хаиме.

Слуги были уже на местах.

Семеро всадников направились к площади Майор, где уже собирались солдаты. Дома были освещены, по улицам шли толпы людей, многочисленные патрули из французов, англичан и испанцев наблюдали за порядком

и общественной безопасностью, ибо в момент смены правительства может случиться непредвиденное.

Солдаты братались с народом, как будто происходящее было в порядке вещей. Верные Мирамону офицеры были рядом с ним, они покидали город, потому что не ждали ничего хорошего от победителей. По спокойному, даже веселому виду Мирамона трудно было догадаться, что творится у него на душе. Он с воодушевлением говорил о достоинствах своего правления и без тени неприязни прощался с теми, кто предал его в трудную минуту.

— А, — сказал Мирамон, заметив дона Хаиме, — вы все же решили меня проводить. А я уже и не надеялся.

— Как это мило с вашей стороны, генерал! — весело сказал дон Хаиме.

— Не сердитесь на меня, пожалуйста!

— А я и не думаю сердиться. И вот доказательство: я привел с собой двух друзей, которые непременно хотят сопровождать вас.

— Весьма признателен вам, господа. Счастлив тот, кто, падая с высоты, находит друзей, готовых его поддержать.

— У вас нет недостатка в друзьях, генерал! — сказал граф.

— Да, это правда, — ответил Мирамон печально.

Пробила полночь.

— В путь, господа, — сказал Мирамон. — Пора!

Заиграли трубы. Толпа подалась назад. Солдаты вскочили на лошадей.

На площади воцарилось молчание. Президент бросил последний взгляд на утонувший во мраке дворец. Ни одно окно не светилось.

— Вперед! — крикнул Мирамон.

— Да здравствует президент! — понеслось со всех сторон. Генерал наклонился к дону Хаиме и прошептал:

— Я еще не уехал, а обо мне уже жалеют.

Люди шли вслед за воинами, отдавая дань уважения свергнутому президенту.

К двум часам ночи миновали заставы, и вскоре город остался далеко позади.

Воины были печальны и ехали молча. Вдруг в их рядах произошло едва заметное замешательство.

— Приготовьтесь! — сказал дон Хаиме друзьям.

Волнение нарастало. Впереди слышались крики.

— Что случилось? — спросил Мирамон.

— Бунт, — спокойно ответил дон Хаиме.

— Не может быть! — вскричал Мирамон. Но в это время слышались возгласы:

— Да здравствует Хуарес! Топор! Топор!

В Мексике топор — эмблема федерации. Требование «топора» означает бунт.

Приверженцы Хуареса, смешавшись с остальными воинами, кричали, требуя смерти врагов и обнажив сабли.

— Надо бежать, генерал! — сказал дон Хаиме.

— Ни за что, — ответил президент, — я умру, но не покину друзей.

— Вас убьют, а друзьям вы все равно не поможете! Взгляните, друзья ваши бегут!

— Что же делать? — вскричал президент.

— Надо пробиться сквозь ряды! — ответил дон Хаиме и, не дав президенту опомниться, громко крикнул: «Вперед!» Ряды раздались, и сквозь образовавшееся пространство дону Хаиме и его друзьям удалось увлечь за собой президента.

— Куда мы едем? — спросил президент.

— В Мехико! Там никому не придет в голову вас искать.

Час спустя они въехали в город вместе с солдатами, оравшими во все горло:

— Да здравствует Хуарес!

В городе они разделились: Мирамон и дон Хаиме остались вдвоем, из осторожности надо было возвращаться поодиночке.

К четырем утра они снова соединились.

Войска Хуареса входили в город, опередив всего на несколько часов генерала Ортегу.

Благодаря усилиям генерала Бериосабала и представителей иностранных держав смена правительства произошла мирно. И утром город уже жил своей обычной жизнью.

Дон Хаиме опасался, как бы не было обнаружено убежище Мирамона, и искал случая увести его из города. Время шло. Дон Хаиме уже стал отчаиваться, как вдруг такой случай представился.

Через несколько дней все успокоилось. Хуарес прибыл из Веракруса и торжественно вступил в город.

Первым делом новый президент, как и предвидел Мирамон, объявил испанскому посланнику, чтобы тот немедленно покинул территорию Мексики.

Подобные же заявления были сделаны папскому легату и представителям Гватемалы и Эквадора. Причем в самых оскорбительных выражениях.

Это вызвало настоящую панику. Если правительство способно так грубо попать права иностранных представителей, то чего можно от него ожидать?

Дон Хаиме решил воспользоваться случаем и отправить Мирамона, только не с испанским посланником, а с представителем Гватемалы.

Посланники покинули Мехико в этот же день.

Жена и дети Мирамона уехали еще раньше, а сам он, переодетый так, что его нельзя было узнать, выехал вместе с представителем Гватемалы.

Граф де ля Соль и герцог де Табор отправились в Веракрус, сопровождая донью Марию и девушек.

Дон Хаиме не хотел покидать генерала и вместе с Лопесом ехал следом за ним. В Мехико остался только дон Эстебан.

Мы не станем рассказывать об оскорблениях, которым подверглись посланники и изгнанные вместе с ними епископы. От самой Пуэблы, где их задержали как пленников, вплоть до Веракруса, где угрожали их жизни, в них швыряли камнями, и чернь едва не растерзала папского легата и несчастных епископов.

Дело дошло до того, что французский консул потребовал выслать на помощь французский военный бриг и испанский корабль, которые стояли на якоре в Сакрифисьос, и с них высадились несколько отрядов вооруженных матросов.

Мирамона в конце концов все же узнали, но французский консул и командир брига сделали все, чтобы его спасти.

Два дня спустя «Веласко», испанский военный корабль, уже шел по направлению к Гаване, увозя с собой всех героев нашего повествования.

15-го января 1863 года в Гаване сыграли две свадьбы: графа де ля Соль с доньей Кармен де Табор и герцога де Табор с доньей Долорес де ла Крус.

Свидетелями на бракосочетании были: папский легат, генерал Мирамон, командир «Веласко» и бывший представитель Гватемалы.

Папский легат благословил молодых супругов.

Граф де ля Соль, говорят, вернулся в Мексику, чтобы вытребовать с помощью французов поместья своей жены — правительство Хуареса не преминуло завладеть ими. С ним поехали дон Хаиме и Лео Карраль.

СОДЕРЖАНИЕ

КОРОЛЬ ЗОЛОТЫХ ПРИИСКОВ

ГЛАВА I	
Гостеприимство в пустыне	7
ГЛАВА II	
Деревня, которой суждено было стать городом	16
ГЛАВА III	
Золотой ключ	24
ГЛАВА IV	
Женщины	28
ГЛАВА V	
Мегера	33
ГЛАВА VI	
Робость — не лучшее качество женщины	38
ГЛАВА VII	
Желтая птица гонится за двумя зайцами	42
ГЛАВА VIII	
Любовь побеждает месть	51
ГЛАВА IX	
Долой маску! Я объявляю ему войну!	56
ГЛАВА X	
Король золотых приисков призывает подданных к порядку	59
ГЛАВА XI	
Последняя амазонка	64
ГЛАВА XII	
Воздушное путешествие, или то, что мэтр Пьер назвал рекогносцировкой	70
ГЛАВА XIII	
Желтая птица освобождает пленников	76
ГЛАВА XIV	
Случай оказывается мудрее доктора Фрэнсиса де Вердьера	82
ГЛАВА XV	
Здесь сходятся все следы	86

МЕКСИКАНСКИЕ НОЧИ

ГЛАВА I	
Лас Кумбрес	95
ГЛАВА II	
Путешественники	102
ГЛАВА III	
Разбойники	108
ГЛАВА IV	
Эль Рахо	113
ГЛАВА V	
Гасиенда Дель Ареналь	119
ГЛАВА VI	
Встреча у окна	125
ГЛАВА VII	
Ранчо	131
ГЛАВА VIII	
Раненый	138
ГЛАВА IX	
Открытие	144
ГЛАВА X	
Свидание	150
ГЛАВА XI	
На равнине	156
ГЛАВА XII	
Немного политики	162
ГЛАВА XIII	
Капитал конвента	169
ГЛАВА XIV	
Дом в предместье	177
ГЛАВА XV	
Дон Мельхиор	184
ГЛАВА XVI	
Приступ	194
ГЛАВА XVII	
После битвы	200
ГЛАВА XVIII	
Засада	206
ГЛАВА XIX	
Осложнения	213
ГЛАВА XX	
Неожиданность	221
ГЛАВА XXI	
Пленники	228
ГЛАВА XXII	
Дон Диего	235
ГЛАВА XXIII	
Ужин	240

ГЛАВА XXIV	
Тайна раскрыта	246
ГЛАВА XXV	
Мститель	255
ГЛАВА XXVI	
Средь бела дня	261
ГЛАВА XXVII	
Человек со средствами	266
ГЛАВА XXVIII	
Любовь	271
ГЛАВА XXIX	
Неожиданное нападение	278
ГЛАВА XXX	
Выступление	283
ГЛАВА XXXI	
Победа	289
ГЛАВА XXXII	
Пало-Кемадо	293
ГЛАВА XXXIII	
Сведение счетов	300
ГЛАВА XXXIV	
Окончательное решение	305
ГЛАВА XXXV	
Слежка	311
ГЛАВА XXXVI	
Начало конца	318
ГЛАВА XXXVII	
Последнее напутствие	325
ГЛАВА XXXVIII	
Лицом к лицу	332
ГЛАВА XXXIX	
Эпилог	340

Г. Эмар

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 18

Редактор *Э. Пономарева*

Корректоры *Ю. Черникова, Э. Пономарева, Ю. Диамант*

Компьютерная верстка *А. Диамента, А. Мынко*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать 02.08.93.
Формат 84 x 108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л.
18,48. Уч.-изд. л. 20,03. Тираж 50 000 экз. Заказ 1054.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,
Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграф-
комбинате Министерства печати и информации Российской
Федерации. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

